

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ КАКЪ ЭКОНОМИСТЪ.

John Stuart Mill. Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. (Начала политической экономии и некоторыя изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи, соч. Дж. Ст. Милля). 1865¹⁾.

Имя Джона Стюарта Милля, какъ философа, политика и экономиста, пользуется громкою и почетною извѣстностью. Немногимъ изъ экономистовъ удавалось приобрести такое вліяніе и такую всеобщую популярность. На Милля ссылаются послѣдователи самыхъ противоположныхъ направлений, начиная съ экономистовъ-либераловъ и оканчивая социалистами. Кери, Бастіа и Маклеодъ имѣли восторженныхъ поклонниковъ и безпощадныхъ порицателей; Тука и Ньюмарча много хвалили, но мало читали; предъ Миллемъ преклоняются всѣ, исключая, быть-можетъ, однихъ приверженцевъ крайней неподвижности, да и тѣ предпочитаютъ не вступать съ нимъ въ борьбу.

Такое почетное положеніе, составляющее удѣлъ немногихъ избранныхъ, невольно вызываетъ на разъясненіе вопроса: въ чемъ за-

¹⁾ Переводовъ «Началъ политической экономіи» Милля очень много; лучший изъ нихъ пѣвецкій Суетбера. Русскій переводъ изданъ А. Н. Пыпинымъ, въ 2-хъ томахъ, С.-Пб., 1865. При изложеніи ученія Милля, авторъ настоящей статьи пользовался подлинникомъ. — Критическія изслѣдованія о Миллѣ, по большей части, панегирики; къ числу послѣднихъ относятся: нѣсколько страницъ, предпосланныхъ Курсель-Сенѣлемъ его переводу; небольшое сочиненіе Ланге: «J. S. Mill's Ansichten über die sociale Frage, und die angebliche Umwälzung der Socialwissenschaften durch Carey», болѣе замѣчательное по разбору ученія Кери, — и ин. др. Къ исключеніямъ должно причислить монографію г. Рождественскаго «О значеніи Милля въ ряду современныхъ экономистовъ», С.-Пб., 1867, полагающаго отличительною чертою Милля *утилитаризмъ*. Не соглашаясь во многомъ съ даровитымъ авторомъ этого изслѣдованія, нельзя не признать, что г. Рождественскій основательно изучилъ не одного Милля, но и современную экономическую литературу.

ключается тайна этого огромнаго успѣха и рѣдкаго торжества? Для того, чтобы господствовать надъ умами, надо имѣть, конечно, много таланта; но этого мало: надо обладать способностію удовлетворять потребностямъ современнаго мыслящаго общества, проникнуться его завѣтными стремленіями и постичь искусство останавливаться каждый разъ на рубсжѣ крайнихъ мнѣній; переступая этотъ предѣлъ, писатель долженъ разорвать связь съ одной стороной и применить къ другой. Именно этимъ искусствомъ въ высокой степени обладаетъ Милль. Другой на его мѣстѣ или написалъ бы безцвѣтную книгу, или впалъ бы въ ярко выступающія противорѣчія (противорѣчія замаскированныхъ у Милля не мало), и изъ желанія угодить всѣмъ — никому бы не угодилъ. Милль, напротивъ того, почти никогда не заходитъ слишкомъ далеко: разсуждая о существующемъ порядкѣ вещей, онъ не приходитъ къ заключенію, что этотъ порядокъ долженъ быть разрушенъ; говоря о возможности иного общественнаго устройства, выдаваемого утопистами за наилучшее, онъ не допускаетъ возможности жертвовать въ пользу его индивидуальною свободою. Другими словами, Милль не удовлетворяется общественнымъ порядкомъ, основаннымъ на началѣ частной собственности и личной свободы, и въ то же время разсматриваетъ коммунизмъ и социализмъ какъ ученія, еще не прѣвренныя опытомъ; онъ видитъ и понимаетъ все зло, существующее въ настоящемъ, и съ сочувственнымъ словомъ останавливается передъ чашиемъ будущаго; но мысль его такъ строга и умъ такъ трезвъ, что онъ не можетъ предаться построенію утопій. Отмѣчая предѣлы для дѣятельности правительства, Милль является другомъ свободы и поборникомъ невмѣшательства власти; но онъ не задумывается призывать власть на помощь тамъ, гдѣ требуетъ этого благо общества. Напрасно стали бы мы искать въ этой глубокости направленія (если только можно такъ выразиться) признака однихъ лишь неустановившихся воззрѣній или наконецъ признанія за каждымъ явленіемъ права на безстрастное къ нему отношеніе; умъ Милля отличается такою ясностію и опредѣлительностію, что колебанія его проистекаютъ не отъ недостатка убѣжденія въ истинѣ того, что онъ говоритъ, а отъ логическихъ заблужденій. Равнымъ образомъ, снисходительность его къ социальнымъ ученіямъ происходитъ не отъ безстрастнаго отношенія его къ разнымъ враждебнымъ другъ другу направленіямъ, а отъ глубокаго чувства человѣчности. Имѣя очень много общаго съ тѣми истинно государственными умами, которые не пугаются той или другой доктрины и не приходятъ въ

ужась, въ трепеть, въ негодование при одномъ словѣ — социализмъ, Милль, однако же, не въ силахъ отнестись съ холодною сдержанностью и строгимъ скептицизмомъ къ самымъ эфемернымъ учениямъ, внушаемымъ желаніемъ блага и добра.

Кромѣ этой отличительной черты въ направленіи сочиненія Милля, книга знаменитаго писателя заслуживаетъ изученія еще потому, что она принадлежитъ къ числу рѣдкихъ произведеній, составляющихъ не простой ученый трактатъ, а попытку разработать науку по началамъ философскимъ. Можно сказать, что политическая экономія Милля есть прикладная часть его логики, ея повѣрка на самомъ дѣлѣ, а потому, при критическомъ изученіи его „Началъ политической экономіи“ необходимо взять въ пособіе его „Систему логики“. Заблужденія Милля, по преимуществу, логическаго свойства; они происходятъ или отъ погрѣшности самаго метода, или отъ невѣрнаго примѣненія этого метода въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній бываетъ безупреченъ. Съ одной стороны, Милль имѣетъ слишкомъ много вѣры въ апріорическое мышленіе, въ возможность выработать политическую экономію изъ немногихъ положеній, принятыхъ имъ за причины явленій; съ другой, онъ слишкомъ рѣдко останавливается на повѣркѣ, выводовъ теоретическихъ указаніями опыта. Для того, чтобы понять сущность вышесказаннаго, необходимо прежде всего обратиться къ научному методу Милля и затѣмъ уже, разсмотрѣвъ взглядъ автора на систему и задачу экономической науки, изложить содержаніе и представить оцѣнку пяти книгъ, на которыя онъ дѣлитъ свое сочиненіе.

I. Научный методъ Милля въ примѣненіи къ политической экономіи ¹⁾.

Умъ человѣка слѣдуетъ двоякому пути при изысканіи истины: онъ или наблюдаетъ явленія и воспроизводитъ ихъ, дѣлая заключенія о причинахъ, производящихъ явленія, и объ образѣ дѣятельности этихъ причинъ, — или же принимаетъ извѣстныя начала, предположенія и аксіомы за истины и выводитъ изъ нихъ рядъ заключеній, объясняя явленія, которыя должны были при томъ произойти. Первый путь есть наведеніе, *inductio*; отсюда и самый методъ называется *индуктив-*

¹⁾ *Mill. System of Logic*; Стюартъ Милль и Тэнъ, перев. Н. Хмѣлевскаго, С.-Пб., 1866. Выписки изъ послѣдней книги не обозначены въ текстѣ статьи, потому что въ нихъ сдѣланы перестановки, а иногда и незначительныя измѣненія въ редакціи.

нымъ. Этотъ способъ служить для того, чтобъ открыть и доказать общую истину. По Тэню, это — процессъ, по которому мы заключаемъ, что то, что истинно для отдѣльныхъ явленій, истинно и для цѣлаго ряда однородныхъ явленій, и что истина, въ извѣстное время, будетъ всегда истинною, при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Второй путь — выводъ, *deductio*; отсюда и названіе метода *дедуктивнымъ* или *выводнымъ*. Познаніе извѣстныхъ истинъ ведетъ къ ряду новыхъ истинъ и положеній, къ уясненію явленій, въ которыхъ дѣйствуютъ одні извѣстныя причины, или совершаются однородныя преемственныя явленія.

Сравнивая оба метода, наведенія и вывода, по ихъ удобствамъ, пользѣ и сферѣ примѣнимости, мы, — говоритъ Тэнъ въ прекрасномъ своемъ изслѣдованіи о трудахъ Милля какъ философа, — раскрываемъ всю исторію человѣческой науки, ея разногласія, надежды и предѣлы. Наведеніе достигло преобладающаго могущества въ эпоху Бэкона и начинаетъ его терять въ настоящее время; дедукція утратила свое значеніе во времена Бэкона и теперь начинаетъ возстановлять его. Наука, перейдя изъ состоянія выводнаго въ опытное, теперь переходитъ отъ опытнаго къ выводному. Къ области наведенія относятся всѣ разложимыя явленія и такія, надъ которыми мы можемъ производить опыты. Къ области выводнаго метода относятся всѣ неразложимыя явленія и такія, надъ которыми мы не можемъ производить опытовъ. Первый дѣйствителенъ въ физикѣ, химіи, зоологій, ботаникѣ, въ низшемъ разрядѣ изслѣдованій по каждой наукѣ, всюду, гдѣ явленія малосложны, не превышаютъ нашихъ силъ и могутъ быть видоизмѣняемы при помощи тѣхъ средствъ, которыми мы располагаемъ. Второй методъ доступенъ въ астрономіи, въ высшихъ частяхъ физики, въ физиологій, исторіи, вообще въ высшихъ отдѣлахъ каждой науки, всюду, гдѣ явленія или очень сложны, какъ напримѣръ, въ жизни животной или общественной, или же недосыгаемы для насъ, какъ напримѣръ, движенія небесныхъ свѣтилъ и перевороты земной коры. Когда не употребляется надлежащій методъ, наука останавливается; когда употребляется надлежащій методъ, наука идетъ впередъ. Въ этомъ вся тайна ея прошедшаго и настоящаго. Естественныя науки оставались неподвижны до Бэкона потому именно, что до него употребляли выводный методъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы употребить наведеніе; физиологія и нравственныя науки не подвигаются впередъ въ настоящее время, потому что въ нихъ употребляютъ наведеніе, тогда какъ слѣдовало бы идти путемъ выводовъ. Физиологическія явленія

могутъ быть объяснены только посредствомъ выводовъ, основанныхъ на физическихъ и химическихъ законахъ. Историческія, или точнѣе, общественныя явленія могутъ быть объяснены лишь посредствомъ выводовъ и законовъ разума. Подобно физиологін и исторіи, всѣ другія науки клонятся къ тому, чтобы сдѣлаться выводными, чтобы высказаться въ нѣсколькихъ общихъ положеніяхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести о всемъ остальномъ. Чѣмъ малочисленнѣе эти положенія, тѣмъ болѣе подвинулась наука впередъ. Чѣмъ меньше предположеній и данныхъ требуетъ наука, тѣмъ она совершеннѣе. Такое приведеніе къ немногимъ началамъ есть конечное состояніе науки. Астрономія, акустика, оптика представляются образцами въ этомъ смыслѣ. Мы тогда познаемъ природу, когда будемъ въ состояніи миллионы представляемыхъ ею фактовъ вывести изъ двухъ или трехъ законовъ. Спрашивается: какіе же приемы употребляются въ наведеніи и дедукціи для отысканія причинной связи явленій?

Наведеніе, по Миллю, употребляетъ четыре способа: согласованія, разницы, остатка и сопутствующихъ измѣненій. Эти способы представляются съ совершенною ясностію, если выразить ихъ основными правилами.

1) Основное правило согласованія заключается въ слѣдующемъ: „Если двумъ или большому числу случаевъ изслѣдуемаго явленія природы обще одно лишь обстоятельство, то обстоятельство, въ которомъ всѣ случаи согласуются, есть причина, производящая данное явленіе, его *agens*“.

2) Основное правило способа разницы можетъ быть выражено такъ: „Если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе природы имѣетъ мѣсто, и случай, въ которомъ оно не имѣетъ мѣста, представляютъ всѣ условія общія, за исключеніемъ лишь одного, и это одно условіе встрѣчается только въ первомъ случаѣ, то условіе, которымъ оба случая разнятся другъ отъ друга, есть дѣятель или причина, или необходимая составная часть причины явленія“.

3) Для способа остатка Милль даетъ слѣдующее правило: „Издѣли изъ даннаго явленія природы ту часть его, которая, какъ изъ прежнихъ наведеній дознано, есть слѣдствіе извѣстныхъ предшествовавшихъ причинъ, и оставшаяся часть, остатокъ явленія природы, будетъ слѣдствіемъ остальныхъ дѣятелей (причинъ)“.

4) Основное правило способа сопутствующихъ измѣненій — слѣдующее: „Если измѣненія въ двухъ какихъ-либо явленіяхъ непрерывно сопутствуютъ другъ другу, то одно изъ нихъ составляетъ при-

чину, а другое слѣдствіе, и оба они состоятъ въ какой-либо причинной связи“.

Въ сущности, всѣ эти способы сводятся къ одному, къ выдѣленію изъ совокупности условій бѣльшаго или меньшаго числа послѣднихъ, для того, чтобы составить отдѣльныя пары явленій, находящихся въ причинной связи. Эта мысль выражена у Милля слѣдующимъ образомъ: по способу разницы, все, что не можетъ быть выдѣлено изъ явленія, связано съ нимъ какимъ-либо закономъ; по способу согласованія, все, что можетъ быть выдѣлено, отнюдь не связано съ явленіемъ какимъ-либо закономъ. Способъ остатка есть только частный случай способа разницы; способъ сопутствующихъ измѣненій есть другой частный случай того же способа, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ парой данныхъ явленій, но съ ихъ измѣненіями.

Таково ученіе Милля о методѣ наведенія. Но изложенные приемы его во многихъ случаяхъ бываютъ бессильны, и именно тогда, когда дѣйствіе, произведенное совокупностію причинъ, не допускаетъ подраздѣленія на свои элементы. Невозможность выдѣленія условій не позволяетъ дѣлать наведенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Это важное затрудненіе встрѣчается почти во всѣхъ случаяхъ движенія, ибо почти каждое движеніе есть дѣйствіе совокупныхъ силъ, и соотвѣтственныя дѣйствія различныхъ силъ сливаются въ немъ до такой степени, что нѣтъ возможности раздѣлить ихъ, не разстроивъ самого дѣйствія; а потому представляется невозможнымъ узнать: какая доля участія въ произведеніи этого движенія принадлежитъ каждой силѣ? Ни одинъ изъ способовъ согласованія, разницы, остатка и сопутствующихъ измѣненій, которые разлагаютъ явленія и выдѣляютъ условія, не можетъ быть примѣненъ къ явленію, по самой природѣ своей исключающему всякое выдѣленіе и всякое разложеніе. Итакъ, надлежитъ обойти это препятствіе, и вотъ здѣсь-то въ наше распоряженіе и предоставляется послѣдній ключъ къ природѣ, выводный методъ. Мы покидаемъ явленіе, переносимся въ сторону отъ него, изучаемъ другія, болѣе простыя явленія, устанавливаемъ ихъ законы и связываемъ каждое изъ нихъ съ соотвѣтствующею причиною при помощи способовъ обыкновеннаго наведенія; за тѣмъ, предполагая совокупное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ причинъ, заключаемъ, по ихъ извѣстнымъ уже законамъ, каково должно быть это совокупное дѣйствіе; потомъ мы повѣряемъ, совершенно ли подобно дѣйствительное явленіе предсказанному нами, и если это такъ, то мы приписываемъ

его тѣмъ причинамъ, изъ которыхъ мы вывели *сго a priori*. Такимъ образомъ, для того, на примѣръ, чтобъ открыть законы движенія планетъ, мы отыскиваемъ помощію простыхъ наведеній двѣ причины, силу центробѣжную и силу центростремительную. Затѣмъ мы выводимъ посредствомъ вычисленія движеніе тѣла, которое будетъ поддержано соединеннымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ силъ, и повѣривъ, что наблюдаемыя планетныя движенія совершенно совпадаютъ съ предсказанными нами, заключаемъ, что силы, о которыхъ идетъ рѣчь, суть дѣйствительно причины планетныхъ движеній. „Этому именно методу — говоритъ Милль — человѣческій умъ обязанъ своими наиболѣе великими торжествами. Мы обязаны ему всѣми теоріями, подводящими обширныя и сложныя явленія подъ нѣсколько простыхъ законовъ“¹⁾.

Этотъ же самый методъ Милль считаетъ единственно примѣнимымъ къ наукамъ человѣческаго духа, за исключеніемъ психологіи, законы которой получаются путемъ наведенія. Всѣ прочія науки, имѣющія своимъ предметомъ или человѣка, или общество, — выводныя.

Науки общественныя принадлежатъ къ труднѣйшимъ отраслямъ нашихъ знаній, потому что явленія общественныя слагаются подъ вліяніемъ множества условій, среди которыхъ развивается какъ самый человѣкъ, такъ и цѣлое общество. Политика, говоритъ Милль, только выходитъ изъ того состоянія, въ которомъ находилась медицина до появленія физиологіи и до развитія естествознанія. Попытка изучать патологию и терапію общества, не зная его физиологіи, привела къ мысли, что въ политикѣ общія истины невозможны; но невозможны не истины научныя, а пригодныя во всѣхъ случаяхъ рецепты для образовъ правленія или для системъ законодательства. Хотя между общественными явленіями нѣтъ двухъ случаевъ, вполне похожихъ другъ на друга, тѣмъ не менѣе общественныя явленія зависятъ отъ извѣстныхъ причинъ, и образъ дѣйствія послѣднихъ можетъ быть приведенъ къ самымъ простымъ законамъ. Отсюда слѣдуетъ невозможность не общихъ законовъ, а только практическихъ общепримѣнимыхъ началъ. Въ этомъ состоитъ одно изъ отличій общественныхъ наукъ отъ астрономіи. Въ послѣдней очень мало условій, а потому мы можемъ не только объяснить, но и предсказать явленіе; въ общественныхъ наукахъ условій такъ много, что знаніе законовъ

¹⁾ Ср. «Стюартъ Милль и Тэнъ», стр. 252 — 270. Послѣдующее изложеніе есть сжатый очеркъ 6-й книги «Системы логики» Милли.

общественныхъ явленій можетъ служить для насъ лишь средствомъ къ пониманію настоящаго состоянія общества или къ уразумѣнію тѣхъ измѣненій, къ которымъ оно стремится въ данное время.

Для того, чтобы понять правильный методъ, примѣнимый къ общественнымъ наукамъ, Милль разсматриваетъ сначала методы ошибочныя: химическій и геометрической.

Химическій методъ, въ сущности, есть методъ опыта и наведенія. Опытъ не примѣнимъ къ общественнымъ наукамъ, потому что мы не можемъ воспроизводить общественныя явленія по нашему произволу; но еслябъ эксперименты *in anima vili* и были возможны надъ обществомъ, то все-таки мы не могли бы создать всѣхъ условій, при которыхъ совершаются явленія. Опытъ можетъ состоять изъ однихъ лишь историческихъ примѣровъ; но какъ бы ни было велико число извѣстныхъ намъ примѣровъ, анализъ отдѣльныхъ явленій, при сложности причинъ, не позволяетъ примѣнить наведенія.

Способъ разницы и остатка не примѣнимъ, потому что нѣтъ двухъ обществъ совершенно схожихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ выдѣляемыхъ условій; поэтому, если мы хотимъ рѣшить вопросъ, напримѣръ, о томъ, благотворно ли дѣйствуетъ протекціонизмъ на благосостояніе общества, мы не можемъ утверждать, что протекціонизмъ, существующій въ одномъ обществѣ и не существующій въ другомъ, составляетъ существенное отличіе между ними, мы не можемъ также придумать два. такіе случая, въ которыхъ мы могли бы выдѣлить всѣ условія, за исключеніемъ протекціонизма, и слѣдовательно, не можемъ приписать ему то или другое вліяніе. Способъ согласованія не примѣнимъ, потому что дѣйствіе происходитъ отъ различныхъ причинъ; такъ, напримѣръ, благосостояніе происходитъ не отъ одного протекціонизма. Способъ сопутствующихъ измѣненій не примѣнимъ, потому что дѣйствіе извѣстныхъ причинъ производитъ не только качественныя, но и количественныя различія: благосостояніе можетъ сопутствовать и не сопутствовать протекціонизму и развиваться съ различною силою вслѣдствіе другихъ постороннихъ причинъ. Геометрической методъ — есть методъ дедуктивный; ошибочность его, въ примѣненіи къ общественнымъ наукамъ, состоитъ въ томъ, что онъ пытается объяснить всѣ явленія не многими, а одною причиною; таково, напримѣръ, ученіе Бентама о выгодѣ, какъ о двигателѣ человеческой дѣятельности. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого метода, прекрасно разобраннаго Миллемъ (ошибочность его очевидна съ перваго взгляда для того, кто понимаетъ сложность и разнообразіе

причинъ, дѣйствующихъ въ обществѣ), можно обратиться прямо къ двумъ методамъ, которые, по мнѣнію Милля, должны быть признаны единственно плодотворными въ общественныхъ наукахъ, именно — къ конкретно-дедуктивному, или физическому, и къ обратно-дедуктивному, или историческому.

Милль останавливается прежде всего на конкретно-дедуктивномъ методѣ. Въ общественныхъ наукахъ мы имѣемъ дѣло съ явлениями, составляющими слѣдствіе большаго числа сложныхъ причинъ, и результатъ дѣйствія послѣднихъ равняется суммѣ дѣйствія этихъ причинъ, отдѣльно взятыхъ. Предположивъ, что законы физиологій и этнологій (науки о характерѣ человѣка) намъ достаточно извѣстны, мы можемъ узнать общественныя явленія, производимыя каждою данною причиною; но когда намъ приходится вывести и предсказать результаты многихъ совместно дѣйствующихъ причинъ, то удовлетворительное разрѣшеніе задачи представляеть, съ перваго взгляда, непреодолимая трудность. „Чѣмъ болѣе причинъ, обособляющихъ явленіе, принимаемъ мы въ расчетъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ шаткость выводовъ, тѣмъ болѣе положенія науки становятся запутанными и лишены всякаго значенія. Наконецъ, если мы и можемъ сказать, какъ будетъ дѣйствовать извѣстная причина, то не можемъ знать, въ какомъ объемѣ и съ какою силою она будетъ дѣйствовать, и даже, не будетъ ли она парализована вліяніемъ другихъ обстоятельствъ? Для устраненія этихъ трудностей мы имѣемъ однако же средства, состоящія въ ограниченіи нашихъ изслѣдованій извѣстнымъ кругомъ явленій и въ установленіи надлежащаго способа повѣрки выводовъ *a priori*.

Мы ограничиваемъ наши изслѣдованія такими разрядами общественныхъ явленій, которыя хотя и возникаютъ подъ вліяніемъ всѣхъ общественныхъ причинъ, но, главнымъ образомъ, находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ немногихъ. Къ числу такихъ разрядовъ явленій относится группа явленій экономическихъ, — явленій, возникающихъ изъ стремленія къ пріобрѣтенію богатства и составляющихъ предметъ изученія политической экономіи. Политическая экономія разсматриваетъ, отвлеченно отъ другихъ побужденій, стремленіе человѣка къ богатству и противодѣйствующія этому стремленію побужденія, отвращеніе къ труду и потребность въ дорого стоящихъ наслажденіяхъ. Политическая экономія изучаетъ человѣка исключительно какъ пріобрѣтателя и потребителя богатства и старается показать, какой ходъ получила бы его дѣятельность въ обществѣ, найдись подъ безусловнымъ вліяніемъ этого мотива и не стѣсненная

двумя вышеупомянутыми противодѣйствующими стремленіями. Политическая экономія показываетъ, что люди, желая пріобрѣсть богатство, накапливаютъ и употребляютъ его для производства; что они, по взаимному соглашенію, устанавливаютъ собственность и законы, препятствующіе отдѣльнымъ лицамъ сплюю или обманомъ посягать на имущество другихъ; что они усваиваютъ извѣстныя открытія для усиленія производительности труда; что они вводятъ распределеніе произведеній по соглашенію, подъ вліяніемъ соперничества (между тѣмъ какъ само соперничество устанавливается на основаніи извѣстныхъ законовъ, которые суть послѣдніе регуляторы распределенія произведеній), и что они употребляютъ извѣстныя средства (какъ напримѣръ, деньги, кредитъ) для облегченія распределенія произведеній. Политическая экономія рассматриваетъ всѣ эти явленія такъ, какъ будто бы они возникали единственно изъ стремленія къ богатству, хотя многія изъ нихъ составляютъ въ дѣйствительности результатъ разнообразныхъ побужденій. Наука переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію законовъ этихъ явленій, предполагая, что человѣкъ есть существо, которое, по своей природѣ, предпочитаетъ большее богатство меньшему, за исключеніемъ случаевъ, зависящихъ отъ двухъ, поименованныхъ выше, противодѣйствующихъ причинъ. Политико-экономисты никогда не впадаютъ въ такую безсмыслицу, чтобы считать людей ищущими одного богатства; но они рассматриваютъ людей съ этой стороны, потому что того требуетъ наука. Если явленіе зависитъ отъ совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ причинъ, то эти причины должны быть изучены отдѣльно, и ихъ законы изслѣдованы особо, такъ какъ законъ явленія складывается изъ законовъ всѣхъ причинъ, производящихъ это явленіе. Законы силъ центростремительной и центробѣжной должны были сдѣлаться извѣстны прежде, чѣмъ движеніе земли и планетъ было объяснено и могло быть предсказано. То же должно сказать и о дѣятельности человѣка: для того, чтобы судить о томъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ разнообразныхъ желаній и отвращеній, должно знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ каждаго изъ нихъ, отдѣльно взятаго.

Быть-можетъ, нѣтъ ни одного хозяйственнаго дѣйствія человѣка, которое не находилось бы посредственно или непосредственно подъ вліяніемъ другихъ побужденій, кромѣ стремленія къ богатству; но политическая экономія не считаетъ своихъ выводовъ примѣнимыми къ другимъ проявленіямъ человѣческой дѣятельности, которыя не ставятъ богатства своею главною цѣлію; она обращаетъ вниманіе только

на одну область и рассматриваетъ, какія дѣйствія произвело бы стремленіе къ богатству, еслибъ оно не встрѣчало никакихъ препятствій. Такимъ образомъ, мы приближаемся къ дѣйствительному общественному порядку, исправляя наши выводы тѣмъ, что принимаемъ въ расчетъ особыя побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ слагается результатъ въ данномъ случаѣ. Эти исправленія только въ немногихъ, самыхъ разительныхъ случаяхъ (напримѣръ, когда дѣло идетъ о началѣ населенія) включаются въ составъ политической экономіи, при чемъ, ради практическаго удобства, дѣлается отступленіе отъ строго-научнаго порядка. Общія положенія, подобныя приведеннымъ выше, могутъ служить, въ каждомъ данномъ состояніи общества, правильнымъ руководствомъ, хотя бы до поры до времени и не принималось въ расчетъ видоизмѣняющее вліяніе различныхъ причинъ и дѣйствіе непрерывно совершающихся общественныхъ перемѣнъ. Правда, экономисты часто впадаютъ въ ошибку, примѣняя выводы, сдѣланные изъ условій даннаго состоянія общества, къ обществамъ, находящимся въ другомъ состояніи, въ которыхъ многія изъ условій не однородны; но не трудно примѣнить эти выводы къ другимъ случаямъ, вводи въ надлежащемъ мѣстѣ новыя условія; такова, напримѣръ, ошибка англійскихъ экономистовъ, которые принимаютъ выводы, сдѣланные изъ распредѣленія доходовъ въ Великобританіи, за безусловныя и всеобщія истины. Эти истины имѣютъ, конечно, мѣстный характеръ; но методъ изслѣдованія, посредствомъ котораго онѣ добыты, имѣетъ всеобщую примѣнимость, и точно также, какъ человѣкъ, рѣшившій нѣсколько алгебраическихъ уравненій, можетъ легко рѣшать другія, однородныя, также точно и экономистъ, объяснившій распредѣленіе доходовъ въ данной странѣ, можетъ объяснить это явленіе и въ другой странѣ, хотя бы оно представляло тамъ значительныя отклоненія.

Переходя къ повѣркѣ выводовъ, должно замѣтить, что въ выводной наукѣ прежде всего необходимо добыть общія положенія или посредствомъ статистики, которая даетъ эмпирическіе законы явленій, или путемъ прямого наблюденія. Повѣрка эмпирическихъ законовъ явленій, полученныхъ въ статистикѣ заключеніемъ отъ причинъ къ слѣдствіямъ, состоитъ въ согласіи этихъ законовъ съ выводами *a priori*. Повѣрка общихъ положеній, добытыхъ прямымъ наблюденіемъ (гипотезъ, въ собственномъ смыслѣ слова), заключается не въ апріорическихъ выводахъ, а въ согласіи послѣднихъ съ результатами наблюденія *a posteriori*. Но этотъ двойной логическій процессъ и взаимная повѣрка эмпирическихъ законовъ выводами *a priori*, а послѣднихъ—

конкретными явленіями, не всегда возможны. Статистика составляет иногда единственное и наилучшее средство для пріобрѣтенія данныхъ, необходимыхъ въ выводной наукѣ, которая не можетъ рѣшить *a priori* — какъ часто и съ какою силою дѣйствуетъ извѣстная причина; но опытъ ничего не даетъ, кромѣ эмпирическаго закона, неудобнаго для повѣрки выводнымъ путемъ, какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующаго. Если среди большаго числа одновременно дѣйствующихъ причинъ имѣется въ виду опредѣлить дѣйствіе одной какой либо причины, напримѣръ, хлѣбныхъ законовъ, то специфическій выводъ, сдѣланный изъ большаго числа случаевъ примѣненія хлѣбныхъ законовъ, можетъ указать лишь на болѣе рѣзкое проявленіе нѣкоторыхъ послѣдствій, происходящихъ отъ извѣстныхъ причинъ, вліяніе коихъ затемняется содѣйствіемъ или противодѣйствіемъ другихъ причинъ. Число подобныхъ случаевъ, для того чтобы объять все совместно дѣйствующія причины и дать годный въ наукѣ средней выводъ, никогда не бываетъ достаточно велико. Между тѣмъ, *a priori* мы можемъ узнать только то, въ какомъ направленіи будутъ дѣйствовать извѣстныя причины.

Не имѣя предшествующихъ эмпирическихъ обобщеній для сравненія съ ними выводовъ теорій, мы принуждены довольствоваться единственно возможною повѣркою этихъ выводовъ результатами единичнаго опыта или случая. И здѣсь трудность равно велика, потому что, для повѣрки теорій опытомъ, условія послѣдняго должны быть тѣ же самыя, которыя приняты въ теоріи, между тѣмъ какъ въ общественныхъ явленіяхъ условія не бываютъ совершенно одинаковы въ двухъ случаяхъ. Опытъ надъ хлѣбными законами, сдѣланный въ одной странѣ или однимъ поколѣніемъ, очень мало подтвердитъ научный выводъ относительно другой страны или другаго поколѣнія. Такимъ образомъ, по большей части оказывается, что дѣйствительно удобный случай для подтвержденія предсказаній теорій есть именно тотъ, въ которому относятся предсказанія, и стало быть, подтвержденіе теорій предлагается дѣйствительностью лишь тогда, когда оно уже не можетъ служить практическимъ руководствомъ. Итакъ, прямая повѣрка не всегда возможна; за то возможна всегда повѣрка непрямая, которая едва ли имѣетъ меньшую цѣну. Выводъ, относящійся къ частному случаю, можетъ быть повѣренъ только имъ самимъ; но онъ допускаетъ непрямую повѣрку, именно подтвержденіе другими выводами, сдѣланными изъ тѣхъ же самыхъ законовъ, въ другихъ частныхъ случаяхъ. Опытъ, оказывающійся замѣдлымъ для по-

вѣрки особаго случая, къ которому онъ относится, не является слишкомъ поздно для удостовѣренія годности теоріи вообще. Для того, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ наука представляетъ намъ твердую основу для предвидѣнія, и слѣдовательно, для практической дѣятельности, мы должны испытать, въ какой степени наука позволила бы намъ предвидѣть то, что дѣйствительно совершилось. Прежде, чѣмъ мы можемъ вполне довѣрять нашей теоріи о вліяніи известной причины при данныхъ обстоятельствахъ, мы должны быть въ состояніи представить объясненіе цѣлаго отдѣла общественныхъ явленій, на которыя имѣетъ вліяніе эта причина. Однимъ словомъ, наша наука и знаніе частнаго случая позволяютъ намъ предвидѣть будущее, если онѣ даютъ намъ возможность предсказать настоящее и прошедшее. Если мы чего-либо не могли предвидѣть, то это будетъ остаточное явленіе, которое требуетъ для своего объясненія дальнѣйшаго изученія, и мы должны отыскать между условіями частнаго случая такое, которое, согласно съ началами нашей теоріи, объясняетъ непонятное явленіе, или же, наоборотъ, мы должны искать объясненія въ развитіи или извращеніи самой теоріи.

Къ явленіямъ сложнымъ, составляющимъ результатъ разнообразныхъ причинъ, конкретно-дедуктивный методъ не примѣнимъ; въ такомъ случаѣ мы дѣлаемъ наши выводы, основываясь на предположеніяхъ, заимствованныхъ изъ специфическаго опыта, и затѣмъ связываемъ эти выводы апіорическими заключеніями съ началами человеческой природы, такъ что выводы становятся повѣркою. Такой методъ свойственъ, по Конту, обществовѣдѣнію и называется Миллемъ обратнo-дедуктивнымъ или историческимъ. Исслѣдованія, относящіяся къ обществовѣдѣнію, по Миллю, бываютъ двоякаго рода: одни рѣшаютъ вопросъ, какое дѣйствіе производитъ данная причина при известныхъ условіяхъ; другія рѣшаютъ вопросъ, что создаетъ эти общественныя условія, и какія явленія ихъ характеризуютъ. Разсмотрѣніе этого послѣдняго вопроса составляетъ предметъ общаго обществовѣдѣнія.

Свойства природы человѣка и природы общества измѣнчивы. Причина этой особенности заключается во взаимодѣйствіи причинъ и слѣдствій. Обстоятельства создаютъ характеръ человѣка, и въ свою очередь, создаются человекомъ. Отсюда должно произойти одно изъ двухъ — или круговращеніе, или поступательное движеніе явленій (но не совершенствованіе, хотя послѣднее свойственно природѣ человѣка). Начало поступательнаго движенія есть основаніе исторической науки;

законъ его не есть законъ естественный, а эмпирическій. Законы общественные не суть законы самостоятельные, а заимъются отъ психологическихъ и этнологическихъ законовъ; но, выходя изъ стѣнъ чело-вѣческой природы и общихъ условій чело-вѣческаго состоянія, можно *a priori* опредѣлить порядокъ чело-вѣческаго развитія, и слѣдова-тельно, предсказать общія явленія исторіи до послѣдняго времени, — тѣмъ скорѣе, что вліяніе однихъ поколѣній на другія становится преобладающимъ, и различія между народами сглаживаются, вмѣстѣ съ развитіемъ чело-вѣчества. Такимъ образомъ, разумное изученіе исторіи даетъ эмпирическіе законы для общества, которые должны быть выведены изъ законовъ чело-вѣческой природы. Дедукція при-водитъ насъ къ заключенію, что такъ могло быть, но не къ заключе-нію, что такъ должно быть. Такова повѣрка обратно-дедуктивнаго ме-тода, и при всякой другой относительное значеніе явленій будетъ не-понятно, а историческое обобщеніе окажется ложнымъ. Эмпирическіе общественные законы суть или статическіе — законы сосуществованія извѣстныхъ явленій, или динамическіе — законы послѣдовательнаго раз-витія, съ которымъ вмѣстѣ измѣняется и соотношеніе между явленіями, одновременно существующими. Эмпирическіе законы, полученные исто-рическимъ обобщеніемъ, не составляютъ даже среднихъ началъ, а слу-жать для нихъ матеріаломъ; таково, на примѣръ, преобладаніе въ об-ществахъ сначала военнаго, а потомъ промышленнаго духа. Для по-лученія лучшихъ опытныхъ законовъ, недостаточно знать отношеніе между отрывочными дѣйствіями и причинами, но должно изучить связь между статикою и динамикою общественныхъ явленій, законъ соот-вѣстствія не только между одновременными состояніями разныхъ об-ществъ, но и между одновременными перемѣнами, происходящими въ означенныхъ состояніяхъ. Этотъ трудный процессъ наблюденія и срав-ненія облегчается существованіемъ первоначальной причины (*primus agens*), господствующей надъ другими началами, то-есть, стремленіемъ въ истинѣ. Поступательное развитіе чело-вѣчества есть развитіе ду-ховныхъ убѣжденій, знаній и мнѣній. Спекулятивный элементъ, при объясненіи явленій, заключается прежде всего въ сверхъ-естествен-номъ началѣ, потомъ — въ метафизическомъ (*hoghog vasu*, „жизнен-ная сила“ и т. п.), наконецъ — въ опредѣленіи законовъ послѣдова-тельности и сходства. Главное возраженіе противъ существованія об-щихъ историческихъ законовъ состоитъ въ томъ, что они несомнѣсны съ свободою воли; но это возраженіе происходитъ отъ смѣшенія при-чинности съ необходимостію. Если изъ извѣстныхъ причинъ возника-

ють извѣстныя слѣдствія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы самыя причины были необходимы. Явленія общественныя обуславливаются причинами общественными и индивидуальными, къ числу которыхъ относятся причины, созданныя самимъ человѣкомъ. Вліяніе индивидуума на общественныя явленія сильнѣе, чѣмъ на явленія химическія и механическія. Общественныя явленія зависятъ не только отъ распространенія познаній и духовнаго развитія человѣчества, но и отъ вліянія исключительныхъ, выдающихся личностей и самыхъ правительствъ; тѣ и другія составляютъ необходимое звено въ историческомъ развитіи и ускоряютъ движеніе. Если, въ теченіе времени, вліяніе предшествующихъ поколѣній на послѣдующія усиливается, а сила индивидуальности слабѣетъ, то историческая наука становится вѣдствіе того болѣе и болѣе возможною.

Въ заключеніе, нельзя не привести нѣсколькихъ мыслей Милля объ отношеніи общественной науки къ практической дѣятельности.

Практика состоитъ или въ дѣйствіи по извѣстному правилу (силлогистика, — дѣло судьи), или въ отысканіи правила (дѣло законодателя). Искусство поставяетъ себѣ цѣль и передаетъ ее наукѣ, наука воспринимаетъ эту цѣль и изслѣдуетъ причины и условія, производящія явленіе. Искусство разсматриваетъ затѣмъ сочетаніе условій и объявляетъ, достижима ли цѣль. Единственная послыка искусства состоитъ въ томъ, что цѣль желательна; затѣмъ искусство обращаетъ положеніе науки (*iudicatio*) въ предписаніе (*imperatio*), въ правило. Для точности послѣдняго необходимо, чтобы теорія была полна и обнимала всѣ причины; но общественныя явленія такъ сложны, что подобная теорія не можетъ выработаться, а потому правила могутъ служить лишь для обыденныхъ явленій, и притомъ для правильной практической дѣятельности необходимъ анализъ даннаго случая: иначе практика впадаетъ въ ложныя обобщенія, въ силлогистику изъ неподвижныхъ началъ. Наконецъ, и искусство имѣетъ свою теорію, которая состоитъ въ посредствующихъ началахъ, устанавливающихъ отношеніе между средствомъ и цѣлію. Цѣль ставится искусствомъ, а не наукою; но для постановки цѣли нуженъ принципъ; такой принципъ есть счастье, обуславливаемое развитіемъ благородства воли или человѣческаго характера.

Таково ученіе Милля о методахъ научныхъ изслѣдованій, названное знаменитымъ авторомъ *логикою*. Надо сознаться, что немногіе изъ мыслителей умѣли такъ ясно, отчетливо и общедоступно изобразить тотъ путь, которымъ слѣдуетъ человѣкъ въ своихъ изысканіяхъ,

тѣ препятствія, которыя предстоитъ ему преодолѣвать, и наконецъ, тѣ средства, коими онъ достигаетъ, по мнѣнію автора, возможно лучшихъ результатовъ въ наукѣ.

Возраженія противъ Милля и сомнѣнія въ справедливости его положеній являются тогда, когда прочитавшій его „Систему логики“ начинаетъ изучать его „Политическую экономію“ и провѣрять логическую теорію автора въ ея примѣненіи, когда вѣра въ непреложность апріорическихъ выводовъ начинаетъ колебаться, и одинъ за другимъ возникаютъ вопросы о томъ, не слишкомъ ли мало мѣста даетъ авторъ наблюденію въ области общественныхъ наукъ. По ученію Милля, политико-экономическія истины суть истины общественныя. Явленія общественныя суть результатъ вліянія причинъ психологическихъ и этнологическихъ въ непрерывномъ развитіи общественныхъ явленій, въ ихъ историческомъ ходѣ, который дѣйствительно не можетъ не быть признанъ поступательнымъ. Въ общественной жизни мы не можемъ дѣлать опытовъ, а наблюденіе даетъ намъ только гипотезы или эмпирическіе законы явленій, то-есть, положенія, которыя служатъ посылками для выводовъ и могутъ быть повѣрены или въ извѣстной области явленій (при чемъ сдѣланная повѣрка сообщаетъ выведеннымъ истинамъ достаточную степень достовѣрности и позволяетъ объяснять ими однородныя явленія), или же установленіемъ связи между данными наблюденіями и началами человѣческой природы. Послѣдній методъ признается Миллемъ примѣнимымъ къ наиболѣе сложнымъ явленіямъ, а такими нельзя не признать тѣхъ экономическихъ явленій, которыя отличаются, по преимуществу, преобладаніемъ въ нихъ историческаго элемента.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что Милль нисколько не исключаетъ наблюденія изъ числа пріемовъ, употребляемыхъ въ экономической наукѣ, но даетъ ему подчиненное мѣсто. Вся сила науки, всѣ ея будущія торжества заключаются въ умѣнны сдѣлать выводы изъ положеній или гипотезъ, добытыхъ наблюденіемъ, и затѣмъ въ умѣнны сообщить достовѣрность выводамъ посредствомъ того или другаго способа повѣрки; самые же выводы, законы, научныя или теоретическія истины состоятъ въ уясненіи связи между причинами и явленіями, названными этими причинами. Приписывая столь огромное значеніе причинности явленій, Милль, повидимому, не упускаетъ изъ виду существующихъ между ними соотношеній; но послѣднія заключаются авторомъ въ болѣе тѣсную область и далеко не имѣютъ того смысла, который придавалъ имъ Гроувъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи — „О

соотношеніи физическихъ силъ“. Эти недостатки логической системы Милля съ большою очевидностію представляются въ примѣненіи его научныхъ пріемовъ къ обработкѣ политической экономіи.

Политическая экономія первымъ и громаднымъ успѣхомъ своимъ обязана А. Смиту. Что же сдѣлалъ Смитъ? Онъ поставилъ, конечно, не мало гипотезъ, изъ которыхъ вывелъ рядъ остроумныхъ заключеній; онъ обобщилъ много положеній, извлеченныхъ путемъ наблюденій, и основалъ на нихъ свои выводы; но сила А. Смита заключается не въ этомъ: его гипотезы и положенія давно уже пошатнулись, между тѣмъ какъ зданіе воздвигнутой имъ науки стоитъ еще непоколебимо. Величайшая заслуга шотландскаго экономиста заключается въ богатствѣ наблюденій и въ умѣннн сообщить имъ научный характеръ. Правильны или неправильны положенія и гипотезы, основанныя на наблюденіи, но наблюденіе съ научнымъ характеромъ остается и составляетъ прочное пріобрѣтеніе.

Наблюденіе, въ простѣйшей своей формѣ, есть описаніе явленія; описаніе можетъ коснуться внѣшнихъ признаковъ явленія, элементовъ, изъ которыхъ оно сложилось, силъ, которыя въ немъ обнаружилась, наконецъ — если можно такъ выразиться — качественной стороны какъ самаго явленія, такъ и его составныхъ частей. Такимъ образомъ, описаніе превращается въ самый тонкій анализъ. Оно останавливается сначала на внѣшней сторонѣ явленія и основываетъ классификацію на чисто наружныхъ его признакахъ; потомъ оно обращаетъ вниманіе на внутреннюю природу явленія, на стихіи, изъ которыхъ оно сложилось, на силы, которыя въ немъ дѣйствуютъ: тогда наружные признаки отодвигаются на второй планъ, и является новая классификація, основанная на признакахъ внутреннихъ, — все это однако относится только къ качественной сторонѣ явленій; наконецъ, отъ внутреннихъ признаковъ анализъ переходитъ къ опредѣленію количественнаго содержанія наблюдаемаго, то-есть, къ изслѣдованію повторенія явленія, и къ количественному содержанію въ однородныхъ явленіяхъ ихъ элементовъ и дѣйствующихъ въ нихъ силъ. Такова работа подготовительная. Если, при исполненіи ея, наведеніе и выводъ изъ добытыхъ посылокъ шли рука объ руку, то и въ дальнѣйшей переработкѣ матеріала раздвоеніе между обоими методами не существуетъ. Явленіе распалось, такъ сказать, на свои стихійныя части, и наука начинаетъ уже работать не надъ единичнымъ явленіемъ или надъ явленіями однородными, а надъ однородными стихійными частями явленій. Количественный элементъ получаетъ здѣсь первостепенное значеніе; но наблюденіе это

опять имѣть цѣну только тогда, когда изслѣдователь стремится или уяснить извѣстную мысль, извѣстное начало, или найти соотношеніе между явленіями и ихъ стихіями, ради вывода научныхъ заключеній. Поэтому, приемы, употребляемые учеными, могутъ быть различны. Одинъ заранѣе задается извѣстными гипотезами, дѣластъ изъ нихъ выводы, и принимаясь за количественный анализъ явленія, преслѣдуетъ избранную имъ цѣль; другой, принимая за исходную точку связь между элементами, изъ которыхъ слагается явленіе, уясняетъ путемъ наблюденія природу этой связи и соотношеніе силъ, дѣйствующихъ въ явленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній путь несравненно вѣрнѣе, потому что онъ чуждъ предвзятой мысли, и можно сказать, создаетъ одновременно не только матеріалъ для науки, но и самую науку: таковъ былъ методъ Тука и Ньюмарча въ „Исторіи цѣнъ“. Такимъ образомъ самый плодотворный путь въ общественной наукѣ будетъ слѣдующій: 1) изученіе явленій и классификація ихъ по наружнымъ признакамъ; 2) изученіе внутренняго содержанія явленій, ихъ составныхъ элементовъ, силъ, которыя въ нихъ дѣйствуютъ, а затѣмъ классификація этихъ элементовъ и силъ по внутреннему содержанію; 3) изученіе соотношенія явленій, ихъ стихій и силъ, пренесящихъ послѣднимъ, съ тѣмъ чтобы опредѣлить ихъ взаимное вліяніе другъ на друга и степень этого вліянія.

Одно изъ самыхъ сильныхъ возраженій, приводимыхъ Миллемъ противъ опытнаго метода въ общественныхъ наукахъ, состоитъ въ томъ, что явленія общественныя составляютъ результатъ множества разнообразно дѣйствующихъ причинъ, такъ что два данные случая не походятъ другъ на друга. Противъ этого ничего нельзя возразить; но для того, чтобы преодолѣть трудность, слѣдуетъ только идти нѣсколько далѣе по пути, на который указываетъ Милль. Онъ полагаетъ, что достаточно ограничить изслѣдованія извѣстнымъ родомъ явленій; намъ кажется, что этого мало: надо изучать однородные элементы и силы въ явленіяхъ. Для примѣра можно указать на блестящее изслѣдованіе хлѣбныхъ цѣнъ въ сейчасъ упомянутомъ трудѣ Тука и Ньюмарча. Конечно, нельзя сказать, чтобы матеріалъ, которымъ пользовались эти образцовые экономисты, ничего не оставлялъ желать относительно точности и полноты; но сдѣланное ими служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ далеко подвинулись общественныя науки, когда статистическія свѣдѣнія будутъ собраны за болѣе продолжительный періодъ времени, при установленіи надлежащей классификаціи и удовлетворительной повѣркѣ. Простое наблюденіе показы-

ваетъ. что недостатокъ средствъ продовольствія составляетъ явленіе, повторяющееся время отъ времени, и что этотъ недостатокъ сопровождается возвышеніемъ цѣнъ и несказанными страданіями населенія. Такимъ образомъ, внѣшними признаками помянутаго явленія служатъ неурожай, высокія цѣны и смертность. Явленіе само по себѣ, при низкомъ уровнѣ общественнаго развитія, наводитъ на мысль, что недостатокъ средствъ продовольствія есть слѣдствіе несповѣдимыхъ судьбъ Провидѣнія. Болѣе же глубокій анализъ открываетъ въ явленіи новыя стороны: недостаточность продовольствія находится въ связи съ разными системами полеводства, съ степенью богатства или бѣдности народа, съ движеніемъ торговли, съ трудностію или легкостію заработковъ, съ умѣнемъ заранее исчислить существующіе запасы хлѣба и размѣръ предстоящей жатвы. Всѣ эти стороны явленія могутъ быть изучены съ достаточною точностію, и хотя даже два года дороговизны не походятъ другъ на друга, но можно опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностію сходство и различіе наблюдаемыхъ явленій. Не меньшею степенью достовѣрности могутъ отличаться наблюденія надъ банковымъ и денежнымъ обращеніемъ и сдѣланные изъ нихъ выводы. Вліяніе количества выпущенныхъ банковыхъ билетовъ на цѣны, на запасы золота, на производство, на торговлю равно доступно для наблюденія. Искусство изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть объяснить каждое уклоненіе отъ общей нормы, и подмѣтивъ новое общественное условіе, прослѣдить его въ другихъ случаяхъ. Явленія общественныя, безъ сомнѣнія, очень сложны; но это не есть непреодолимая трудность. Обойти ее дедуктивнымъ методомъ, какъ предлагаетъ Милль, не значитъ еще разрѣшить вопросъ, а введеніе въ апіорическое изслѣдованіе множества новыхъ условій можетъ крайне затруднить дѣло, какъ сознаетъ и самъ авторъ, и какъ это доказалъ Мальтусъ въ своихъ превосходныхъ главахъ о цѣнности и о цѣнѣ. Имѣя дѣло не съ сложными гипотезами, а съ сложными явленіями, можно скорѣе добраться до истины, — во всякомъ случаѣ гораздо скорѣе и вѣрнѣе, нежели тогда, когда все построеніе науки ограничивается отвлеченными выводами изъ нѣсколькихъ положеній, при чемъ неизбежно опускается много существеннаго, много такого, что лишаетъ теорію и научной точности, и практической примѣнимости.

Не менѣе блистательными результатами обязана политическая экономія изученію соотношенія между хозяйственными явленіями. И Милль, какъ было замѣчено выше, говорятъ о соотношеніи обще-

ственныхъ явленій; но въ политической экономіи онъ даетъ этому соотношенію очень ограниченное значеніе. Между тѣмъ, нельзя не признать, что потребности вызываютъ производство, а производство развиваетъ потребности; что успѣхи производства зависятъ отъ раздѣленія труда, а раздѣленіе труда обусловливается успѣхами производства; что раздѣленіе труда вызываетъ мѣну, а мѣна способствуетъ раздѣленію труда; что въ мѣнѣ предложеніе опредѣляется спросомъ, а спросъ находится въ зависимости отъ предложенія; что доходы устанавливаются соперничествомъ, а соперничество зависитъ отъ доходовъ и т. д. Милль отдѣляетъ производство, распределеніе доходовъ, мѣну, и отдѣляетъ такъ, какъ будто ему предстоитъ изученіе совершенно отдѣльныхъ самостоятельныхъ областей, какъ будто между производствомъ и распределеніемъ богатства, съ одной стороны, и распределеніемъ и мѣною, съ другой, нѣтъ тѣсной органической связи, которая должна быть схвачена наукою.

Таковы недостатки, свойственные научному методу Милля; но въ своей „Политической Экономіи“ авторъ грѣшитъ и противъ началъ, изложенныхъ имъ въ „Системѣ логики“. Ни прямой, ни обратно-дедуктивный методъ не нашли здѣсь того примѣненія, котораго слѣдовало бы ожидать. Матеріалы для выводовъ Милль бралъ изъ такъ называемаго непосредственнаго наблюденія и весьма рѣдко обращался къ эмпирическимъ законамъ явленій, представляемымъ статистикою. Проверка выводовъ доказательствами *a posteriori* или проверка эмпирическихъ законовъ *a priori* выводами оказалась требованіемъ, непримѣненнымъ на дѣлѣ. Обратного-дедуктивный методъ, который долженъ освѣщать умозрѣніемъ добытые факты, остался научною утопіей. Во всемъ этомъ можно легко убѣдиться при изученіи пяти книгъ, на которыя Милль раздѣлилъ свое сочиненіе.

II. Общій взглядъ Милля на систему политической экономіи и на главную ея задачу.

Милль очень ясно и опредѣлительно высказываетъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, мысль, которая руководила имъ при изложеніи „Началъ политической экономіи“. „Ни одна изъ существующихъ трактатовъ о политической экономіи, по его словамъ, не заключаетъ въ себѣ новѣйшихъ усовершенствованій, сдѣланныхъ въ теоріи этой науки“. Но пополненіе пробѣловъ прежнихъ сочиненій, носящихъ то же названіе, не было единственною или даже главною цѣлію автора; онъ полагаетъ, что политическая экономія требуетъ книги, по пред-

мету и по общему плану подобной книгѣ Адама Смита, но соответствующей большому развитію знанія и болѣе вѣрнымъ идеямъ нашего вѣка; „Опытъ о богатствѣ народовъ“ во многихъ своихъ частяхъ устарѣлъ, а во многихъ неудовлестворителенъ. „Политическая экономія, говоритъ Милль, была при А. Смитѣ въ младенчествѣ; съ тѣхъ поръ она возмужала, а общественная философія, отъ которой этотъ великій мыслитель никогда не отдѣлялъ своего предмета въ практическомъ отношеніи, стала нѣсколькими степенями выше того положенія, въ которомъ онъ оставилъ ее. Не смотря на это, до сихъ поръ еще не было сдѣлано попытокъ соединить практической методъ А. Смита съ развитіемъ теоріи и представить экономическія явленія въ связи съ лучшими современными общественными идеями, подобно тому, какъ сдѣлалъ это съ удивительнымъ успѣхомъ А. Смитъ, поставивъ хозяйственныя явленія въ соотношеніе съ философіей своего вѣка“. Этою задачей объясняется и планъ сочиненія Милля, во многомъ напоминающій пять книгъ знаменитаго творенія А. Смита, и попытки Милля вывести теоретическія начала науки, и наконецъ, введеніе въ его трудъ тѣхъ изслѣдованій практическихъ вопросовъ, которыя относятся германскими писателями къ особымъ отдѣламъ науки, къ хозяйственной политикѣ и финансамъ.

Подобно Смиту, Милль раздѣляетъ политическую экономію на пять книгъ; но содержаніе и послѣдовательность ихъ иныя, а именно: 1) производство, 2) распредѣленіе богатствъ, 3) обмѣнъ, 4) вліяніе прогресса общества на производство и на распредѣленіе богатствъ, 5) вліяніе правительства. Знакомые съ трудомъ Смита сразу могутъ замѣтить разницу между системами обоихъ экономистовъ. А. Смитъ, послѣ краткаго введенія, переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ, увеличивающихъ производительность труда и порядокъ распредѣленія доходовъ между различными классами населенія, и это составляетъ содержаніе первой его книги; во второй онъ говоритъ о капиталѣ, въ третьей — о путяхъ, которымъ слѣдовало развитіе богатства у разныхъ народовъ, въ четвертой — о системахъ, въ пятой — о финансахъ. Этого перечня уже достаточно, чтобъ убѣдиться въ томъ, что кромѣ числа общихъ рубрикъ или книгъ, сочиненія А. Смита и Милля имѣютъ мало общаго въ построеніи. Система перваго отличается рѣдкою безыскусственностію; Смитъ не останавливается на производствѣ, потому что по основному, высказанному имъ положенію, которому впрочемъ онъ не всегда бываетъ вѣренъ, одинъ трудъ — производительъ; затѣмъ все, что относится къ производству, связано у него

очень тѣсно съ излѣдованіями о доходахъ. Сочиненіе свое онъ начинаетъ съ раздѣленія труда, которое составляетъ условіе мѣны; въ мѣнѣ устанавливается цѣнность промѣнливаемаго, цѣнность выражается цѣною, которая въ свою очередь разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, три главных отрасли доходовъ. Излѣдованія о капиталѣ дополняютъ собою общую теоретическую часть науки. Въ слѣдующихъ далѣе историческихъ очеркахъ успѣховъ народнаго богатства и политико-экономическихъ системъ А. Смитъ изображаетъ какъ постепенный ходъ экономического развитія западно-европейскихъ обществъ, такъ и тѣ доктрины и учрежденія, которыя сложились подъ вліяніемъ ученій XVII и XVIII вѣковъ. Наконецъ, трактатъ о финансахъ представляетъ полную и довольно подробную обработку науки государственнаго хозяйства, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ.

Ничего подобнаго не находимъ мы у Милля; онъ начинаетъ съ исторіи системъ въ своемъ предисловіи; затѣмъ переходитъ къ производству богатства и къ ученію о распредѣленіи богатства, которое составляетъ результатъ мѣны, но излагается прежде теоріи мѣны. Отъ мѣны онъ обращается снова къ доходамъ, то-есть, къ распредѣленію богатства, и наконецъ, въ пятой книгѣ излагаетъ и науку финансовъ, и экономическую политику.

Такимъ образомъ система Милля представляетъ хозяйственныя явленія не въ той послѣдовательности, въ какой они вытекаютъ одно изъ другаго; одинъ и тотъ же предметъ разсматривается въ разныхъ частяхъ его сочиненія, только съ новыхъ сторонъ. Это отступленіе отъ естественнаго порядка есть слѣдствіе теоретическихъ воззрѣній Милля на общественныя явленія вообще и на экономическія въ особенности. Въ производствѣ онъ видитъ господство неизмѣнныхъ законовъ, не зависящихъ отъ человѣческаго произвола; въ распредѣленіи, мѣнѣ, въ прогрессивномъ развитіи общества и въ дѣятельности правительства онъ слѣдитъ за законами, устанавливающимися подъ вліяніемъ условій, созданныхъ человѣкомъ или обществомъ. При томъ, согласно съ мыслями, развитыми имъ въ „Системѣ логики“, авторъ разсматриваетъ сначала статику, то-есть, распредѣленіе и мѣну, а потомъ динамику народнаго хозяйства, вліяніе прогресса общества на производство и на распредѣленіе. Вліяніе правительства выдѣлено у него изъ области статики и динамики, потому что оно, по его ученію, должно равно относиться и къ той, и къ другой части науки. Нельзя отрицать, что порядокъ изложенія, принятый авторомъ, имѣетъ логическое основаніе; спору можетъ подлежать иной вопросъ: достигается

ли философская цѣль, которою задался Милль, то-есть, можно ли отдѣлить статику отъ динамики общественныхъ явленій, и выигрываетъ ли отъ принятой системы политическая экономія? Для разъясненія этихъ предметовъ необходимо рѣшить: дѣйствительно ли политическая экономія представляетъ законы двоякаго рода, — одни, относящіеся къ порядку неизмѣнному, не зависящему отъ произвола человѣческаго, и другіе, относящіеся къ порядку измѣнчивому, зависящему отъ условій, вносимыхъ въ него развитіемъ человѣка и самаго общества?

Предметъ политической экономіи, по Миллю, есть богатство. „Производство богатства, — говоритъ онъ, — добываніе средствъ для существованія и наслажденій человѣка изъ матеріаловъ, представляемыхъ земнымъ шаромъ, очевидно, не зависитъ отъ произвола: производство имѣетъ свои необходимыя условія. Изъ этихъ условій нѣкоторыя относятся къ числу физическихъ и зависятъ отъ свойства матеріи, или лучше сказать, отъ мѣры познанія этихъ свойствъ въ данномъ мѣстѣ и данномъ времени. Политическая экономія не изслѣдуетъ этихъ условій, а предполагаетъ ихъ, предоставляя ихъ изысканіе естественнымъ наукамъ или обыденному опыту. Соединяя съ этими фактами вышней природы другія истины, относящіяся къ природѣ человѣческой, политическая экономія старается найти вторичныя или производныя законы, которыми опредѣляется производство богатства и въ которыхъ должны содержаться объясненіе различій богатства и бѣдности въ настоящемъ и прошедшемъ и причина приращенія богатства въ будущемъ. Отличныя отъ законовъ производства, законы распределенія отчасти установлены человѣкомъ, потому что способъ распределенія богатства въ данномъ обществѣ зависитъ отъ господствующихъ въ немъ законовъ и обычаевъ. Хотя правительства или народы обладаютъ властью для рѣшенія того, какія должны существовать учрежденія, но они не могутъ произвольно опредѣлять, какъ должны дѣйствовать эти учрежденія. Условія, отъ которыхъ зависитъ власть правительствъ или народовъ относительно распределенія богатства, и вліяніе, оказываемое на это распределеніе разными способами дѣйствія, которые общество считаетъ пригодными, составляютъ точно такой же предметъ точнаго научнаго изслѣдованія, какъ и физическіе законы природы. Законы производства и распределенія и нѣкоторые изъ ихъ практическихъ послѣдствій составляютъ предметъ настоящаго трактата“. (Милль, Предварительныя замѣчанія).

Та же мысль, только рѣзче и опредѣленнѣе, высказана Миллемъ въ

началъ второй книги о распредѣленіи богатствъ: „Начала, изложенныя въ первой части этого сочиненія, въ извѣстныхъ отношеніяхъ рѣзко отличаются отъ началъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ естественныхъ наукъ. Въ нихъ нѣтъ ничего произвольнаго или такого, что можно было бы измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія опредѣляются строеніемъ предметовъ внѣшняго міра и внутренними свойствами физической и духовной природы самаго человѣка. Не таковы начала распредѣленія богатства. Это распредѣленіе есть исключительно человеческое учрежденіе. Съ тѣхъ поръ, какъ явились вещи, — люди, или отдѣльно, или всѣ вмѣстѣ, могутъ поступать съ ними по своему произволу. Они могутъ отдавать ихъ въ распоряженіе кому имъ угодно, и на какихъ угодно условіяхъ. Далѣе, въ обществѣ, всякое распоряженіе вещами можетъ происходить только съ его согласія и производится тѣми, кто располагаетъ дѣятельною силою общества. Даже вещи, произведенныя однимъ своимъ личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, человѣкъ не можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи иначе, какъ съ дозволенія общества. Мало того, что общество можетъ ихъ взять у него: ихъ могли бы взять у него и взяли бы отдѣльные люди, еслибъ общество осталось къ этому равнодушнымъ, если бы оно не употребляло своего вмѣшательства въ цѣломъ своемъ составѣ, или не назначало и не содержало бы особыхъ людей, чтобы не давать никому нарушить владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ, распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, по которымъ оно происходитъ, создаются мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли бы сдѣлаться еще отличнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди“ (кн. 2, гл. 1, § 1). Правда, Милль непосредственно за симъ ограничиваетъ область человеческого произвола и говоритъ: „Мнѣнія и чувстваванія человечества не случайны. Они составляютъ результатъ основныхъ законовъ человеческой природы, въ связи съ существующими знаніемъ, опытомъ, общественными учрежденіями, умственною и нравственною культурой. Но законы происхожденія человеческихъ мнѣній составляютъ предметъ не политической экономіи, а болѣе трудной области вѣдѣнія, общей теоріи человеческого прогресса. Въ политической экономіи разсматриваются не причины, а слѣдствія тѣхъ правилъ, по которымъ можетъ быть распредѣлено богатство. Эти слѣдствія, во вся-

комъ случаѣ, также мало произвольны и на столько же имѣютъ характеръ физическихъ законовъ, какъ законы производства. Люди могутъ контролировать свои собственныя дѣйствія; но не слѣдствія своихъ дѣйствій относительно самихъ себя или для другихъ людей. Общество можетъ подчинить распредѣленіе богатства какимъ угодно правиламъ, которыя можетъ считать наилучшими, но какіе практическіе результаты произойдутъ отъ дѣйствія этихъ правилъ, это, какъ всякая другая физическая или отвлеченная истина, должно быть раскрыто наблюденіемъ или изслѣдованіемъ" (ibid).

Такимъ образомъ, по основному воззрѣнію Милля, то, что въ распредѣленіи богатства представляется съ характеромъ необходимости, составляетъ лишь слѣдствіе уже существующихъ причинъ, между тѣмъ какъ причины, правила, по которымъ распредѣляется богатство, хотя и вытекаютъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы, но составляютъ произведеніе свободной воли человѣка, обусловливаемой его индивидуальнымъ и общественнымъ развитіемъ. Законы, которымъ подчинена свободная воля, не таковы, чтобы они лишали человѣка возможности сдѣлать выборъ между распредѣленіемъ богатства, основанномъ или на началѣ личной собственности и соперничества, или на началѣ общаго владѣнія имуществомъ.

Вотъ въ чемъ заключается главное разногласіе между Миллемъ и современными политико-экономистами. Послѣдніе не допускаютъ этой двойственности законовъ въ наукѣ и принимаютъ за аксіому, что какъ производство, такъ и распредѣленіе богатствъ совершается на основаніи законовъ совершенно однородныхъ, въ которыхъ, какъ для естественной необходимости, такъ и для человѣческой воли предустановлены извѣстныя предѣлы. Дѣятельность природы, труда и капитала зависить отъ условій, которыя не представляются съ характеромъ абсолютной необходимости; необходимость заключается лишь въ границахъ, установленныхъ природою, и въ томъ предѣлѣ, который поставленъ для самого человѣка его развитіемъ и знаніемъ при пользованіи производительными силами. Въ чертѣ этихъ границъ воля человѣка остается свободною: она можетъ пользоваться или не пользоваться данными условіями для усиленія и развитія производства. То же самое должно сказать и о распредѣленіи богатства: и здѣсь произволь не можетъ переступить назначенной ему черты при достиженіи предположенной цѣли, и здѣсь, не выходя за указанную ему границу, остается достаточно простора для свободной дѣятельности. Но есть еще другое обстоятельство, на которое Милль не обратилъ должнаго вниманія:

это — зависимость между производствомъ и распредѣленіемъ богатства. Конечная цѣль хозяйственной дѣятельности состоитъ въ удовлетвореніи потребностямъ; къ этой цѣли направлены и производство, и распредѣленіе. Если бы первое не способствовало достиженію этой цѣли, то не существовало бы и побужденія къ производству; равнымъ образомъ, если бы распредѣленіе богатства не приводило къ удовлетворенію потребностей производителей, то энергія послѣднихъ должна была бы неизбѣжно ослабѣть; поэтому, распредѣленіе составляетъ одно изъ коренныхъ условій для развитія производительной дѣятельности, и законы производства не могутъ быть разсматриваемы независимо отъ условій распредѣленія богатства. Самъ Милль въ изслѣдованіи о производствѣ включилъ изслѣдованія о послѣдствіяхъ того или другаго распредѣленія богатства; такъ, напримѣръ, указываемыя имъ послѣдствія употребленія капитала для поддержанія труда и для покупки разнаго рода товаровъ, въ сущности, составляютъ результатъ предшествовавшаго распредѣленія богатства.

Нельзя однако же сказать, чтобы законы распредѣленія богатства были поставлены Миллемъ внѣ зависимости отъ естественной необходимости. Онъ самъ отрицаетъ случайность въ мнѣніяхъ и чувстваваніяхъ человѣка, самъ признаетъ, что тѣ и другія вытекаютъ изъ основныхъ законовъ человеческой природы; но вмѣсто того, чтобы ввести это совершенно вѣрное воззрѣніе въ область политической экономіи, онъ относитъ изслѣдованіе означенныхъ законовъ къ теоріи человеческого прогресса и оставляетъ за политической экономіей изслѣдованіе однихъ лишь послѣдствій того или другаго порядка распредѣленія богатства, установленнаго человѣкомъ, или правильнѣе, обществомъ. Если бы Милль не переступилъ затѣмъ предѣловъ дѣйствительности и ограничился бы изслѣдованіемъ существующихъ явленій, представляемыхъ распредѣленіемъ богатства, то его нельзя было бы упрекнуть въ невѣрности своимъ собственнымъ идеямъ и въ противорѣчіи, въ которое онъ себя поставилъ. На дѣлѣ оказывается однако же, что Милль коснулся порядка распредѣленія богатствъ, проектированнаго философами и социалистами, слѣдовательно, коснулся построеній, опирающихся на основные законы человеческой природы, отнесенныя имъ къ теоріи прогресса, и тѣмъ самымъ далъ право обсудить вопросъ, на сколько свобода и необходимость участвуютъ въ установленіи этого порядка, и какими условіями опредѣляется характеръ этой необходимости. Главный источникъ заблужденій Милля относительно порядка распредѣленія богатства заключается въ одно-

стороннемъ воззрѣніи его на человѣка, какъ на общественнаго дѣятеля. Одни изъ экономистовъ, послѣдователи такъ-называемой либеральной школы, расширяютъ до крайности сферу дѣятельности индивидуума и его свободы и самое общество разсматриваютъ, какъ результатъ частныхъ стремленій, добровольной союзности, возникающей изъ общихъ цѣлей и совмѣстной добровольной дѣятельности; между тѣмъ другіе экономисты, именно, нѣкоторые изъ приверженцевъ государственнаго устройства и регламентаціи частнаго хозяйства и социалисты раздвигаютъ до крайности предѣлы общественной власти и разсматриваютъ дѣятельность индивидуума, какъ отправленіе составной части общества, не признавая за человѣкомъ другой воли, другой инициативы, кромѣ той, которую предоставляетъ ему правительство въ видахъ общаго блага. Послѣдователи перваго направленія относятся враждебно ко всему, что налагается на человѣка общественною властію: стоитъ только припомнить, какъ Ж. Б. Сэй разсуждалъ о финансахъ. Послѣдователи втораго направленія возстаютъ противъ права человѣка располагать своимъ лицомъ и своимъ имуществомъ и отрицаютъ самую свободу, какъ напримѣръ, Консидеранъ въ своей „Будущности общественной“ (*Destinée sociale*). Какъ бы далеко ни простиралось развитіе началъ личности или общественной организаціи, но одно не исключаетъ другаго. Индивидуальная свобода, частная собственность также точно немислимы внѣ общежитія, въ которомъ человѣкъ и его имущество принуждены служить общественнымъ цѣлямъ, и гдѣ весь порядокъ хозяйственныхъ отношеній слагается подъ влияніемъ права, развивающагося путемъ закона или обычая, какъ немислимо такое общественное устройство, которое сглаживало бы всякое проявленіе человѣческой личности, всякій слѣдъ частной собственности; по крайней мѣрѣ, та порція за общимъ столомъ, которая назначается каждому члену коммунистическаго общества, составляетъ безспорно его исключительное достоиніе, но достоиніе, которымъ онъ не можетъ располагать для хозяйственныхъ цѣлей, исключая одного потребленія.

Равнымъ образомъ, порядокъ распредѣленія богатства всегда предполагаетъ и условленное вознагражденіе за участіе въ производствѣ, и обязательные взносы или повинности для удовлетворенія потребностей общественнымъ. Съ природою общества одинаково несовмѣстно, съ одной стороны, чтобы отношенія индивидуума къ обществу зависѣли отъ соглашенія между нимъ и обществомъ, а съ другой, чтобы всѣ общественныя отношенія имѣли лишь обязательный характеръ,

исключающей всякую свободу. Поэтому, вовсе и не может быть рѣчи о выборѣ между обществомъ, основанномъ исключительно на частномъ интересѣ, личной свободѣ, соперничествѣ и частной собственности, и обществомъ чисто коммунистическимъ. Первое никогда не существовало, второе навсегда останется утопией. Самое широкое развитіе личности и индивидуальной свободы всегда обуславливалось общественнымъ строемъ, въ которомъ существовало и общее имущество, и подчиненіе личной индивидуальной свободы, и ограниченіе соперничества, и предѣлы для частной собственности. Самыя коммунистическія формы обществъ никогда не были обществами политическими, существовавшими совершенно независимо отъ общихъ условій, которымъ подчиняется гражданственность. Нельзя же приводить въ примѣръ устройство, введенное іезуитами въ Парагваѣ, гдѣ было и сословіе властвовавшее, и сословіе подчиненное, или мормонство съ владычествомъ духовныхъ, или другія коммунистическія общества, въ которыхъ начало личности являлось, какъ господство власти, и гдѣ всѣ условія общественной экономической жизни находились въ тѣсной зависимости отъ той некоммунистической общественной среды, которая охватывала его со всѣхъ сторонъ, надѣляла его плодами своей цивилизаціи, своею наукою, своими изобрѣтеніями, капиталами и денежною единицею для измѣренія и оцѣнки имущества.

Изъ предыдущаго можно, кажется, заключить съ нѣкоторымъ правомъ, что, собственно говоря, нѣтъ того или другаго правила для распределенія богатства, правила, устанавливаемаго произволомъ человѣка, а есть различныя формы распределенія, подчиненныя однимъ общимъ правиламъ. Достоинство этихъ формъ и соответствіе ихъ съ главною хозяйственною цѣлью человѣка состоитъ не въ томъ, чтобы преобладало то или другое начало — личности или обществу, а въ томъ, чтобы оба получили возможно полное развитіе, только не въ ущербъ другъ другу. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ современныхъ обществахъ, чуждыхъ коммунистическому принципу, государственное и общественное хозяйство обнимаетъ постепенно большее число предметовъ и болѣе обширный кругъ дѣятельности; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы этимъ стѣснялась область, въ которой дѣйствуетъ свободная личность человѣка, чтобы уничтожался частный интересъ, соперничество и личная собственность. Наоборотъ, предѣлы, въ которыхъ заключена свободная дѣятельность человѣка, раздвигаются далѣе и далѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ община, область и государство принимаютъ на себя заботу объ образованіи человѣка, о доставленіи ему

безопасности, удобства для жизни и даже объ удовлетвореніи многихъ изъ такихъ потребностей, которыя, въ болѣе отдаленныя времена, возлагались на попеченіе частныхъ лицъ, предоставленныхъ своимъ собственнымъ силамъ. Предшествующія изслѣдованія приводятъ къ заключенію, что законы производства, рассматриваемаго съ политико-экономической точки зрѣнія, и законы распредѣленія богатства не представляютъ, по существу своему, кореннаго различія; по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы производство слѣдовало законамъ неизмѣннымъ, а распредѣленіе зависѣло бы отъ человеческого произвола. Затѣмъ производство и распредѣленіе богатства находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга, а потому отдѣленіе статики отъ динамики хозяйственныхъ явленій составляетъ такое научное отвлеченіе, которое не можетъ привести къ плодотворнымъ результатамъ. Всѣ явленія общественныя суть явленія измѣняющіяся, и каждое изъ нихъ въ частности испытываетъ на себѣ, въ болѣе или меньшей мѣрѣ, перемѣны, происходящія въ другихъ явленіяхъ. Безъ сомнѣнія, разсмотрѣніе отдѣльныхъ родовъ или видовъ хозяйственныхъ явленій порознь и затѣмъ обзорѣніе ихъ во взаимной связи могутъ составить предметъ особыхъ подраздѣленій въ наукѣ; но первое составляетъ только подготовленіе ко второму и не есть что-либо отъ него отличное; послѣднее же — не болѣе, какъ заключительная глава, тождественная по содержанію съ предыдущими. Въ научномъ отношеніи, какъ будетъ показано далѣе, политическая экономія также мало выигрываетъ отъ противопоставленія статики динамикѣ хозяйственныхъ явленій, какъ и отъ той ошибочной мысли, что законы производства имѣютъ свойства, совершенно отличныя отъ законовъ распредѣленія богатства. Построеніе системы науки на этихъ логическихъ основаніяхъ разрываетъ только естественную связь, которая вытекаетъ изъ самаго содержанія предмета и приводитъ къ частымъ повтореніямъ, къ частому прикрѣпленію прерванной нити изложенія, къ длиннымъ эпизодамъ, къ перенесенію въ послѣдующія главы того, что существенно необходимо для яснаго пониманія излагаемаго въ главахъ предыдущихъ. Если всѣ эти недостатки не поражаютъ большинства читателей, знакомыхъ съ наукою, то единственно лишь потому, что такія лица не нуждаются въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ, которыя излагаются у Милля только въ третьей книгѣ, но необходимы для правильнаго уразумѣнія многого еще въ книгахъ первой и второй. Приступающіе къ изученію науки, какъ показываетъ педагогическій опытъ, выносятъ изъ политической экономіи Милля

болѣе смутныя представленія, чѣмъ изъ посредственныхъ трактатовъ, написанныхъ по системѣ Сэя.

III. Производство.

Тринадцать главъ, посвященныхъ Миллемъ ученію о производствѣ, содержатъ въ себѣ изложеніе мыслей автора объ участіи природы и труда въ производствѣ, о различныхъ видахъ труда, о дѣленіи послѣдняго на производительный и непроизводительный, о капиталѣ, о рентѣ, о началѣ населенія и о законахъ возрастанія производительныхъ силъ. Убѣжденный въ томъ, что политическая экономія должна быть построена *a priori* развитіемъ немногихъ общихъ положеній, Милль извлекаетъ эти положенія не изъ анализа фактовъ, а изъ доктринъ англійской фаталистической школы, въ особенности изъ сочиненій Рикардо и Мальтуса, и старается согласовать ихъ съ социальными идеями новаго времени. Эта попытка не избавляетъ автора отъ погрѣшностей; напротивъ того, она часто увлекаетъ его на путь остроумныхъ соображеній, которыя подтверждаются вымышленными примѣрами, такъ что мысль, высказанная какъ гипотеза, подкрѣпляется въ свою очередь новою гипотезой, только въ другой формѣ. Не останавливаясь на томъ, что говоритъ Милль о природѣ и трудѣ, обратимъ вниманіе на объясненіе сущности капитала и четырехъ относящихся къ нему теоремъ, которыя развиты съ большою подробностію.

„Ясное пониманіе роли капитала въ производствѣ, говоритъ Милль, очень важно, потому что многія изъ ошибочныхъ мнѣній, которыя губятъ нашу науку, возникаютъ изъ неточности и сбивчивости понятія объ участіи капитала въ производствѣ“. Что же такое капиталъ? По словамъ автора, „это — накопленный запасъ произведеній прежняго труда“ (кн. I, гл. 4, § 1). Опредѣленіе такъ ясно, что повидимому, не позволяетъ желать болѣе точнаго; но въ слѣдъ за тѣмъ Милль исключаетъ деньги изъ итога произведеній, составляющихъ капиталъ, а нѣсколько далѣе причисляетъ къ капиталу деньги, служація для производства, и исключаетъ изъ капитала ту часть имущества, которая не имѣетъ въ виду производительныхъ цѣлей. Но это еще не все: если капиталъ расходуется на содержаніе рабочихъ, и содержаніе это превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни и здоровья человѣка, то такой излишекъ не идетъ на производство, слѣдовательно, не есть уже капиталъ, между тѣмъ какъ часть личнаго или семейнаго расхода капиталиста, которая не

превышаетъ надлежащаго (?) вознагражденія за его труды по рыночной цѣнѣ, должна считаться частію капитала. Вотъ подлинныя слова автора, которыя вполнѣ подтверждаютъ предыдущее: „Деньги не суть синонимъ ни капитала, ни богатства; сами по себѣ, деньги не могутъ выполнить ни малѣйшей доли того, что совершаетъ капиталъ, потому что не могутъ оказывать никакого содѣйствія производству“ (кн. I, гл. 4, § 1). „Не *все* деньги капиталиста, не *все* готовыя, принадлежащія ему, произведенія входятъ въ составъ его капитала, потому что не *все* онѣ обращаются имъ на производство (на плату рабочимъ, на пополненіе запаса матеріаловъ, на поправку строеній и машинъ и на приобрѣтеніе новыхъ); часть наличныхъ денегъ и часть денегъ, вырученныхъ за произведенія, капиталистъ обращаетъ на свое личное потребленіе и на потребленіе своего семейства, на наемъ домашней прислуги, на содержаніе охотничьихъ лошадей и собакъ, на воспитаніе дѣтей, на уплату налоговъ и на дѣла благотворительности. Въ чемъ же состоитъ его капиталъ? Въ части имущества, которую онъ предназначаетъ для дальнѣйшаго производства, какова бы ни была форма этого имущества“ (ib.). „Значительная доля производительнаго капитала страны, который употребляется на выдачу заработной платы, очевидно, не составляетъ того, что въ строгомъ смыслѣ слова неизбежно и необходимо для производства. Излишекъ платы, превышающій дѣйствительно необходимое для жизни и здоровья (этотъ излишекъ особенно значителенъ для искусныхъ работниковъ), расходуется въ сущности не на поддержаніе, а на вознагражденіе труда, и если бы рабочіе лишились этого излишка, то производство продолжалось бы въ прежнемъ размѣрѣ. Равнымъ образомъ, значительный капиталъ содержится также напередъ заготовленными средствами. Если онъ самъ лично завѣдываетъ своими дѣлами, то часть личнаго или семейнаго его расхода, которая не превышаетъ надлежащаго вознагражденія за его трудъ по рыночной цѣнѣ, должна считаться частію его капитала, расходуемаго, подобно другимъ, на производство; часть его личнаго потребленія, которая состоитъ изъ вещей, необходимыхъ для жизни, составляетъ производительное потребленіе“ (ib., § 2). Остановившись долѣе на сбивчивости и противорѣчійхъ, въ которыя впадаетъ Милль, говоря о капиталѣ, было бы бесполезно. Изъ всего предыдущаго можно сдѣлать одинъ выводъ: чѣмъ болѣе мы стараемся уяснить сущность и свойства производительной силы, руководствуясь въ нашихъ изслѣдованіяхъ не наблюденіемъ явленій дѣйствительности, а отвлеченными положеніями, схваченными на лету и призна-

ваемыми за истину, тѣмъ болѣе шаткихъ, гадательныхъ соображеній мы вносимъ въ изслѣдованіе, и тѣмъ труднѣе согласовать ихъ между собою.

Эта истина подтверждается и слѣдующею главою, заключающею въ себѣ „основныя теоремы относительно капитала“. Такихъ теоремъ Милль насчитываетъ четыре, именно: 1) размѣръ промышленности ограничивается размѣромъ капитала; 2) капиталъ есть результатъ сбереженія; 3) хотя капиталъ сберегается и составляетъ результатъ сбереженія, тѣмъ не менѣе онъ потребляется; 4) капиталъ поддерживаетъ и доставляетъ занятіе производительному труду, когда издерживается на доставленіе работы, а не на покупку готовыхъ произведеній труда; спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ. Эту послѣднюю теорему, по словамъ Милля, быть-можетъ, чаще, нежели другія, или упускаютъ вовсе изъ виду, или же понимаютъ ошибочно. Нельзя сказать, чтобы всѣ разсужденія о первыхъ трехъ теоремахъ были совершенно безспорны. Говоря объ истинахъ общепризнанныхъ, Милль нерѣдко вводитъ новыя положенія, далеко не безспорныя, и гипотезы, находящіяся за предѣлами возможнаго. Что сказать, напримѣръ, о слѣдующемъ: „Къ производительнымъ силамъ относятся только трудъ и природа, и если въ обширномъ смыслѣ можно сказать о какой-нибудь части капитала, что она имѣетъ производительную силу, то развѣ только объ орудіяхъ и машинахъ, которыя, подобно вѣтру и водѣ, дѣйствуютъ совмѣстно съ трудомъ. Продовольствіе рабочихъ и матеріалы для производства не имѣютъ производительной силы“ (гл. V, § 1). Между тѣмъ самъ Милль говоритъ въ началѣ гл. VII такъ: „Капиталъ есть произведеніе труда; дѣятельность его въ производствѣ есть, въ сущности, не прямая дѣятельность труда“. Что-нибудь одно: производительны или органы, орудія и вещества, которыя приводятъ въ дѣятельность силы природы, или самыя силы природы, дѣйствующія въ матеріи, или то и другое вмѣстѣ. По ученію физиократовъ, производительна одна природа; по Смиту, производителенъ одинъ трудъ; по ученію послѣдователей Смита, производителенъ также и капиталъ, сочетаніе силъ природы и труда; наконецъ, по ученію социалистовъ, капиталъ непроизводителенъ, почему нѣкоторые изъ социалистовъ и требовали его уничтоженія. Слѣдуя же Миллю, должно признать машину производительною, а капиталъ, состоящій въ матеріалахъ, напримѣръ, въ удобреніи, непроизводительнымъ. А вотъ и другія слова Милля, заключающія въ себѣ гипотезу весьма сомнительнаго свойства: „Каж-

дый можетъ понять, что если бы доброжелательное правительство владѣло все́мъ продовольствіемъ, все́ми орудіями и матеріалами, существующими въ обществѣ, то подобное правительство могло бы требовать производительнаго труда отъ все́хъ, кому оно удѣлитъ порцію пищи, и никогда не имѣло бы затрудненія въ присканіи занятія этому производительному труду“ (кн. I, гл. 5, § 3). Доброжелательное правительство, владѣющее все́мъ продовольствіемъ, все́ми орудіями и матеріалами, есть такое предположеніе, о которомъ разсуждать и противъ котораго спорить невозможно, потому что доброжелательство и завладѣніе все́мъ имуществомъ — понятія совершенно несомнѣстимыя, и самъ Милль, авторъ сочиненія „О свободѣ“, лучше всякаго другаго долженъ знать цѣну подобнаго доброжелательства.

Но, не останавливаясь на парадоксахъ и заблужденіяхъ, которые перемѣшаны у Милля съ объясненіями о сбереженіи, и потребленіи и возстановленіи капиталовъ, замѣчательными впрочемъ по многимъ необыкновенно мѣткимъ и глубокимъ соображеніямъ, перейдемъ къ четвертому положенію, которому онъ придаетъ особый вѣсъ. „Спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ“. Предположимъ, говоритъ Милль, что есть спросъ на бархатъ и сумма, готовая для покупки бархата, но нѣтъ капитала для основанія бархатной фабрики. Какъ бы великъ ни былъ этотъ спросъ — все равно: пока не обратится капиталъ на фабрикацію, не будетъ выдѣлено, и стало быть, не будетъ куплено ни одного дюйма бархата. Поддержку и занятіе труда доставляетъ капиталъ, расходующійся на употребленіе труда въ дѣло, а не спросъ покупателей на произведенія труда. Спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ. Первымъ опредѣляется направленіе труда, а не размѣръ требуемаго труда и не размѣръ расходовъ на трудъ. Какъ бы ни былъ великъ спросъ на бархатъ, пока капиталъ не обратится на его выдѣлку, до тѣхъ поръ не будетъ произведено и куплено ни одного дюйма этой ткани, развѣ спрашивающій превратитъ часть дохода, предназначаемаго для покупки бархата, въ капиталъ на выдѣлку послѣдняго. Наоборотъ: есть капиталъ для выдѣлки бархата, но нѣтъ спроса, и бархатъ также не будетъ выдѣлываться. Если спросъ внезапно прекратится, то погибнетъ капиталъ, и занятіе, которое капиталъ доставляетъ труду, остановится, не вслѣдствіе прекращенія спроса, а вслѣдствіе гибели капитала. Повѣрка приведеннаго начала заключается не въ гипотезѣ внезапной гибели капитала, а въ постепенномъ его переходѣ, при чемъ потеря относится только къ искусству и знанію. Для разьясненія предыдущаго Милль предполагаетъ, что потребитель мо-

жетъ употребить доходъ или для найма землекоповъ и каменщиковъ, или на покунку бархата и кружевъ. Въ первомъ случаѣ потребитель даетъ занятіе рабочимъ, безъ котораго они остались бы при другомъ производствѣ. Говорятъ, что это все равно; но это совершенно несправедливо, потому что покусникъ не даетъ занятій рабочимъ, а опредѣляетъ, только, чѣмъ будутъ занимать ихъ другія лица. Если потребитель издерживавшій доходъ на наемъ каменщиковъ, обратитъ доходъ на покунку бархата, то трудъ перестанетъ провоздить предметы необходимости для рабочихъ и обратится на производство бархата. Наоборотъ, если покусникъ бархата начнетъ на сумму, предназначавшуюся для покупки бархата, нанимать каменщиковъ, то капиталъ, который расходовался на продовольствіе ткачей бархата, будетъ употребленъ на что-либо другое, такъ что на продовольствіе и вознагражденіе труда будутъ употреблены двѣ суммы вмѣсто одной. Тутъ будетъ не простой замѣнъ занятія ткачей бархата работою каменщиковъ, а новое занятіе для каменщиковъ и замѣна занятія ткачей другою работою. Конечно, могутъ сказать, что употребляя 1000 фунтовъ на наемъ труда, я употребляю 1000 фунтовъ капитала бархатнаго фабриканта, но это случилось бы, если бы капиталъ не имѣлъ времени освободиться и погибъ; при постепенномъ извлеченіи явятся два капитала, содержащіе двойное число рабочихъ.

Смыслъ предыдущаго Милль поясняетъ слѣдующимъ образомъ. „Я хочу доказать, говоритъ онъ, что человѣкъ приноситъ пользу не тѣмъ, что онъ потребляетъ самъ, а тѣмъ, что даетъ потреблять другимъ. Если я, вмѣсто того, чтобъ издержать сто фунтовъ на себя, раздаю эти сто фунтовъ рабочимъ, то я отсрочиваю свое потребление, оставляя болѣе на потребление другихъ лицъ, трудъ которыхъ можетъ создать на сто фунтовъ новыхъ произведеній. Положимъ, напримѣръ, что землевладѣлецъ *A* расходуетъ извѣстную сумму на заработную плату и подаянія, и что эта сумма обращается на потребление хлѣба. *A* умираетъ; его наследникъ *B* начинаетъ расходовать эту сумму на тонкія блюда для своего стола. Потребленіе рабочихъ замѣняется утонченнымъ потребленіемъ владѣльца. Для того, чтобы производство хлѣба не уменьшилось и только пополнилось производствомъ утонченныхъ предметовъ потребленія владѣльца, необходимо, чтобы послѣдній отсрочилъ свое потребленіе на годъ и далъ бы хлѣбъ рабочимъ, которые своимъ трудомъ произведутъ предметы роскоши. Хотя спросъ на бархатъ опредѣляетъ лишь направленіе, получаемое извѣстнымъ количествомъ труда и капитала, но для предпринимателей, уже

занятыхъ и не желающихъ оставить своего дѣла, это обстоятельство имѣетъ величайшую важность. Для нихъ уменьшеніе спроса есть дѣйствительная потеря, которая можетъ возвыситься до такой степени, что они найдутъ нужнымъ прекратить производство. Наоборотъ, увеличеніе спроса дастъ имъ средства расширить свои обороты, получить прибыль на больший капиталъ, если онъ у нихъ есть, или если они могутъ занять его; при быстрѣйшихъ оборотахъ они дадутъ болѣе постоянное занятіе своимъ работникамъ или увеличатъ число ихъ. Такимъ образомъ, увеличеніе спроса на товаръ, въ самомъ дѣлѣ, часто имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что въ отдѣльной отрасли промышленности прежній капиталъ даетъ большее значеніе труду. Но дѣло въ томъ, что въ указанныхъ случаяхъ выгода приобрѣтается трудомъ и капиталомъ въ одной отрасли промышленности только при утратѣ такой же выгоды въ другой отрасли; если же переменна произвела свое естественное дѣйствіе и привлекла къ данной отрасли лишній капиталъ, пропорціональный увеличивающемуся спросу, то приобрѣтенная выгода превращается сама собою. Спросъ на произведенія скорѣе имѣетъ важность въ теоріи мѣны, чѣмъ въ теоріи производства. Вообще, и въ постоянномъ ходѣ дѣлъ вознагражденіе производителя обусловливается производительною силою его капитала. Продажа произведеній за деньги и покупка на эти деньги другихъ произведеній есть простой обмѣнъ равноцѣнныхъ произведеній для взаимнаго удобства. Операція обмѣна, — ведется ли она прямою мѣною товара на товаръ или мѣною, совершаемою посредствомъ денегъ, — есть механизмъ, при помощи котораго каждый превращаетъ вознагражденіе за свой трудъ или за свой капиталъ въ особенную, наиболѣе пригодную для него форму; но ни въ какомъ случаѣ мѣна не составляетъ вознагражденія (кн. I, гл. V, § 9).

Для уясненія ошибокъ, заключающихся въ предыдущемъ, необходимо подвергнуть тщательному анализу то, что высказалъ авторъ. Впервыхъ, Милль разсматриваетъ условія перехода отъ однихъ занятій къ другимъ и допускаетъ при этомъ два случая: 1) переходъ, сопряженный съ потерю капитала, и 2) переходъ, сопровождающийся появленіемъ двухъ новыхъ капиталовъ вмѣсто одного прежняго. Во вторыхъ, Милль устанавливаетъ различіе между употребленіемъ дохода или для удовлетворенія личнымъ потребностямъ, преимущественно въ предметахъ роскоши, или для производительныхъ цѣлей, преимущественно для найма рабочихъ, и развиваетъ мысль, что только последнее употребленіе дохода выгодно для народнаго благосостоянія.

Наконецъ, третьихъ, Милль утверждаетъ, что спросъ на произведеніи опредѣляетъ только форму вознагражденія участниковъ въ производствѣ, а потому мѣна не есть источникъ самого вознагражденія. Очевидно, что положеніе Милля: „Спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ“, далеко не выражаетъ всего того, что высказалъ авторъ. Мало того: теорема Милля предполагаетъ обстоятельное изученіе закона соперничества, распределенія доходовъ и разнообразнаго ихъ назначенія. Обратимся прежде всего къ первому вопросу, къ послѣдствіямъ перехода отъ однихъ занятій къ другимъ. Милль разсматриваетъ двѣ гипотезы: 1) если спросъ на бархатъ внезапно прекратится, то погибнетъ товаръ, а вмѣстѣ съ нимъ и капиталъ, и 2) если спросъ на бархатъ будетъ постепенно сокращаться, а спросъ на трудъ, напримѣръ, каменщиковъ, будетъ постепенно возрастать, то капиталъ, который употреблялся на покупку бархата, получитъ лишь новое назначеніе, а доходъ, употребленный на наемъ каменщиковъ, создастъ новый капиталъ. Наоборотъ, увеличеніе потребленія бархата отвлечетъ капиталъ отъ участія въ другихъ отрасляхъ производства и доставитъ только временную выгоду ткачамъ бархата. Эти разсужденія, даже съ точки зрѣнія самого Милля, не выдерживаютъ критики. Если спросъ на бархатъ внезапно прекратится, то весь доходъ, расходующійся на бархатъ, можетъ быть употребленъ съ разу на наемъ каменщиковъ, тогда какъ при постепенномъ сокращеніи спроса, доходъ, расходующійся на бархатъ, можетъ обращаться на наемъ рабочихъ лишь постепенно, при чемъ произойдетъ нѣкоторая отсрочка въ улучшеніи положенія рабочихъ. При внезапномъ прекращеніи спроса капиталъ бархатнаго фабриканта погибнетъ вдругъ, но такъ какъ доходъ, употреблявшійся на покупку бархата, обратится на наемъ труда, то получится все то, что произведутъ каменщики и земледѣльцы, добывающіе для нихъ пищу, и проч. При постепенномъ же сокращеніи спроса, фабрикантъ бархата выручитъ только свой оборотный капиталъ, и притомъ цѣною непродуманнаго потребленія; машины же, орудія и многія другія затраты фабриканта погибнутъ во всякомъ случаѣ. Затѣмъ, чѣмъ болѣе будетъ длиться непродуманное потребленіе бархата, тѣмъ хуже будетъ для народнаго хозяйства. Конечно, приведенныя разсужденія грѣшатъ, въ свою очередь, противъ истины, но ошибочность ихъ представится съ большею ясностію послѣ разсмотрѣнія втораго вопроса о послѣдствіяхъ производства и потребленія предметовъ роскоши и необходимости. Стараясь доказать, что спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ, и что только по

слѣдній дѣйствуетъ благотворно на народное благосостояніе, Милль противопоставляетъ потребленіе предметовъ роскоши найму рабочихъ, ихъ содержанію и прокормленію. Въ сущности же, онъ доказываетъ не свою теорему, а нѣчто другое, именно, что производство предметовъ роскоши для немногихъ менѣе полезно обществу, чѣмъ производство предметовъ для потребленія большинства, и что народъ выигрываетъ не тогда, когда капиталъ употребляется на увеличеніе роскошнаго потребленія нѣсколькихъ лицъ, а когда достигаетъ снабженія предметами необходимости массы населенія. Это совершенно вѣрно; но то или другое употребленіе доходовъ зависить не отъ условій производства, а отъ распредѣленія доходовъ и того положенія, въ какомъ находится общество, болѣе или менѣе расположенное или къ развитію производства на счетъ потребленія, или къ усиленію потребленія на счетъ производства. Только въ области распредѣленія имущества и доходовъ, понятія о роскоши, удобствахъ жизни и предметахъ необходимости имѣютъ смыслъ, тогда какъ съ отвлеченной точки зрѣнія (это явствуетъ изъ словъ самого Милля) излишкомъ въ производствѣ оказывается все то, что не составляетъ необходимости для жизни и здоровья человѣка. Притомъ Милль вовсе не поборникъ воззрѣнія, по которому человѣкъ существуетъ для производства, и задача народнаго хозяйства состоитъ лишь въ усиленіи производства, при возможно меньшихъ средствахъ на содержаніе производителей. Между тѣмъ, въ своемъ ученіи о производствѣ, ратуя противъ роскоши, Милль неизбѣжно впадаетъ въ это противорѣчіе: въ его глазахъ не одни тонкія блюда, потребляемая капиталистомъ, составляютъ потерю для производства или непроизводительный расходъ, но также и то, что издерживаетъ этотъ человѣкъ на воспитаніе своихъ дѣтей.

Признавая невозможнымъ установить опредѣленную границу между потребленіемъ предметовъ необходимости и роскоши, и затѣмъ оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ для того, чтобы не выйти за предѣлы теоремы, развитой Миллемъ, нельзя не согласиться, что и спросъ на трудъ далеко не имѣетъ такого значенія, какое старается придать ему авторъ. Спросъ на трудъ можетъ точно также способствовать уменьшенію, какъ и увеличенію поддержки и занятія труда. Капиталистъ, который располагаетъ капиталомъ въ 100.000 фунтовъ, можетъ употребить эту сумму на постройку или великолѣпнаго, но бесполезнаго для производства дома, или фабрики, которая доставитъ занятіе рабочимъ; и наоборотъ 100.000 фунтовъ, уплаченные за домъ,

то-есть, за готовое произведеніе, спекулятору, занимающемуся постройками, могутъ быть израсходованы на новыя постройки и доставить поддержку труду и занятіе каменщикамъ. Можно указать на другой примѣръ: если населеніе, обремененное налогами, уменьшаетъ покупку хлѣба, лѣса, полотна, сукна и проч., а собранные налоги расходуются на наемъ рабочихъ, напримѣръ, для перестройки Парижа, то слѣдуетъ ли отсюда, чтобы сокращеніе спроса на произведенія доставляло поддержку и занятіе труду? Очевидно, что Милль имѣлъ въ виду нѣчто другое; по собственному его сознанію, онъ хотѣлъ доказать, что человѣкъ приноситъ пользу не тѣмъ, что потребляетъ самъ, а тѣмъ, что даетъ потреблять другимъ. Въ поясненіе этой мысли авторъ проводитъ параллель между владѣльцемъ, который расходуетъ свой доходъ на заработную плату, на подаянія и т. п., и его наслѣдникомъ, который расходуетъ тотъ же доходъ на тонкія блюда. При этомъ Милль не замѣчаетъ, что онъ создаетъ для перваго владѣльца положеніе совершенно фальшивое. Владѣлецъ этотъ употребляетъ свой капиталъ на производство средствъ существованія или для нищихъ (то-есть, заставляетъ работать одну часть населенія для содержанія другой части, которой слѣдовало бы дать самостоятельное и независимое хозяйственное положеніе), или ради того, чтобы производить, не заботясь объ увеличеніи собственнаго потребленія. Но производство ради производства не имѣетъ смысла: конечную цѣль всякаго производства должно составлять всегда потребленіе. Безъ сомнѣнія, производитель, который затрачиваетъ весь приобретаемый имъ излишекъ на развитіе производства, полезенъ расточительнаго потребителя, но самое развитіе производства, накопленіе капиталовъ и пр. составляютъ въ глазахъ производителя не цѣль, а средство для будущаго потребленія.

Наконецъ, въ заключеніе, Милль развиваетъ мысль, что мѣна не служитъ источникомъ вознагражденія, а только опредѣляетъ форму его. Однако же, въ мѣнѣ устанавливается не только форма, но и размѣръ вознагражденія; въ этомъ состоитъ отношеніе мѣны къ производству и причина ея вліянія на послѣднее, чего самъ Милль не отрицаетъ и отрицать не можетъ.

Мы не остановимся на изложеніи содержанія слѣдующихъ главъ, въ которыхъ Милль говоритъ объ обратномъ и основномъ капиталѣ, объ условіяхъ производительности элементовъ производства, о сотрудничествѣ и сочетаніи труда, о производствѣ въ большомъ и маломъ размѣрахъ, о законахъ возрастанія труда, капитала и произведеній

земледѣлія и о послѣдствіяхъ сихъ законовъ. Въ названныхъ главахъ можно, конечно, указать на блестящія страницы; немногіе изъ экономистовъ отличаются такимъ широкимъ пониманіемъ вліянія общественныхъ причинъ на усиленіе производительности, немногіе коснулись столь разнообразныхъ сторонъ въ вопросѣ о раздѣленіи и сочетаніи труда; но всѣ эти изслѣдованія, свидѣтельствующія о рѣдкомъ дарованіи автора и о его проникательности, имѣютъ болѣе публицистическій, нежели ученый характеръ: вездѣ общія разсужденія подтверждаются лишь изрѣдка историческими примѣрами, при совершенномъ отсутствіи научно разработанныхъ фактовъ. Вслѣдствіе этого, трудъ автора принимаетъ часто догматическій характеръ, и то, что остается еще вопросомъ, требующимъ разъясненія и изслѣдованія, предлагается, какъ неопровержимая истина. Такъ, напримѣръ, вопросъ о народонаселеніи представляется Миллю законченнымъ; но онъ не высказываетъ о немъ болѣе того, что было высказано Мальтусомъ, какъ будто бы труды статистиковъ вовсе не существуютъ, и самое разнообразіе явленій, представляемыхъ движеніемъ населенія, не даетъ матеріала для новыхъ выводовъ и соображеній. Равнымъ образомъ глава, излагающая законъ возрастанія земледѣльческихъ произведеній, содержитъ въ себѣ часть ученія о рентахъ Рикардо и имѣетъ въ виду уяснить мысль, что предѣлъ для возрастанія производства заключается въ пространствѣ и производительности земли, которая, при увеличеніи капитала и труда, прилагаемыхъ къ производству, дастъ массу произведеній, не пропорціональную новымъ сдѣланнымъ затратамъ, а гораздо меньшую, чему противодѣйствуютъ въ извѣстной мѣрѣ улучшения, сдѣланныя въ земледѣліи. Развивая эти положенія, Милль не выходитъ изъ области апріорическихъ сужденій, не подтвержденныхъ положительными фактами. Нельзя же счесть общихъ указаній на интензивность обработки въ нѣкоторыхъ странахъ, на введеніе новыхъ растений въ сѣвооборотъ, на улучшеніе орудій и способовъ воздѣлыванія земли, какъ на серіозную фактическую часть сочиненія, послужившую основаніемъ или подтвержденіемъ для приведенныхъ положеній и сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ. Для того чтобы законъ возрастанія произведеній, доставляемыхъ землею, имѣлъ современное научное значеніе, необходимо было бы принять въ соображеніе числовые данія о томъ, въ какой мѣрѣ производство, на извѣстномъ пространствѣ земли, можетъ быть увеличено затратою труда и капитала, и въ какой мѣрѣ тѣ или другія улучшения усилили производительность земледѣлія. При томъ не подлежитъ сомнѣнію, что возра-

станіе производства зависить не только отъ одного пространства земли, отъ употребляемаго въ дѣлю труда и капитала, и наконецъ, отъ сдѣланныхъ улучшеній, но также и отъ свойства установившихся отношеній между земледѣльческими классами, отъ права на владѣніе и пользованіе землею, отъ степени дробленія и соединенія земли въ большіе или малые поземельные участки, однимъ словомъ, отъ порядка и условій распредѣленія богатства. Изъ этого, конечно, нельзя заключить, что Миллю слѣдовало бы еще болѣе раздвинуть рамку для своихъ изслѣдованій о производствѣ; напротивъ того, можно полагать, и не безъ основанія, что книга его выиграла бы отъ болѣе краткой, но фактической характеристики производительныхъ силъ природы, капитала и труда.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ слѣдующей книгѣ, трактующей о распредѣленіи богатствъ.

IV. Распредѣленіе богатствъ.

Въ книгѣ, которую Милль посвящаетъ распредѣленію богатствъ, рассматриваются три предмета: 1) вопросъ о собственности; 2) отношенія земледѣльческихъ классовъ другъ къ другу и къ землѣ, и 3) три главныя отрасли доходовъ: заработная плата, прибыль и рента. Къ этому послѣднему предмету Милль возвращается дважды, и въ IV книгѣ, гдѣ онъ рассматриваетъ вліяніе общества на производство и на распредѣленіе, и въ V книгѣ, гдѣ онъ говоритъ о вліяніи правительства. Впрочемъ, въ послѣдней книгѣ трактуются еще разъ и о собственности.

Излагая общій взглядъ на систему политической экономіи Милля, мы уже коснулись оригинальной точки зрѣнія, съ которой смотритъ авторъ на распредѣленіе богатства. По его мнѣнію, это вопросъ свободный, зависящій отъ благоусмотрѣнія человѣка и общества. Политическая экономія, по Миллю, не признаетъ ничего безусловно необходимаго въ формахъ, или точнѣе, въ правилахъ, установленныхъ для распредѣленія богатства. Общество, по Миллю, можетъ отдать предпочтеніе частной или личной собственности предъ общею собственностію или коммунизмомъ, и наоборотъ, можетъ ввести у себя общее владѣніе всѣми орудіями производства и общее пользованіе результатами производства. Мы видѣли, что этотъ взглядъ вытекаетъ изъ основнаго философскаго воззрѣнія на распредѣленіе богатства, какъ на дѣлю человѣческаго произвола. Такимъ образомъ, Миллю представляются двѣ системы, система частной собственности и система ком-

мунизма, и онъ самъ не знаетъ, какой изъ нихъ слѣдуетъ ему отдать предпочтеніе. „Если отважиться на догадку, — говоритъ онъ, — то, *вѣроятно*, рѣшеніе будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ того, которая изъ двухъ системъ наиболѣе совмѣстна со свободою и самоопредѣленіемъ человѣка“ (кн. II, гл. I, § 3). Не полагаясь даже на критическую оцѣнку системъ, Милль идетъ еще далѣе и предоставляетъ рѣшеніе опыту. „Опытъ долженъ рѣшить, въ какой мѣрѣ и скоро ли могутъ нѣкоторыя изъ возможныхъ системъ общности имущества замѣнить собою организацію промышленности, основанную на частномъ обладаніи землею и капиталомъ. Между тѣмъ, не думая ставить границъ дальнѣйшему развитію способностей человѣческой природы, мы можемъ сказать, что экономистъ еще довольно долго долженъ будетъ заниматься, главнымъ образомъ, условіями существованія и прогресса, присущими обществу, основанному на частной собственности и на личномъ соперничествѣ, и что главною цѣлью стремленій, при нынѣшнемъ состояніи человѣческаго развитія, служитъ не ниспроверженіе системы личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полнаго участія въ ея выгодахъ каждому члену общества“ (ib., § 4). Этихъ заключеній нельзя не признать крайне странными: съ одной стороны, авторъ допускаетъ критерій для системъ въ человѣческой свободѣ и его самостоятельности; съ другой, онъ отвергаетъ возможность этого критерія и ждетъ, что скажутъ опыты; наконецъ, въ заключеніе, онъ ставитъ цѣлью своихъ стремленій не ниспроверженіе личной собственности, а ея улучшеніе и доставленіе полнаго участія въ ея выгодахъ каждому члену общества, что безъ сомнѣнія исключаетъ возможность социалистическихъ и коммунистическихъ опытовъ.

Указанныя противорѣчія составляютъ конечный выводъ изъ представленнаго Миллемъ разбора тѣхъ возраженій, которыя, по его словамъ, были сдѣланы противъ коммунизма, требующаго совершенной отчужденности частной собственности, и социализма, не требующаго совершенной ея отчужденности.

Милль начинаетъ свой разборъ положеніемъ, что „справедливость не дозволяетъ сказать, чтобы планы социализма и коммунизма были неосуществимы. Коммунистическая сельская община можетъ найти средства получить, а если потребуется, то и вынудить у каждаго изъ своихъ членовъ, способныхъ къ работѣ, количество труда, нужнаго для доставленія имъ удобствъ жизни“ (ib., начало § 3). Затѣмъ, Милль разсматриваетъ четыре возраженія противъ коммунизма и опровергаетъ

ихъ. Впервыхъ, онъ говоритъ, что при коммунизмѣ каждый будетъ постоянно избѣгать выполненія труда, причитающагося на его долю. Добросовѣстнаго и успѣшнаго труда можно ожидать лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій. Но возражающіе забываютъ, что отъ ирландскаго жнеца или чернорабочаго и до верховнаго судьи и государственнаго министра, почти весь трудъ, выполняемый въ обществѣ, вознаграждается поденною платой или опредѣленнымъ жалованьемъ. Нынѣшній фабричный работникъ въ меньшей степени лично заинтересованъ въ своемъ трудѣ, чѣмъ членъ коммунистической ассоціаціи; хозяйскій же глазъ на социалистской фермѣ будетъ глазъ не одного хозяина, но всѣхъ членовъ общины. Противъ закоренѣлаго упорства въ исполненіи своей доли труда община имѣла бы тѣ же самыя средства, какія и теперь имѣетъ общество для принужденія людей къ соблюденію необходимыхъ условий общественныхъ отношеній. Теперь побужденіемъ къ труду служитъ угроза отпустить несправнаго работника; но это средство бесполезно (?!), когда всякій другой работникъ трудится не лучше своего предшественника. Работникъ, теряющій свое занятіе по лѣности или небрежности, не претерпѣваетъ даже въ самомъ дурномъ случаѣ ничего худшаго, кромѣ развѣ необходимости переносить дисциплину работы, и если желаніе избѣжать этого зла служитъ достаточнымъ побужденіемъ при нынѣшней системѣ, то должно быть достаточнымъ и при системѣ коммунистической. Если бы коммунистическій трудъ и былъ менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселяннина собственника или ремесленника, работающаго на свой собственный счетъ, то вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника, который лично вовсе не заинтересованъ въ дѣлѣ. Члены ассоціаціи непремѣнно все получаютъ воспитаніе и при этомъ будутъ работать также хорошо, какъ служащіе нынѣ по найму изъ лицъ средняго и высшаго сословія. Наконецъ, люди способны проникаться въ сильнѣйшей степени общественнымъ духомъ, чѣмъ въ настоящее время обыкновенно полагаютъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Коммунистическая ассоціація была бы самою выгодною почвой для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе и вся дѣятельность, физическая и духовная, направленныя въ настоящее время къ преслѣдованію отдѣльныхъ частныхъ интересовъ, потребовали бы другой сферы для дѣятельности и нашли бы ее, конечно, въ преслѣдованіи общественнаго блага (ib., § 3).

Другое возраженіе противъ коммунизма, приводимое и разбираемое Миллемъ, состоитъ въ томъ, что при обеспеченіи продовольствія, послѣдовало бы неизбежно чрезмѣрное размноженіе населенія, которое довело бы послѣднее до нищеты; но въ коммунизмѣ общественное мнѣніе должно возстать съ наибольшою энергіей противъ невоздержности въ размноженіи населенія, увеличивающей трудъ и уменьшающей удобства жизни, и если бы порицаніе со стороны общественнаго мнѣнія оказалось недостаточнымъ, то были бы назначены какія-либо наказанія, для того чтобы сдерживать человѣка отъ полаганія самому себѣ на счетъ общества (ib).

Третье возраженіе — трудность распредѣлять общественный трудъ между членами ассоціаціи — дѣйствительно существуетъ; но нельзя сказать, чтобы трудность эта была непреодолимою. Притомъ самое худшее, самое несправедливое распредѣленіе труда при системѣ, стремящейся къ равенству, было бы такъ далеко отъ неравенства и несправедливости, съ какою распредѣляется трудъ нынѣ (не говоря уже о томъ, какъ нынѣ распредѣляется вознагражденіе), что не стоило бы принимать эту несправедливость въ расчетъ при сравненіи съ нынѣшнею (ib).

Наконецъ, переходя къ четвертому возраженію, къ несовмѣстности свободы и самостоятельной дѣятельности съ коммунистическою организациею общества, Милль замѣчаетъ, что это возраженіе очень преувеличено, подобно всѣмъ другимъ возраженіямъ противъ социалистическихъ плановъ. Ассоціаціи нѣтъ надобности принуждать своихъ членовъ имѣть въ жизни болѣе общенія между собою, чѣмъ теперь, нѣтъ надобности въ надзорѣ за тѣмъ, какъ они будутъ распоряжаться лично принадлежащею имъ долею произведеній и часами отдыха, число которыхъ, вѣроятно, будетъ значительно, если ассоціація ограничится производствомъ вещей, дѣйствительно заслуживающихъ быть произведенными. Нѣтъ надобности привязывать людей къ извѣстному занятію или къ извѣстному мѣсту. Узы коммунизма были бы свободою сравнительно съ нынѣшнимъ состояніемъ большинства людей. Одно только кажется Миллю сомнительнымъ, или какъ онъ выражается, вопросомъ, требующимъ изслѣдованія, именно, останется ли при коммунизмѣ какое-либо приближеніе для индивидуальности характера, хотя впрочемъ, по его мнѣнію, однообразіе составляетъ одинъ изъ недостатковъ и современнаго общества (ib).

Еще большею снисходительностью отличаются отзывы Милля о социализмѣ не коммунистическомъ, въ особенности о фуріеризмѣ. От-

нося сенсимонизмъ и фуріеризмъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ прошедшаго и нынѣшняго времени, по великой умственной силѣ, которою они отличаются, и по представляющемуся въ нихъ широкому философскому рѣшенію нѣкоторыхъ изъ основныхъ общественныхъ и нравственныхъ задачъ, Милль признаетъ, однако же, сенсимонистское распредѣленіе занятій по способностямъ, а вознагражденія по заслугамъ, при помощи общественной власти, хотя бы и выборной, несостоятельнымъ. Люди, говоритъ онъ, могутъ безъ ропота подчиняться опредѣленному правилу, на примѣръ, правилу равенства, или случая, или внѣшней необходимости; но допустить, чтобъ одинъ человѣкъ или нѣсколько людей взвѣшивали способности и заслуги каждаго члена общества на своихъ вѣсахъ, чтобы давали одному больше, другому меньше лишь потому, что такъ вздумали и разсудили, — этого человѣкъ не потерпитъ. Если не считаетъ распредѣлителей существами высшими и не сдерживается суевѣрнымъ страхомъ (ib., § 4). Передъ фуріеризмомъ Милль является совершенно безоружнымъ. Эта система, по его словамъ, построена самымъ искуснымъ образомъ; она не требуетъ уничтоженія ни частной собственности, ни наслѣдства. Община выдѣляетъ сначала каждому члену — способенъ ли онъ къ труду или нѣтъ — минимумъ продовольствія, а затѣмъ остатокъ распредѣляетъ между трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Не уничтожая ни одного изъ побужденій къ дѣятельности, существующихъ въ нынѣшнемъ состояніи общества, фуріеристы присоединяютъ къ нимъ еще одно новое — привлекательность труда, зависящую отъ свободы выбора, симпатіи и соревнованія группъ, къ которымъ принадлежатъ рабочіе. По мнѣнію Милля, „было бы очень опрометчиво сказать о фуріеризмѣ, что онъ не можетъ имѣть успѣха или не можетъ осуществить значительной части надеждъ, основываемыхъ его приверженцами“ (ib.).

Если ошибочность основнаго воззрѣнія Милля на распредѣленіе богатства объясняетъ, почему относящіяся сюда экономическія явленія представились ему лишенными характера необходимости, то нельзя не сознаться, что его снисходительность къ коммунизму и социализму имѣетъ еще другія причины: во первыхъ, крайне поверхностное знакомство съ этими ученіями, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что Милль считаетъ *единственнымъ* предметомъ своего разногласія съ социалистами признаніе имъ благотѣльныхъ результатовъ и необходимости соперничества (тогда какъ такое разногласіе полагаетъ коренное различіе между ученіями социализма и экономическими школами);

вторыхъ, впечатлѣніе, оставленное въ его умѣ промышленными товариществами, которыя дали въ Англіи блистательные результаты, и смѣшеніе ихъ съ социальными системами. Съ одной стороны, Милль вводитъ въ коммунизмъ и социализмъ условія, которыхъ не хотѣли допустить сами утописты; съ другой, онъ не замѣчаетъ въ этихъ системахъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, безъ которыхъ онѣ совершенно немислимы. Разсматривая первое возраженіе противъ коммунизма, отсутствіе побужденій къ труду, Милль полагаетъ, что это явленіе свойственно и современному обществу, въ которомъ трудъ вознаграждается подневной платой или опредѣленнымъ жалованьемъ. Поверхностность этого сужденія очевидна уже изъ того, что начиная отъ ирландскаго жнеца и оканчивая министромъ, наемная плата есть личная собственность, которою получающій вознагражденіе располагаетъ по своему усмотрѣнію, тогда какъ въ коммунистическомъ обществѣ этого права не существуетъ, а есть право на порцію пищи, на помѣщеніе и одежду, выдаваемая общинною властію. Недостатокъ усердія и рвенія къ дѣлу, по мнѣнію Милля, можетъ быть и въ коммунистическомъ обществѣ восполненъ рабочимъ домомъ; но коммунисты, за немногими, весьма рѣдкими исключеніями, именно отвергаютъ подобныя средства. Если же Милль ссылается на силу общественнаго мнѣнія и на монашескіе ордена, которые служили дѣлу общественному, то еще вопросъ, забывали ли эти люди себя, и не находили ли они достаточнаго вознагражденія въ достиженіи своихъ личныхъ цѣлей на счетъ остальнаго не-коммунистическаго общества? Притомъ, господство общественнаго мнѣнія, проникнутаго религіознымъ настроеніемъ, какъ это мы находимъ въ нѣкоторыхъ сектахъ, не составляетъ характеристической черты гражданскаго общества. Милль полагаетъ возможнымъ остановить въ коммунистическомъ обществѣ размноженіе населенія силою общественнаго мнѣнія или наказаніемъ; но панацея, которой не признаетъ ни одно цивилизованное общество, не признаетъ и самый коммунизмъ. Мысль, что распредѣленіе труда и производствъ не будетъ хуже въ коммунизмѣ, чѣмъ въ современномъ обществѣ, отвергается самимъ Миллемъ въ разборѣ сенсимонизма; каковъ бы ни былъ принципъ распредѣленія, оно будетъ производиться людьми, облеченными властію, и никогда не можетъ быть ни безпристрастнымъ, ни безусловно справедливымъ. Примѣненіе начала равенства распредѣленія имуществъ или другаго правила всегда будетъ зависѣть отъ произвола распредѣлителей. Наконецъ, съ такою же легкостію относится Милль и къ вопросу о свободѣ.

Ему не представляется возможнымъ, чтобы въ коммунизмѣ человѣкъ не былъ господиномъ своего времени и своего заработка; но въ такомъ случаѣ это не коммунизмъ, потому что въ коммунистическомъ обществѣ нѣтъ дѣятельности, которая не принадлежала бы обществу и не предписывалась бы имъ; нѣтъ заработка, кромѣ участія въ пользованіи тѣмъ, чѣмъ пользуются другіе. Миллю кажется только сомнительнымъ сохраненіе человѣкомъ индивидуальности характера въ коммунистическомъ обществѣ; но трудно объяснить, откуда взялось у него это сомнѣніе? Если его не поразила дисциплина, которая въ коммунизмѣ властвуетъ надъ человѣкомъ во всѣхъ сферахъ его дѣятельности, то откуда явилось у него опасеніе за индивидуальность человѣка? Быть-можетъ развѣ, что теорія воспитанія навела его на эту мысль. Наконецъ, то, что говоритъ Милль о фуріеризмѣ, заставляетъ думать, что авторъ не читалъ ни подлинныхъ сочиненій знаменитаго социалиста, ни обстоятельнаго ихъ изложенія. Возраженія противъ коммунизма, разбираемыя Миллемъ, относятся въ равной степени и къ системѣ Фурье. Побужденіе къ труду, при щедромъ вознагражденіи капитала и таланта, назначенномъ въ системѣ Фурье, становится весьма сомнительнымъ. Привлекательность труда есть гипотеза, обусловливаемая возможностью по произволу мѣнять занятія и соревнованіемъ и увлеченіемъ рабочихъ, трудящихся въ группахъ и серіяхъ; но это вызываетъ новые вопросы: Будетъ ли исполняемый трудъ соответствовать ощущаемой въ немъ потребности? Возможно ли соревнованіе и увлеченіе въ группахъ и серіяхъ? Откуда возьмутся эти двигатели? Наконецъ, самый способъ распредѣленія грѣшить тѣмъ же самымъ недостаткомъ, который указалъ Милль, разбирая ученіе Сень-Симона. Такovy сомнѣнія, возникающія при разборѣ фуріеризма, представленнаго Миллемъ въ блѣдномъ и слабомъ очеркѣ. Эти сомнѣнія перешли бы въ увѣренность и въ убѣжденіе, если бы Милль изложилъ теорію страстей Фурье и рассмотрѣлъ бы его систему, какъ способъ возможно полнаго ихъ осуществленія, еслибъ онъ понялъ, что всѣ коммунистическія и социальныя ученія проповѣдываютъ совершенный разрывъ съ прошедшимъ, и отвергая непрерывность и послѣдовательность человѣческаго развитія, предлагаютъ такую форму общественности, въ которую жизнь могла бы улечься однажды навсегда и тѣмъ доставить человѣку невозмутимое счастье и безконечныя наслажденія. Только совершеннымъ незнакомствомъ съ сочиненіями Фурье можно объяснить, почему Милль умалчиваетъ объ эникурейскомъ сенсуализмѣ этого ученія, и почему оно не возмущаетъ автора стороной,

антипатичною для нравственного чувства. Неоспоримо однако же, что эти недостатки Милля наиболѣе способствовали его популярности между социалистами и новаторами. Тѣ и другіе не могли не увидѣть въ немъ союзника, тогда какъ въ сущности Милль постоянно остается вѣрнѣ дѣйствительности и нигдѣ не простираетъ своихъ практическихъ требованій за предѣлы возможнаго.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что разрѣшеніе вопроса о распредѣленіи богатства, согласно съ тѣми цѣлями, къ которымъ стремятся современныя общества, заключается не въ выборѣ между частною собственностію и коммунизмомъ, но, во первыхъ, въ развитіи свободныхъ товариществъ на твердомъ основаніи частной собственности въ области производства, распредѣленія, накопленія и потребленія богатства; во вторыхъ, въ замѣнѣ старыхъ, обветшалыхъ формъ цеховаго устройства, крѣпостнаго состоянія и отчасти наемнаго труда новыми свободными формами союзности; наконецъ, третьихъ, въ доставленіи свободной личности точки опоры въ общественномъ порядкѣ, не имѣющемъ привилегированнаго характера. Между этою задачей и цѣлями социализма и коммунизма цѣлая бездна. Развитие начала товариществъ не требуетъ ни переустройства общества, ни пересозданія природы человѣка, но предполагаетъ лишь органическое развитіе экономической жизни на почвѣ исторической. Тщательное изученіе современныхъ товариществъ, условій ихъ процвѣтанія и нештатныхъ или неудачъ, при вѣрномъ пониманіи авторомъ значенія этихъ хозяйственныхъ явленій, составило бы болѣе прочное пріобрѣтеніе въ наукѣ, чѣмъ защита коммунизма, которую не могутъ принять коммунисты, и чѣмъ нѣсколько легкое отношеніе къ порядку экономическому, корень котораго заключается въ природѣ человѣка.

Въ главѣ, слѣдующей за разборомъ способовъ распредѣленія богатства, Милль разсматриваетъ вопросы о принципѣ собственности, о порядкѣ ея пріобрѣтенія и въ особенности о наследствѣ. Развивая взглядъ на частную собственность, свойственный большинству англійскихъ философовъ, начиная съ Локка и Уолластона, и излагая законы о наследствѣ у различныхъ народовъ, Милль становится снова на твердую почву и только относительно наследства высказываетъ парадоксальную мысль, которую, впрочемъ, самъ же лишаетъ всякаго авторитета, не признавая ея соответствія съ существующими мнѣніями и обычаями. По его словамъ, наиболѣе рациональный порядокъ наследства состоялъ бы въ ограниченіи количества имущества, которое можетъ быть получено по наследству или по завѣщанію. Милль на-

дѣется предупредить этимъ образование чрезмѣрныхъ богатствъ и достигъ значительныхъ пожертвованій въ пользу государства или полезныхъ учреждений, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ. Но подобный Платоновскій законъ, по сознанию Милля, противорѣчащій современному настроенію общества и его стремленіямъ, не имѣлъ бы силы, и желающіе обойти его предписаніе нашли бы всегда достаточныя къ тому средства. Щедрость же, съ которою частныя лица въ Соединенныхъ Штатахъ надѣляются общественныя учрежденія, простирается не изъ ограниченія свободы завѣщателя, а напротивъ изъ тѣхъ гарантій, которыми эта свобода обставлена. Посвятивъ далѣе нѣсколько словъ указанію классовъ, между которыми распредѣляются произведенія подѣ влияніемъ соперничества или обычая, Милль почти на сотнѣ страницъ излагаетъ отношенія земледѣльческихъ и землевладѣльческихъ классовъ другъ къ другу и къ самой землѣ. Почему именно Милль ограничиваетъ свои изслѣдованія земледѣліемъ и не распространяетъ ихъ на другія отрасли производства — горныя промыслы, лѣсоводство, рыболовство, ремесла, фабрики и пр., не видно изъ его книги. Ясно, что прекрасныя страницы о земледѣліи, въ которыхъ авторъ является горячимъ защитникомъ образованія сословія земледѣльцевъ-собственниковъ, были внушены ему образцовыми изслѣдованіями Сисмонди. Этотъ отдѣлъ не отличается самостоятельностью, но представляетъ мастерскій сводъ чужихъ мнѣній и наблюденій, сводъ, проникнутый единствомъ мысли, вполне здравой и современной. Тотъ же самый Милль, который, за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ, полемизировалъ противъ частной собственности и не находилъ никакихъ особыхъ неудобствъ въ коммунизмѣ, приводитъ съ живымъ сочувствіемъ слова Юнга: „Магическая сила собственности обращаетъ песокъ въ золото“;... „дайте человѣку въ прочное владѣніе голую скалу, онъ превратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, онъ обратитъ его въ пустыню“ (гл. VI, § 7). При всемъ томъ Милль нѣсколько нерѣшительно относится къ ирландскому аграрному вопросу. Прославляя Штейна и Гарденберга и сочувствуя установленію вѣчныхъ, неизмѣнныхъ рентъ и даже выкупу ихъ, Милль колеблется совѣтовать подобную развязку для борьбы, дляншейся въ Ирландіи до настоящаго времени. Онъ предлагаетъ мѣры палліативныя: установленіе неизмѣнныхъ рентъ для вновь разчищенныхъ земель, покупку и раздробленіе большихъ имѣній, наконецъ, онъ возлагаетъ надежды на послѣдствія введенія въ Ирландію англійской системы земледѣлія, и если требуетъ большаго, то потому лишь,

что смѣлый въ области чисто отвлеченныхъ умозрѣній, онъ не рѣшается идти въ разрѣзъ съ мнѣніями и убѣжденіями англійскаго общества въ вопросѣ чисто практическомъ.

Въ шести главахъ, собственно относящихся къ распредѣленію доходовъ, то-есть, къ излѣдованію условій, отъ которыхъ зависитъ величина заработной платы, прибыли и ренты, Милль останавливается долѣе всего на заработной платѣ и рассматриваетъ, въ связи съ нею, вопросы о средствахъ противъ ея пониженія и о народонаселеніи.

Глава о заработной платѣ содержитъ въ себѣ изслѣдованія, дополняющія А. Смита и Мальтуса, и критику мѣръ, предложенныхъ для поддержанія заработной платы. Всѣ доходы, а въ частности и заработная плата, по Миллю, опредѣляются или *обычаемъ*, или *соперничествомъ*. Но слову „обычай“ въ настоящемъ случаѣ необходимо дать болѣе обширный смыслъ; въ сущности, это тѣ ограниченія соперничества, которыя устанавливаются силою юридическихъ отношеній. Не останавливаясь на вліяніи обычая, Милль рассматриваетъ главную, по его мнѣнію, дѣйствующую причину — спросъ и предложеніе труда или отношеніе между населеніемъ и капиталомъ. По его мнѣнію, только перевѣсъ въ приращеніи капитала надъ приращеніемъ населенія обезпечиваетъ возрастаніе заработной платы. Упуская изъ виду послѣдствія болѣе или менѣе равномернаго распредѣленія доходовъ и капитала, Милль является рѣшительнымъ поборникомъ Мальтуса и полагаетъ, что главное средство для улучшенія заработной платы состоитъ въ сдерживаніи животной силы размноженія. Все, что предлагали доселѣ противъ пониженія заработной платы, по мнѣнію Милля, не выдерживаетъ критики, а именно, установленіе законнаго размѣра, или по крайней мѣрѣ, крайняго наименьшаго размѣра заработной платы, опредѣленіе платы совѣтами изъ депутатовъ отъ рабочихъ и хозяевъ, наконецъ, вліяніе общественнаго мнѣнія, обязывающаго послѣднихъ давать достаточное вознагражденіе труду. Возраженія противъ этихъ трехъ способовъ противоудѣйствія пониженію заработной платы Милль основываетъ на невозможности давать плату выше той, которая устанавливается соперничествомъ. Милль является въ настоящемъ случаѣ горячимъ защитникомъ соперничества. „Соперничество, говоритъ онъ, не только понижаетъ заработную плату, но служитъ также средствомъ для ея возвышенія... Есть люди, воображающіе, что дѣйствію соперничества нѣтъ предѣловъ, что соперничество продавцовъ можетъ понижать цѣны и довести плату рабочихъ до нуля или до какой-то неопредѣленно малой величины. Это совершенная ошибка. Цѣна то-

вара можетъ понижаться соперничествомъ только до предѣла, вызывающаго число покупателей, достаточное для сбыта; а заработная плата можетъ понижаться соперничествомъ только до того предѣла, когда всѣ работники получаютъ долю въ распредѣленіи фонда заработной платы. Если она упадетъ ниже этого предѣла, то часть капитала, по недостатку работниковъ, останется безъ занятія, начнется обратное соперничество со стороны капиталистовъ, и заработная плата поднимется“. Поэтому, — замѣчаетъ Милль, — если законъ или общественное мнѣніе успѣютъ поднять заработную плату выше этой величины, то нѣкоторые работники останутся безъ занятія. Безполезно опредѣлять наименьшую величину заработной платы, если не приняты мѣры, чтобы находилась работа или плата для каждаго, требующаго работы. Если бы нравственное вліяніе общественнаго мнѣнія было недостаточно для того, чтобы побудить богатыхъ къ сбереженіямъ, предназначеннымъ къ доставленію занятій всѣмъ бѣднымъ за удовлетворительную плату, то пришлось бы установить налоги или мѣстные, или государственные для выдачи заработной платы. Но это средство не задержало бы размноженія населенія, и налогъ на бѣдныхъ поглотилъ бы весь доходъ страны. Общество, говоритъ Милль, не можетъ безнаказанно принять на себя продовольствіе населенія, предоставляя ему свободу размножаться. Слѣдующія слова живо напоминаютъ Мальтуса: „Каждый имѣетъ право жить. Предположимъ, что право это обезпечено. Но никто не имѣетъ права давать жизнь существамъ, содержать которыхъ будутъ обязаны другіе люди. Кто хочетъ наставлять на первомъ изъ этихъ правъ, тотъ долженъ отказаться отъ всякаго притязанія на второе“. По тѣмъ же причинамъ Милль возстаетъ противъ добавочной платы (Allowance System), выдававшейся недостаточнымъ отъ приходовъ. Мѣра эта не возвышала заработной платы: она отнимала одною рукою то, что давала рабочему другою. Прибавка 3 шиллинговъ къ 7 шиллингамъ не улучшитъ положенія рабочихъ, если не уменьшится стремленіе къ размноженію, и если заработная плата упадетъ съ 7 шиллинговъ на 4. Къ подобному же результату должна привести участковая система (Allotment System), надѣленіе рабочихъ огородами, что конечно уже лучше прибавочной платы, но также не останавливаетъ размноженія населенія и не увеличиваетъ средствъ рабочаго сословія. Какія же средства предлагаетъ съ своей стороны Милль? Распространеніе здравыхъ понятій о зависимости заработной платы отъ народонаселенія и разумное воспитаніе народа, колонизацію, къ которой онъ отнесся довольно

скептически въ концѣ XIII главы, и употребленіе общинныхъ земель на распространеніе мелкой поземельной собственности. Последняя глава о заработной платѣ (различіе заработной платы по роду занятій) не представляетъ ничего особенно оригинальнаго и новаго. Это пополненное и исправленное изложеніе ученія А. Смита (гл. XI—XIV).

Въ прибыли Милль различаетъ три составныя части: процентъ съ капитала, или вознагражденіе за воздержаніе отъ потребленія, страховую премію и плату за трудъ. По странной непослѣдовательности Милль отдѣляетъ вопросъ о величинѣ процентовъ (кн. III, гл. XXIII) отъ изслѣдованія о прибыли и относитъ его къ мѣнѣ. Очевидно, что авторъ руководствуется въ настоящемъ случаѣ чисто виѣшними признаками, утверждая, что вопросъ о процентахъ по займамъ, будучи въ сущности вопросомъ о мѣнѣ цѣнности, естественно относится къ этому отдѣлу нашего предмета. Колебанія въ величинѣ процентовъ происходятъ, по Миллю, отъ спроса и предложенія на ссуды. Спрашиваютъ и предлагаютъ капиталы; но такъ какъ спросъ и предложеніе происходятъ въ формѣ денегъ, то размѣръ процентовъ считается обыкновенно послѣдствіемъ обилія или недостатка денегъ. Сбивчивость понятій усиливается при этомъ еще болѣе отъ того, что величину процентовъ обозначаютъ выраженіемъ: *цѣнность денегъ*.

Оспаривая заблужденія, состоящія въ смѣшеніи денегъ съ капиталами вообще, а процентовъ съ цѣною денегъ, Милль заходитъ однако же слишкомъ далеко. Обильное предложеніе денегъ при отсутствіи предложенія капиталовъ невозможно; но неоспоримо, что при одинаковомъ количествѣ запасовъ и произведеній, можетъ быть избытокъ и недостатокъ денегъ, низкій и высокій процентъ. Покупная сила сама подчинена закону спроса и предложенія, и предложеніе во многомъ зависитъ не отъ количества произведеній, но отъ прочности кредита, который безъ легкости металлическихъ платежей, по большей части, бываетъ шатокъ. Это послѣднее обстоятельство выяснено въ замѣчательномъ сочиненіи Лавеле.

Разъяснивъ условія, отъ которыхъ зависитъ наименьшій размѣръ прибыли и возможныя въ немъ колебанія, различія въ прибыли, происходящія отъ различнаго свойства предпріятій, на которыя капиталъ обращается, и причины, по которымъ величина прибыли стремится къ равенству во всѣхъ занятіяхъ, Милль развиваетъ слѣдующія три положенія: 1) прибыль не зависитъ отъ цѣны и не есть результатъ покупки и продажи; 2) затраты капиталиста состоятъ единственно въ платѣ за трудъ; 3) величина прибыли зависитъ отъ сто-

имости труда. Эти положенія, по своей важности, заслуживаютъ подробнаго изученія.

По ходячему въ обществѣ мнѣнію, говоритъ Милль, промышленная прибыль зависитъ отъ цѣнъ. Повидимому, производитель или продавецъ получаетъ прибыль, вслѣдствіе продажи своего товара по цѣнѣ, превышающей издержки производства. Но всматриваясь ближе въ операціи производителя, мы замѣчаемъ, что деньги, которыя онъ получаетъ за свои произведенія, составляютъ не причину, а только форму выдаваемой ему прибыли. Причина прибыли состоитъ въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль, потому что люди могутъ произвести болѣе пищи, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе во время производства, включая сюда и время, употребляемое на изготовленіе орудій и исполненіе всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ съ условіемъ обратить произведенія въ свою пользу, то по возмещеніи своихъ затратъ, получитъ еще нѣкоторый остатокъ. Итакъ, прибыль возникаетъ не вслѣдствіе появленія мѣны, но вслѣдствіе производительной силы труда, и общая прибыль страны всегда зависитъ отъ производительной силы труда, будетъ ли мѣна имѣть мѣсто, или нѣтъ. Если бы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи; но прибыль все-таки существовала бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ произведутъ на 20% болѣе своей заработной платы, то производители (въ сложности) получатъ 20% прибыли, каковы бы цѣны ни были. Прибыль капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ количества полученныхъ произведеній, иначе, отъ производительной силы труда, и во-вторыхъ, отъ того, какую часть произведеній получаютъ работники. Эти два элемента служатъ данными, по которымъ опредѣляется вся сумма, раздѣляемая между всѣми капиталистами страны. Но размѣръ прибыли, процентное ея отношеніе къ капиталу, зависитъ только отъ втораго элемента, то-есть, отъ доли, получаемой работникомъ, а не отъ итога подлежащихъ раздѣлу произведеній. Если бы произведенія труда удвоились, и работники получили бы прежнюю долю, то-есть, вдвое болѣе, то капиталисты тоже получили бы вдвое противъ прежняго; но такъ какъ они притомъ затратили вдвое противъ прежняго, то и размѣръ ихъ прибыли не увеличивается, а остается прежнимъ (гл. XV, §§ 5 и 7). Такимъ образомъ, говоритъ Милль, мы приходимъ къ выводу Рикардо и

нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ, что размѣръ прибыли зависитъ отъ заработной платы, возвышаясь при паденіи и падая при возвышеніи ея. Но, принимая это ученіе, Милль настаиваетъ на болѣе точномъ выраженіи мысли Рикардо. По его мнѣнію, слѣдуетъ сказать, что прибыль зависитъ не отъ заработной платы, а отъ стоимости труда. Говоря математическимъ языкомъ, стоимость труда есть функція трехъ пзмѣняемыхъ — успѣшности труда, заработной платы (то-есть, существеннаго, а не денежнаго вознагражденія работнику) и стоимости, по которой могутъ быть производимы или покупаемы вещи, составляющія это существенное вознагражденіе. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшенъ, а вознагражденіе его не возвысится, если вознагражденіе за трудъ упадетъ, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе, не увеличится, и самый трудъ не станетъ менѣе успѣшенъ, или если предметы, составляющіе вознагражденіе работника, станутъ дешевле, а работникъ будетъ получать ихъ не больше прежняго, то въ каждомъ изъ этихъ случаевъ прибыль возвысится. Если же, напротивъ того, трудъ станетъ менѣе успѣшенъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы въ народѣ, отъ уничтоженія постояннаго капитала или отъ упадка народнаго образованія), или если работникъ станетъ получать большее вознагражденіе, безъ уменьшенія стоимости составляющихъ вознагражденіе вещей, или наконецъ, если онъ будетъ получать и не больше прежняго, но самая стоимость полученныхъ имъ вещей будетъ больше, то во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль уменьшится. Кромѣ этихъ случаевъ, нѣтъ сочетанія другихъ обстоятельствъ, отъ которыхъ могъ бы падать или возвышаться общій размѣръ прибыли въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ промышленности (гл. XV, § 7).

Три положенія, развитыя Миллемъ, далеко не могутъ быть признаны безспорными. Замѣтимъ прежде всего, что на прибыль никакъ нельзя смотрѣть, какъ на плату капиталисту за воздержаніе отъ потребленія; прибыль вытекаетъ несомнѣнно изъ участія капиталиста въ приращеніи производства, достигаемаго влѣдствіе употребленія капитала. Аргументація Милля, направленная къ тому, чтобы доказать, что прибыль составляетъ ту долю произведеній, которая остается за выдѣломъ заработной платы или стоимости труда, напоминаетъ нѣсколько ученіе физиократовъ. Прибыль не отъ того высока или низка, что получается болѣе или менѣе произведеній за покрытіемъ расходовъ на трудъ, но отъ цѣны, установленнаго спросомъ и предложениемъ. Для того, чтобы убѣдиться, какъ ошибочна попытка Милля отдѣлить мѣну, которою

совершается распредѣленіе, отъ самаго распредѣленія, стѣнитъ только припомнить, что при чрезвычайномъ урожаѣ, въ земледѣльческихъ странахъ прибыль, доставляемая земледѣльцемъ, доходитъ до 0, хотя бы производство дало самый блистательный результатъ. Конечно, прибыль не мыслима, если производители расходуютъ болѣе, чѣмъ они производятъ; но изъ предыдущаго примѣра очевидно, что для того чтобы прибыль существовала, необходимо, чтобы избытокъ могъ быть проданъ по хорошей цѣнѣ. Гипотеза о странѣ, въ которой нѣтъ раздѣленія труда и гдѣ работникъ производитъ на 20% болѣе противъ своей заработной платы, не можетъ быть допущена въ томъ видѣ, какъ ее принимаетъ Милль; она понятна лишь подъ условіемъ денежной оцѣнки, потому что нельзя представить себѣ ни случая отсутствія раздѣленія труда, ни приращенія въ производствѣ каждаго изъ предметовъ на 20%. Если прибыль есть результатъ соперничества, устанавливающаго цѣны, конечный выводъ, къ которому приходитъ производитель, по сведеніи своихъ счетовъ, то нельзя сказать, чтобы прибыль и заработная плата или стоимость труда понижались въ обратномъ отношеніи. Произведенія распредѣляются соперничествомъ согласно съ установившимися цѣнами труда, капитала, земли и самыхъ произведеній. Полагать, что одна стоимость труда устанавливаетъ прибыль, значитъ забывать то, что самъ Милль говорилъ о непомерно высокихъ рентахъ въ Ирландіи, устанавливаемыхъ соперничествомъ. Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, чтобы величина прибыли зависѣла отъ стоимости труда. Равнымъ образомъ неточно и второе положеніе Милля, именно, что затраты капиталиста состоятъ единственно въ платѣ за трудъ; это положеніе есть не что иное, какъ развитіе мысли о трудѣ, какъ о единственной производительной силѣ, чего самъ Милль не допускаетъ. Притомъ трудно понять, какъ могъ допустить Милль эту мысль, послѣ того какъ онъ доказывалъ, „что спросъ на произведенія не есть спросъ на трудъ“.

Происхожденіе ренты Милль объясняетъ сначала монопольнымъ обладаніемъ землею, а вслѣдъ затѣмъ развиваетъ въ общихъ чертахъ принятую имъ теорію Рикардо и представляетъ возраженія противъ ученія Кери, которое, по его мнѣнію, нисколько не опровергаетъ того положенія, что всегда существуютъ земли, болѣе и менѣе плодородныя, болѣе и менѣе близкія къ рынкамъ, и что если воздѣлываются земли менѣе плодородныя и менѣе близкія къ рынкамъ, то болѣе плодородныя и болѣе близкія къ потребителямъ даютъ ренту. Рента, по словамъ Милля, нисколько не зависитъ отъ затраты капиталовъ и не

объясняется переходомъ воздѣлыванія отъ земель болѣе легкихъ и менѣе плодородныхъ къ землямъ болотистымъ, поросшимъ лѣсами и болѣе плодороднымъ. Не останавливаясь на разборѣ мыслей Рикардо, изложенныхъ Миллемъ, и на полемикѣ послѣдняго съ Кери, нельзя не замѣтить, что Милль допускаетъ двойное объясненіе ренты, съ одной стороны, исключительнымъ обладаніемъ землею, съ другой, необходимостью обратиться къ воздѣлыванію худшихъ земель, при существующемъ спросѣ на произведенія земли, что, очевидно, не одно и то же. Однако же не это одно составляетъ недостатокъ въ ученіи Милля. Авторъ часто упускаетъ изъ виду то, что самъ говоритъ въ кн. III, гл. V., § 4 своего сочиненія, именно, что рента есть явленіе общее всѣмъ отраслямъ промышленности, и что ренту даетъ талантъ, точно также, какъ малораспространенное открытіе или болѣе плодородная почва. Онъ совершенно неправъ, утверждая, что истинная теорія ренты, изложенная въ прошломъ столѣтіи Андерсономъ, была черезъ двадцать лѣтъ снова открыта почти одновременно Уэстомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Ученія Мальтуса и Рикардо ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ однородныя; первое носитъ на себѣ явные слѣды физиократическаго ученія. Наконецъ, несомнѣнно и то, что разрѣшеніе вопроса о рентѣ составляетъ задачу будущаго и сдѣлается возможнымъ только тогда, когда политическая экономія станетъ на твердую почву положительныхъ фактовъ, когда удастся уловить колебаніе ренты и разнообразныя условія, при которыхъ оно совершилось. Самое строгое осужденіе предложенной Миллемъ теоріи заключается въ слѣдующихъ его словахъ: „Никто не скажетъ, чтобы факты, въ какомъ-нибудь конкретномъ случаѣ, съ абсолютною точностью соответствовали тому или другому научному принципу. Мы никогда не должны забывать, что истины политической экономіи суть истины только въ общихъ чертахъ“. „Въ политической экономіи невозможно достигнуть теоремъ такого рода, чтобы ими обнимались всѣ многосложныя обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ результатъ въ частномъ случаѣ“. Если это такъ, если нельзя знать *всѣхъ* обстоятельствъ, при которыхъ совершилось явленіе, то можно и должно знать условія, которыя существенно необходимы для объясненія послѣдняго. Наконецъ, особенно замѣчательно признаніе Милля, что истинная теорія ренты представится съ большею ясностію послѣ изложенія ученія о цѣнности и цѣнѣ. Такимъ образомъ, самый ходъ изслѣдованій привелъ автора къ заключенію, что распредѣленіе богатства нельзя понять вполне, не имѣя понятія о мѣнѣ, цѣнности и цѣнѣ.

V. Мѣна.

Книга третья заключаетъ въ себѣ слѣдующіе главные отдѣлы: 1) теорію цѣнности, 2) изслѣдованія о деньгахъ, 3) о кредитѣ и 4) о международныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

1. Цѣнность.

Цѣнность, по мнѣнію Милля, не относится къ производству и касается распредѣленія богатства лишь въ той мѣрѣ, въ какой распредѣляющею силой является соперничество, а не обычай или обыкновеніе; но прежде чѣмъ начать изслѣдованіе законовъ цѣнности и цѣны (такъ часто смѣшиваемыхъ между собою, тогда какъ цѣна означаетъ цѣнность, выраженную деньгами), необходимо замѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ рассмотрѣны лишь тѣ случаи, въ которыхъ цѣнность и цѣна опредѣляются однимъ соперничествомъ, а слѣдовательно, могутъ быть подведены подъ опредѣленные законы (кн. III, гл. I, §§ 1 и 5). Чтобы вещь имѣла мѣновую цѣнность, для этого необходимы два условія: во первыхъ, вещь должна быть на что-нибудь пригодна, а во вторыхъ, пріобрѣтеніе ея должно быть сопряжено съ трудностію. Степень годности составляетъ крайній предѣлъ мѣновой цѣнности. Трудность пріобрѣтенія бываетъ различна; одни предметы рѣдки, и предложеніе ихъ ограничено безусловнымъ предѣломъ, на примѣръ, нѣкоторые вина могутъ быть выдѣлываемы только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и въ опредѣленномъ количествѣ; другіе предметы могутъ быть получены лишь подъ условіемъ употребленія извѣстнаго труда и расхода; наконецъ, третьи могутъ быть произведены въ большемъ количествѣ только при употребленіи большаго труда и расхода. (гл. II, §§ 1 и 2).

Цѣнность предметовъ перваго разряда опредѣляется рѣдкостію, или точнѣе, спросомъ и предложеніемъ. Цѣнность произведеній втораго разряда, которыя могутъ быть произведены трудомъ и капиталомъ въ неограниченномъ количествѣ; имѣетъ наименьшій предѣлъ, состоящій въ издержкахъ производства; но этотъ предѣлъ будетъ и наивысшій, если соперничество дѣятельно и свободно. Наконецъ, цѣнность предметовъ третьяго разряда, которые могутъ быть произведены въ большемъ количествѣ только при болѣе значительныхъ издержкахъ производства и производится съ различными издержками, опредѣляется наивысшимъ размѣромъ послѣднихъ (гл. II, § 3, гл. III, § 1, гл. V, § 1). Говоря о предметахъ, цѣнность которыхъ зависитъ

отъ рѣдкости, Милль приходитъ къ слѣдующему выводу: „Если спросъ и предложеніе въ извѣстную минуту становятся неравны, то соперничество уравниваетъ ихъ соответственнымъ данному случаю измѣненіемъ цѣнности. При возрастаніи спроса цѣнность поднимается, при уменьшеніи его падаетъ; при уменьшеніи предложенія, цѣнность поднимается, при увеличеніи падаетъ; она продолжаетъ подниматься и падать до той степени, на которой спросъ и предложеніе становятся снова равны, такъ что цѣнность извѣстнаго товара на рынкѣ есть та, которую устанавливаетъ спросъ, нужный для сбыта существующаго или ожидаемаго предложенія. Вотъ законъ цѣнности для всѣхъ тѣхъ товаровъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по произволу“ (гл. II, § 4). Цѣнность предметовъ, количество которыхъ можетъ увеличиваться по произволу, не зависитъ отъ спроса и предложенія, исключая лишь рѣдкіе случаи, и то на время, необходимое для того, чтобы производство могло приоровиться къ спросу: напротивъ того, предложеніе и спросъ зависятъ отъ цѣнности. Если есть спросъ на извѣстное количество товара по его естественной цѣнности, то и предложеніе постоянно приравнивается къ ней. Если предложеніе уклоняется отъ этой цѣнности, то причиной тому ошибка въ расчетѣ или какая-нибудь переменная въ естественной цѣнности, то-есть, въ издержкахъ производства, то въ спросѣ отъ переменны вѣкусовъ общества, то въ числѣ или богатствѣ потребителей. Эти причины колебанія случаются очень часто, и достаточно одной изъ нихъ, чтобы рыночная цѣнность предмета отклонилась отъ естественной. Дѣйствительный законъ спроса и предложенія — уравниваніе ихъ между собою — и тутъ не перестаетъ дѣйствовать. Управляя этими колебаніями цѣнности, само уравненіе спроса и предложенія подчиняется высшей силѣ, которая заставляетъ цѣнность тяготѣть къ издержкамъ производства, устанавливаетъ и всегда держитъ ее на этой высотѣ, если не возникаютъ постоянно новыя возмущающія вліянія, производящія отклоненія цѣнности. Спросъ и предложеніе постоянно стремятся къ равновѣсію; но положеніе „устойчиваго равновѣсія“ есть то, когда предметы обмѣниваются другъ на друга соразмѣрно издержкамъ своего производства (гл. III, § 2).

Окончательное разъясненіе предыдущаго даетъ Милль въ своемъ анализѣ издержекъ производства. Издержки производства, по Миллю, который въ настоящемъ случаѣ только излагаетъ ученіе Рикардо, состоятъ изъ заработной платы и прибыли, но не ренты, которая составляетъ результатъ цѣни. Издержки опредѣляются, главнымъ обра-

зомъ, величиною заработной платы и количествомъ труда, употребленнаго на производство; измѣненія въ заработной платѣ (кромѣ мимолетныхъ колебаній) относятся обыкновенно ко всѣмъ предметамъ и не имѣютъ значительнаго вліянія на цѣнность; гораздо важнѣе различія въ количествѣ труда, необходимаго для производства, потому что въ данное время измѣненіе относится къ одному или къ немногимъ произведеніямъ. Независимо отъ количества труда и заработной платы, въ составъ издержекъ производства входитъ прибыль. Вліяніе этого элемента на цѣнность весьма различно. Та часть капитала, которая потребляется въ теченіе годичнаго періода производства, входитъ всецѣло въ составъ цѣны произведеній; та же часть, которая въ видѣ долговѣчныхъ машинъ потребляется медленно, входитъ въ составъ цѣны на столько, на сколько потребляется капиталъ. Такимъ образомъ, затрата капитала въ товарахъ на долгое время, напримѣръ, въ винѣ, или замѣнъ оборотнаго капитала постояннымъ и долговѣчнымъ увеличиваютъ долю прибыли въ общей массѣ издержекъ производства; но за то, при замѣнѣ труда долговѣчною машиною, издержки производства будутъ менѣе, и такъ какъ прибыль входитъ въ различной пропорціи въ ихъ составъ, то очевидно, что пониженіе прибыли, происходящей отъ увеличенія стоимости труда, произведетъ неравномѣрное измѣненіе въ цѣнности произведеній (гл. IV).

Таково ученіе Милля о цѣнности. Сущность его выражена авторомъ въ слѣдующихъ семнадцати основныхъ положеніяхъ:

I. Цѣнность есть отношеніе. Цѣнность одного предмета означаетъ количество другаго предмета или предметовъ вообще, на которые онъ обмѣнивается. Поэтому, не можетъ быть общаго пониженія или возвышенія цѣнности, а возвышенію однихъ цѣнностей соответствуетъ пониженіе другихъ.

II. Временная или рыночная цѣнность произведеній зависитъ отъ спроса и предложенія; она возрастаетъ съ увеличеніемъ спроса и падаетъ съ увеличеніемъ предложенія. Спросъ измѣняется однако же вмѣстѣ съ цѣнностію; онъ бываетъ больше тогда, когда предметъ дешевле меньше, — когда дороже; и цѣнность всегда приравнивается при этомъ такъ, что спросъ равенъ предложенію.

III. Кромѣ временной цѣнности, предметъ имѣетъ цѣнность постоянную, или такъ-сказать, естественную, къ которой рыночная, послѣ каждаго ея измѣненія, всегда стремится приблизиться. Эти колебанія уравниваются такъ, что произведеніе промѣнивается, въ среднемъ выводѣ, приблизительно по своей естественной цѣнности.

IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ есть цѣнность рѣдкости, но большая часть предметовъ обмѣниваются другъ на друга, соразмѣрно съ издержками производства или ихъ стоимости (Cost value).

V. Предметы, естественно и постоянно имѣющіе цѣнность рѣдкости, суть тѣ, предложеніе которыхъ не можетъ вовсе или на столько увеличиться, чтобъ удовлетворить всякому спросу, который бы имѣлъ мѣсто, еслибъ они продавались сообразно съ издержками производства (Cost value).

VI. Монопольная цѣнность означаетъ цѣнность рѣдкости. Монополия сообщаетъ цѣнность лишь вслѣдствіе ограниченія предложенія.

VII. Каждое произведеніе, предложеніе котораго можетъ быть безконечно увеличено трудомъ и капиталомъ, промѣнивается на другія вещи пропорціонально наибольшимъ издержкамъ производства, необходимымъ для производства и поставки на рынокъ самой дорогой части потребнаго предложенія. Цѣнность естественная и стоимость синонимы: стоимость означаетъ наибольшія издержки, съ коими эта часть предложенія произведена.

VIII. Издержки производства состоятъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, изъ которыхъ нѣкоторые всеобщі и постоянны, а другіе случайны. Заработная плата и прибыль суть два необходимые элемента въ издержкахъ производства. Случайные элементы суть подати и чрезвычайныя издержки, условливаемыя рѣдкостію нѣкоторыхъ принадлежностей производства.

IX. Рента не составляетъ элемента, входящаго въ составъ издержекъ производства предметовъ, которые даютъ ренту, исключая случай, скорѣе воображаемый, чѣмъ дѣйствительный, именно, когда издержки происходятъ отъ рѣдкости и составляютъ ея слѣдствіе; но если земля, могущая дать ренту въ земледѣліи, употребляется для другой цѣли, то рента, которую она могла бы дать, входитъ въ составъ издержекъ производства того предмета, для производства котораго служить эта земля.

X. Если опустить случайные элементы цѣнности, то предметы, которые могутъ быть произведены въ неограниченномъ количествѣ, промѣниваются естественно и постоянно пропорціонально издержанной на нихъ заработной платѣ и прибыли, которую должны извлечь капиталисты, уплачивающіе эту заработную плату.

XI. Относительный размѣръ итога заработной платы не зависитъ отъ нея самой. Высокая заработная плата не есть причина высокой

цѣнности, а низкая заработная плата — низкой цѣнности. Относительный размѣръ итога заработной платы зависитъ отчасти отъ количества потребнаго труда, отчасти отъ размѣра вознагражденія за трудъ.

XII. Равнымъ образомъ относительная доля прибыли не зависитъ отъ высоты прибыли. Высокая прибыль не есть причина высокой цѣнности, а низкая — низкой цѣнности. Размѣръ прибыли зависитъ частью отъ продолжительности времени, въ теченіе котораго употребляется капиталъ, частью отъ относительной доли прибыли въ разныхъ отрасляхъ занятій.

XIII. Если два предмета производятся однимъ и тѣмъ же количествомъ труда, получающаго ту же плату за одно и то же время, и если родъ занятій не требуетъ постояннаго различія въ величинѣ прибыли, то такіе два предмета въ среднемъ результатѣ будутъ обмѣниваться другъ на друга независимо отъ того, будутъ ли заработная плата и прибыль высоки или низки, количество труда велико или мало.

XIV. Если одинъ изъ двухъ предметовъ вообще имѣетъ, среднимъ числомъ, цѣнность бѣльшую, то это потому, что его производство требуетъ или количества труда болѣе значительнаго, или употребленія труда лучше оплачиваемаго, или затраты капитала на болѣе продолжительное время, а также потому, что производство сопровождается какимъ-либо обстоятельствомъ, которое требуетъ, для уравновѣшенія, прибыли болѣе большого размѣра.

XV. Количество труда, необходимаго для производства, составляетъ самый важный изъ этихъ элементовъ; вліяніе другихъ слабѣе, хотя каждый изъ нихъ не малозначущъ.

XVI. Чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ менѣе значенія имѣютъ второстепенные элементы издержекъ производства, и тѣмъ менѣе отклоняется цѣнность произведеній отъ цѣнности, соответствующей количеству и качеству труда, употребленнаго на ихъ производство.

XVII. Но всякое пониженіе прибыли понижаетъ въ извѣстной мѣрѣ стоимость (Cost value) вещей, произведенныхъ машинами, наиболѣе долговѣчными, и возвышаетъ цѣнность вещей, составляющихъ произведеніе ручной работы, а всякое возвышеніе прибыли производитъ противоположный результатъ (гл. VI, § 1).

Въ предыдущемъ исчерпано, по возможности, ученіе Милля о цѣнности, — ученіе, которое, по его словамъ, развито вполне и представляетъ единственную трудность, заключающуюся въ такомъ изложеніи, которое могло бы напередъ разъяснить главныя недоразумѣнія каса-

тельно примѣненія теоріи. Едва-ли этотъ конечный выводъ, къ которому пришелъ авторъ, можетъ быть признанъ вѣрнымъ. Теорія цѣнности составляетъ одинъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ политической экономіи, окончательный выводъ пзъ сложныхъ явленій мѣны. Какъ во многихъ другихъ отдѣлахъ „Началъ политической экономіи“ Милля, какъ и здѣсь у него встрѣчается не удавшаяся попытка отдѣлить производство, распредѣленіе богатства и мѣну другъ отъ друга, а также нѣкоторая двойственность содержанія: цѣнность опредѣляется и соперничествомъ вообще, и издержками производства; цѣнность рѣдкихъ предметовъ опредѣляется исключительно соперничествомъ, цѣнность остальныхъ — и соперничествомъ, и издержками производства. Призиреніе этихъ двухъ условій достигается, по Миллю, уравненіемъ спроса и предложенія, стремленіемъ ихъ къ равновѣсію, при которомъ предметы втораго разряда обмѣниваются по своей естественной цѣнности, а предметы третьаго разряда по наибольшимъ издержкамъ производства. Такимъ образомъ, у Милля, является цѣнность двойкаго рода: рыночная, устанавливаемая соперничествомъ, во многихъ случаяхъ сообразная съ издержками производства, и естественная, слагающаяся изъ этихъ издержекъ. Въ чемъ же состоятъ главные недостатки теоріи, изложенной Миллемъ?

Недостатки эти состоятъ, во первыхъ, въ томъ, что Милль, указавъ на причины, отъ которыхъ зависитъ цѣнность, не связалъ этихъ причинъ съ соперничествомъ. Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что цѣнность произведенія зависитъ отъ его годности (другими словами, отъ потребности) и отъ трудности пріобрѣтенія, отъ условій, составляющихъ необходимые, но и не единственные элементы соперничества. Спросъ обусловливается потребностію и средствами пріобрѣтателей; предложеніе наличнымъ количествомъ произведеній, которое должно быть продано производителями, а также большею или меньшею трудностію производства, позволяющею или не позволяющею усилить размѣры послѣдняго. Въ вторыхъ, Милль, противопоставляя рыночную цѣнность естественной или издержкамъ производства, не совсѣмъ удачно опредѣляетъ отношеніе между обѣими. По Миллю, издержки производства слагаются изъ заработной платы и прибыли, рента же не входитъ въ ихъ составъ (исключая тотъ случай, когда земля употребляется не для добыванія земледѣльческихъ произведеній, а для какихъ-либо другихъ цѣлей). Величина издержекъ производства, заработной платы, прибыли и ренты, какъ мы имѣли случай замѣтить выше, регулируется также спросомъ и предложеніемъ на трудъ, на капиталъ и на монопольный элементъ, который составляетъ достоинствѣ или ра-

ботника, или капиталиста, или землевладѣльца, обладающихъ особыми качествами труда, капитала или земли. Чтò бы ни говорили экономисты о стремленіи заработной платы и прибыли къ достиженію одного общаго уровня, но практика приводитъ неоспоримыя доказательства, что расходы на трудъ, на капиталъ и на землю, при большемъ или меньшемъ искусствѣ предпринимателей, при благопріятныхъ или неблагопріятныхъ общественныхъ и физическихъ условіяхъ, представляютъ огромное разнообразіе, и издержки, сдѣланныя для производства даннаго количества извѣстныхъ произведеній разными лицами, бывають далеко не одинаковы. Можно, конечно, взять среднія числа для издержекъ производства, но эти выводы годны для цѣлей научныхъ или практическихъ только тогда, когда данныя не отклоняются другъ отъ друга значительно. Итакъ, строго говоря, естественная цѣнность или издержки производства слагаются изъ рыночныхъ цѣнъ, которыя платятся за силы, участвующія въ производствѣ, и если рѣчь идетъ о соотношеніи между естественною и рыночною цѣнностію, то въ сущности рѣшается вопросъ, можетъ ли цѣна произведенія быть болѣе или менѣе итога составныхъ частей, изъ которыхъ она слагается? Если бы спросъ на трудъ, на капиталъ и на землю, а также предложеніе труда, капитала и земли были равномерны во всѣхъ отрасляхъ производства, если бы пользованіе этими силами было вездѣ равно успѣшно, и наконецъ, если бы спросъ на всѣ произведенія и предложеніе послѣднихъ колебались пропорціонально бывшему спросу и предложенію на производительныя силы, то дѣйствительно, могло бы быть самое строгое соотношеніе между издержками производства и рыночною цѣнностію произведеній; но достаточно сдѣлать приведенныя выше предположенія для того, чтобъ убѣдиться въ совершенной ихъ невозможности. Какое же существуетъ отношеніе между издержками производства и рыночными цѣнами произведеній? Издержки ли регулируютъ рыночныя цѣны произведеній, или же сами регулируются, въ свою очередь, послѣдними? Смитъ, ближайшіе его послѣдователи и Милль, въ томъ числѣ, полагають, что цѣны всѣхъ или большинства произведеній зависятъ отъ издержекъ производства; Маклеодъ утверждаетъ противное, именно, что издержки производства зависятъ отъ цѣнъ. Производитель, говоритъ онъ, рѣшается издержать болѣе или менѣе, смотря по тому, на какую цѣну онъ разчитываетъ. Положеніе Маклеода справедливо только на половину; нельзя сказать, чтобы цѣны всегда сообразовались съ издержками производства, но не всегда также и высокія цѣны бывають причиною

большихъ издержекъ производства. Между цѣнами, которыя платятся за производительныя силы, между издержками производства и цѣнами произведеній нѣтъ строгой пропорціональности; потому что между спросомъ и предложеніемъ, которыми регулируются издержки производства и устанавливаются цѣны, находится болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, а затѣмъ результаты производства не пропорціональны сдѣланнымъ издержкамъ. Такъ какъ Милль самъ признаетъ, что цѣнность предметовъ рѣдкихъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, то мы можемъ примѣнить приведенныя выше соображенія къ тому, что говоритъ авторъ о соотношеніи между цѣнами и издержками производства предметовъ втораго и третьяго разрядовъ.

Что касается такъ-называемыхъ предметовъ втораго разряда, то по Миллю, цѣнность ихъ имѣетъ наименьшій предѣлъ, состоящій въ издержкахъ производства; этотъ предѣлъ будетъ наивысшій, если соперничество дѣятельно и свободно. Спрашивается: о какихъ издержкахъ производства здѣсь идетъ рѣчь, о высшихъ ли, среднихъ, или низшихъ?

Очевидно, что если бы рыночная цѣнность сообразовалась съ наивысшими издержками, то не было бы никакого различія между предметами втораго и третьяго разрядовъ; при томъ подобная высота рыночной цѣнности несовмѣстна съ предположеніемъ о возможности увеличенія производства въ произвольныхъ размѣрахъ. Цѣнность не можетъ сообразоваться съ низшими издержками производства, потому что при такомъ условіи, предпріятія, требующія наивысшихъ издержекъ, не могли бы существовать. Итакъ, повидимому, остается допустить, что цѣнность нормируется средними издержками; однако же и это опять невѣрно, какъ потому что производство при высшихъ издержкахъ было бы убыточно, такъ и потому что условія сирова и предложенія пзмѣнчивы, и цѣнность, по большей части, бываетъ или выше, или ниже среднихъ издержекъ.

Относительно цѣнности предметовъ третьяго разряда (къ которымъ относятся главнымъ образомъ земледѣльческія произведенія) Милль замѣчаетъ, что она опредѣляется наивысшимъ размѣромъ издержекъ производства. Но это положеніе оказывается также несостоятельнымъ. Кто сколько-нибудь слѣдилъ за состояніемъ хлѣбныхъ цѣнъ, тому извѣстно, что цѣнность произведеній земледѣлія въ неурожайные годы бываетъ даже выше наибольшихъ издержекъ, а въ урожайные годы, при недостаточности капиталовъ и бѣдности сельскаго населенія, вынужденнаго сбывать свои произведенія, падаетъ иногда ниже наименьшихъ издержекъ.

Какой же выводъ позволяютъ сдѣлать изложенныя соображенія? Можно сказать, кажется, съ нѣкоторымъ правомъ, что во всѣхъ отрасляхъ промышленности, высшія и низшія издержки производства составляютъ два крайніе предѣла возвышенія и паденія рыночной цѣнности произведеній, — предѣлы, которые цѣнность переступаетъ въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ. По общему правилу, рыночная цѣнность всѣхъ произведеній какъ втораго, такъ и третьяго разряда колеблется между высшими и низшими издержками производства; она никогда не можетъ остановиться на высшихъ издержкахъ, такъ какъ производство никогда не можетъ быть заключено въ извѣстныя границы, и предложеніе усиливается и ослабѣваетъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ, нисколько не зависящихъ отъ человѣческаго произвола; но она не можетъ остановиться и на низшихъ издержкахъ, потому что предпріятія, сопряженныя съ большими расходами, не могли бы существовать, и самое паденіе цѣнности до этого предѣла предполагаетъ въ будущемъ уменьшеніе и производства, и предложенія. Отсюда слѣдуетъ, что при данномъ спросѣ цѣнность возвышается или падаетъ, сообразно съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ предложенія, и что усиленіе спроса, при увеличеніи предложенія, и упадокъ спроса, при уменьшеніи предложенія (фактъ очень рѣдкій), могутъ предупредить крайнія колебанія цѣнности.

Эти колебанія, производимыя соперничествомъ, составляютъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій рынка, и ими регулируется производство, на сколько оно зависитъ отъ производителей. Такъ, во время междуусобной сѣверо-американской войны, высокая цѣнность хлопка вызвала производство его въ Египтѣ, въ Индіи и въ другихъ странахъ. Впрочемъ, дѣйствительное увеличеніе предложенія, въ различныхъ отрасляхъ промышленности, требуетъ не одинаковаго времени, преодоленія различныхъ трудностей, искусства и знанія приобретаемыхъ въ школѣ и въ практической дѣятельности. Притомъ, не должно забывать, что регулированіе производства слѣдуетъ понимать лишь какъ направленіе капитала и труда къ наиболѣе выгоднымъ отраслямъ промышленности. Результаты производства въ предпріятіяхъ существующихъ измѣнчивы и непостоянны еще въ большей степени, нежели условія спроса, въ которомъ заявляются не однѣ потребности, но и средства покупателей. Обиліе или недостатокъ жатвы, техническія усовершенствованія въ обрабатывающей промышленности (не говоря уже о чисто общественныхъ причинахъ, войнахъ, займахъ, и пр.), разрушаютъ расчеты производителей на опредѣленные размѣры пред-

ложенія. При такомъ положеніи вещей нельзя сказать, чтобы издержки производства, высшія, среднія или низшія, составляли норму цѣнности; можно только допустить, что наименьшія издержки, при наивысшихъ цѣнахъ, составляютъ идеаль, къ которому стремится каждый производитель, и что уменьшеніе издержекъ производства на столько можетъ имѣть вліяніе на пониженіе цѣнности, на сколько оно совпадаетъ съ увеличеніемъ предложенія.

Послѣ этого едва-ли предстоитъ необходимость останавливаться на положеніи Милля объ уравненіи спроса и предложенія, которое въ сущности ничего не разъясняетъ, такъ какъ это уравненіе происходитъ при всякомъ спросѣ и всякомъ предложеніи и устраняетъ лишь мысль о томъ, что спросъ можетъ быть сильнѣе или слабѣе предложенія, а это дѣйствительно бываетъ тогда, когда цѣны бываютъ далеко выше или ниже среднихъ, долгое время господствовавшихъ на рынкѣ. Впрочемъ, уравненіе спроса и предложенія не мѣшаетъ Миллю признаться, что можетъ быть излишекъ въ предложеніи отдѣльныхъ видовъ произведеній; онъ отрицаетъ лишь чрезмѣрное предложеніе всѣхъ произведеній вообще, потому что произведенія обмѣниваются на произведенія, и лица, предъявляющія спросъ, въ свою очередь, являются съ предложеніемъ какихъ-либо предметовъ. Такую же логическую несообразность, говоритъ Милль, составляетъ другая гипотеза, что предложеніе товаровъ превышаетъ потребности, потому что если бы потребности производителей были удовлетворены, то не было бы побужденія къ производству. Излишекъ предложенія всѣхъ товаровъ бываетъ, по Миллю, только слѣдствіемъ коммерческаго кризиса и спекулятивныхъ закупокъ, когда уничтожается, въ значительной степени, покушная сила кредита. Но это явленіе несколько не походитъ на изображенную Чомерсомъ и Сисмонди картину бѣдствій, происходящихъ отъ чрезмѣрнаго производства. Равнымъ образомъ, нельзя видѣть излишка предложенія въ пониженіи прибыли; низкая прибыль и недостатокъ спроса не одно и то же. Слѣдовательно, — замѣчаетъ Милль, — есть двѣ практическія задачи, усиленіе производства и наилучшее распределеніе, и нѣтъ надобности въ созданіи рынка для произведеній или въ соразмѣреніи производства съ рынкомъ (кн. III, гл. XIV).

Въ этихъ соображеніяхъ много правды, но едва-ли авторомъ вѣрно понято то явленіе, о которомъ говоритъ Сисмонди. Всеобщее чрезмѣрное предложеніе составляетъ, конечно, пустой призракъ; но несоотвѣтствіе между производствомъ и доходами есть дѣло возможное. Доходы значительной части населенія могутъ сдѣлать потребленіе

невозможнымъ, при чемъ равно терпятъ и производители, которые не могутъ сбыть свои произведенія, и населеніе, которое не въ состояніи удовлетворить своимъ потребностямъ. Зло происходитъ отъ неравномернаго распредѣленія доходовъ, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ недоступности капитала и невозможности накопленія его для менѣе достаточныхъ классовъ. Конечно, для устраненія зла, необходимо не соразмѣрить производство съ рынкомъ, а улучшить систему народнаго хозяйства, и въ такомъ случаѣ усиленіе производства, при наилучшемъ распредѣленіи, вполне достаточно для установленія соразмѣрности между производствомъ и потребленіемъ. Мысли, заимствованныя Миллемъ у Рикардо (см. основныя положенія, XI — XVII) о соотношеніи между цѣнами и отдѣльными составными частями издержекъ производства, по большей части, не могутъ быть признаны вѣрными. Такъ напримѣръ, Милль полагаетъ, что высокая заработная плата или высокая прибыль не составляютъ причины высокой цѣнности, и наоборотъ, низкая заработная плата и низкая прибыль не составляютъ причины низкой цѣнности произведеній. Это справедливо, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ высказано Миллемъ. Высокая цѣнность произведеній заставляетъ иногда платить высокую заработную плату и даетъ большую прибыль; затѣмъ размѣръ заработной платы и прибыли никогда не можетъ быть одинаковъ въ цѣлой странѣ, а тѣмъ болѣе въ разныхъ странахъ, находящихся въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ; поэтому, положенія Милля, которыми признается независимость цѣнности отъ общаго возвышенія и пониженія заработной платы или прибыли, относятся къ числу гипотезъ, не всегда оправдываемыхъ на опытѣ. Высота заработной платы и прибыли на столько имѣетъ вліяніе на цѣны, на сколько издержки эти вызываются необходимостію увеличить предложеніе для удовлетворенія существующему или ожидаемому спросу; прибыль же зависитъ также и отъ того, на сколько спросъ, при данномъ предложеніи, позволяетъ выгодно сбыть извѣстный товаръ. Бѣольшая часть положеній Милля справедлива для частныхъ случаевъ, но они не имѣютъ характера общихъ законовъ, такъ какъ цѣнность не регулируется издержками производства, а тѣмъ болѣе составными частями послѣднихъ. Наконецъ, Милль недостаточно уяснилъ различіе между интенсивностію и экстенсивностію спроса и предложенія. Вообще, этотъ отдѣлъ сочиненія Милля составляетъ образцовое изложеніе предмета съ точки зрѣнія Рикардо, но показываетъ, что ученый авторъ не воспользовался собранными фактами, относящимися къ исторіи

цѣнъ, и даже не придавъ надлежащаго значенія превосходнымъ изслѣдованіямъ Мальтуса, которыя въ новѣйшее время такъ удачно переработалъ Маклеодъ.

Въ связи съ изслѣдованіями о цѣнности находится еще одинъ вопросъ — объ отысканіи единицы или постоянного мѣрила для опредѣленія относительной величины цѣнностей разныхъ произведеній, какъ въ данное время, такъ и въ различныя эпохи. Изъ понятія о цѣнности слѣдуетъ, что такого мѣрила быть не можетъ, потому что цѣнность, заключающаяся въ каждомъ произведеніи, сама подвержена измѣненіямъ. Мысль, что цѣнность вещи измѣряется количествомъ труда, необходимымъ или для ея покупки, или для ея производства, замѣняетъ понятіе о мѣрновой цѣнности другимъ понятіемъ, указывающимъ или на внутреннюю цѣнность вещи, или на условія, опредѣляющія ея цѣнность (гл. XV). Признавая эти замѣчанія совершенно вѣрными, нельзя однако же не пожалѣть, что Милль придавъ такъ мало значенія изслѣдованіямъ Смита, Мальтуса и Рикардо. Трудъ, который или покупается произведеніями, или необходимъ для ихъ производства, даетъ понятіе — первый о степени благосостоянія, достигнутаго обществомъ, а второй объ условіяхъ, при которыхъ это благосостояніе становится возможнымъ. Положеніе общества тѣмъ благопріятнѣе, чѣмъ болѣе произведеній можетъ быть куплено деннымъ трудомъ простаго работника, и чѣмъ менѣе труда необходимо для производства каждаго предмета въ частности.

2. О монетѣ.

Ученіе о монетѣ проникнуто у Милля тѣмъ же духомъ реакціи противъ меркантильнаго направленія, который отличаетъ Смита и ближайшихъ послѣдователей знаменитаго основателя политической экономіи. Фунты и шиллинги, по его словамъ, суть родъ ордеровъ, которые могутъ быть представлены въ каждую лавку для уплаты, и въ хозяйствѣ общества нѣтъ, по существу своему, болѣе малозначущаго предмета, какъ деньги, если не взять въ разчетъ, что они способствуютъ сбереженію времени и труда. Это машина для болѣе быстраго и удобнаго исполненія того, что безъ нея дѣлалось бы менѣе быстро и удобно. Затѣмъ, признавая монету товаромъ, Милль находитъ, что цѣнность ея устанавливается временно уравненіемъ спроса и предложенія, а постоянно и въ среднемъ выводѣ — издержками производства. Для уясненія перваго условія, опредѣляющаго цѣнность монеты, Милль обращается къ гипотезамъ объ увеличеніи количества

монеты и ускореніи ея обращенія; переходя ко второму условію, онъ находитъ, что какъ количество монеты въ странѣ, такъ и цѣнность ея опредѣляются издержками производства. Въ заключеніе, Милль развиваетъ справедливую мысль о необходимости избрать для денежной единицы монету изъ одного металла (кн. III, гл. VII — X).

Очевидно, что въ противо-меркантильномъ воззрѣніи есть значительная доля преувеличенія: монета не только ордеръ, на который можно купить товаръ въ любой лавкѣ, но и цѣнность, результатъ предшествующаго производства. Деньги, какъ средство для накопленія богатства и какъ орудіе мѣновыхъ оборотовъ, имѣютъ первостепенную важность, и если монета не служитъ для непосредственнаго потребленія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы по существу своему она имѣла мало значенія: и земля, и машины, сами по себѣ, не служатъ для удовлетворенія потребностямъ человѣка въ пищу, одеждѣ, жилищѣ и проч. Наконецъ, гипотезы Милля о вліяніи увеличенія количества монеты на цѣны нисколько не убѣдительны; ибо для того, чтобы цѣны всѣхъ предметовъ удвоились отъ удвоенія количества денегъ въ рукахъ народа, необходимо сдѣлать еще одно, въ высшей степени натянутое, предположеніе, именно, допустить, что каждый человѣкъ сдѣлаетъ изъ денегъ то же самое употребленіе, какое онъ дѣлалъ прежде, то-есть, что онъ явится покупателемъ на тѣ же самые товары и въ томъ же самомъ количествѣ. Но этого никогда не было и не можетъ быть; одинъ станетъ копить, другой употребляетъ добавочную сумму денегъ на производительныя затраты, и далеко не всѣ явятся съ спросомъ на товары. Опытъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ представляетъ неопровержимыя доказательства тому, что съ увеличеніемъ количества денегъ, хотя оно никогда не происходило (да и не можетъ происходить) въ томъ видѣ, какъ предполагалъ Милль, производство всегда усиливалось, и параллельно возвышенію цѣнъ, увеличивалось предложеніе произведеній еще въ большей пропорціи. Такъ, по исчисленію Галлатина, количество золота и серебра, со времени открытія Америки до 1830 года, возрасло въ пятнадцать разъ, а цѣны, по Рашеру, возвысились не болѣе, какъ въ четыре раза. Самъ Милль отчасти признаетъ эту истину въ XXII главѣ III-й книги.

3. Кредитъ и бумажныя деньги.

Исслѣдованія Милля о кредитѣ принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ въ книгѣ. При богатствѣ англійской литературы по этому пред-

мету, философскій умъ автора нашелъ обильный матеріалъ для обобщеній. Конечно, здѣсь нѣтъ надлежащей оцѣнки вліянія кредита на производство; но, разсматривая кредитъ, какъ орудіе мѣны или купли, замѣняющее деньги, Милль обработалъ этотъ отдѣлъ своего сочиненія съ замѣчательнымъ талантомъ и успѣхомъ. Милль отличаетъ четыре формы кредита, создающія силу купли: 1) взаимные расчеты, перечисленіе суммъ, слѣдующихъ къ выдачѣ, или платежу, съ одного счета на другой; 2) переводные векселя; при чемъ Милль, согласно съ Торитономъ, отрицаетъ значеніе, которое придаютъ обыкновенно векселямъ, не возникающимъ изъ коммерческихъ сдѣлокъ, такъ какъ въ сущности это — соло-векселя, только снабженные двумя подписями, и недостатки ихъ состоятъ лишь въ томъ, что люди болѣе рискующіе выдаютъ ихъ за дѣйствительные векселя, и что выпускъ этихъ бумагъ не ограничивается торговыми оборотами; переходя по передаточнымъ надписямъ, переводные векселя служатъ, подобно деньгамъ, для расплаты; 3) платежныя обязательства по предъявленіи, выданныя на себя должниками-банками или правительствомъ, служащія въ обращеніи, какъ монета, и избавляющія отъ надобности употребить послѣднюю на сумму, равную этимъ обязательствамъ; отличительная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что они не даютъ процентовъ; 4) чеки, ордера, выдаваемые частными лицами на банкировъ или на банки, которые хранятъ кассы частныхъ лицъ или открываютъ имъ кредитъ. При помощи этихъ формъ кредита, — замѣчаетъ Милль, — громадныя обороты такой страны, какъ Великобританія, ведутся изумительно малымъ количествомъ золота и серебра.

Указавъ на различныя виды кредита, какъ силы купли, Милль переходитъ къ разсмотрѣнію ихъ вліянія на цѣны и ихъ значенія, какъ орудій обращенія (гл. XI). По мнѣнію Милля, банковые билеты составляютъ болѣе могущественное орудіе для возвышенія цѣнъ, чѣмъ векселя, а векселя — болѣе могущественное, нежели кредитъ по книгѣ. Кредитъ по книгѣ обнаруживаетъ силу купли лишь одинъ разъ; кредитъ по векселю служитъ для покупокъ столько разъ, сколько вексель перейдетъ изъ рукъ въ руки; но пріемъ векселя въ платежи зависитъ отъ довѣрія къ лицамъ, участвовавшимъ въ векселѣ, между тѣмъ какъ кредитъ по банковому билету дѣлаетъ кредитъ банкира силою купли въ рукахъ владѣльцевъ билета, независимо отъ кредита, которымъ эти послѣднія лица сами могутъ пользоваться. Но эта сила дѣйствуетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой она дѣйствительно употребляется. По свидѣтельству Тука, спекулятивныя покупки, приходящія

къ кризисамъ, производилсь нерѣдко на кредитъ по книгамъ, при чемъ количество банковыхъ билетовъ увеличивалось мало и только въ послѣдній періодъ спекуляціи. Притомъ не должно забывать, что выдача чековъ по открытымъ счетамъ у банкпровъ и въ банкахъ имѣеть всю ту силу, которую приписывали банковымъ билетамъ. Затѣмъ, вопросъ о томъ, какія формы кредита слѣдуетъ считать деньгами, а какія — нѣтъ, по мнѣнію Милля, есть словопрепіе; значеніе, которое придаютъ этому вопросу, основывается на мысли, что нѣкоторыя формы кредита увеличиваютъ количество денегъ и возвышаютъ цѣны. Предметъ этотъ былъ уже рассмотрѣнъ, и выше было показано, что цѣны опредѣляются не количествомъ денегъ, а суммами, на которыя простираются покупки (гл. XII).

Если изслѣдованіи Милля о кредитѣ, какъ силѣ купли, отличаются замѣчательною правильностію, то нельзя сказать, чтобъ авторъ вѣрно оцѣнилъ отношеніе кредита къ производству, и этотъ пробѣлъ есть также необходимое послѣдствіе взгляда, по которому кредитъ относится къ мѣнѣ, а мѣна составляетъ лишь результатъ производства. Миллю кажется странною „необходимость доказывать, что кредитъ, позволяя одному лицу пользоваться капиталомъ другаго, не увеличиваетъ, а только перемѣняетъ средства производства“. Конечно, авторъ не отрицаетъ, что безъ кредита производительныя силы не могутъ быть вполне употреблены въ дѣло; но тѣмъ не менѣе остается въ силѣ положеніе, по которому одна сторона получаетъ то, что другая отдаетъ. Не такова, однако же, бываетъ роль кредита въ покупкахъ и продажахъ въ кредитъ, когда фабрикантъ продаетъ готовыя произведенія въ кредитъ, для того чтобы на полученный вексель купить сыраго матеріала. Лицо, продающее свои произведенія въ кредитъ, не могло бы употребить ихъ въ производствѣ, а услуга, оказываемая кредитомъ, состоитъ въ томъ, что онъ, подобно деньгамъ, составляетъ рычагъ производства, съ тѣмъ различіемъ, что для покупки на деньги нужно имѣть *капиталъ*, а для покупки въ кредитъ нѣтъ надобности въ уплатѣ равноцѣпностію: достаточно пользоваться довѣріемъ въ мѣновыхъ сдѣлкахъ и представить надлежащее ручательство въ исполненіи даннаго обѣщанія.

Въ связи съ ученіемъ Милля о кредитѣ находятся двѣ главы разбираемой книги: XIII-я, о неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ, и XXIV-я, о регулированіи размѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Говоря о первыхъ, Милль полагаетъ, что употребленіе бумажныхъ денегъ, выпускаемыхъ правительствомъ, обусловливается соглашеніемъ. Цѣпность

такихъ денегъ, по его мнѣнію, вполнѣ зависитъ отъ произвола. Но когда выпуски бумажныхъ денегъ увеличатъ массу орудій обращенія, тогда возвысятся цѣны всѣхъ вещей, въ томъ числѣ вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ, и монета будетъ отчасти переливаться въ слитки, отчасти уходить за границу. Указавъ за тѣмъ очень бѣгло и неполно на пагубныя послѣдствія бумажныхъ неразмѣнныхъ денегъ, Милль опровергаетъ мысль, что цѣнность бумажныхъ денегъ можетъ быть обезпечена землею, и что выпускъ ихъ усиливаетъ производство. Для того чтобы бумажныя деньги не были вредны, онѣ, по его мнѣнію, должны быть или размѣны, или же подчиняться какому-либо ограничивающему началу. Къ послѣднему Милль обращается въ XXIV-й главѣ, почти исключительно посвященной разбору Пилева акта 1844 года. Находя основное начало этого закона ошибочнымъ и соглашаясь съ мнѣніями Тука и Фуннартона, что каждое увеличеніе или уменьшеніе выпуска размѣнныхъ банковыхъ билетовъ не производитъ возвышенія или пониженія цѣвъ, и что при нормальномъ положеніи рынка выпускъ билетовъ заключается въ извѣстные предѣлы размѣномъ ихъ на монету, Милль полагаетъ однако же, что въ послѣднемъ періодѣ спекуляціи, ссуды банкировъ, выдаваемые банковыми билетами, могутъ способствовать поддержанію высокихъ цѣвъ и противодействовать наступающей реакціи. Цѣль акта 1844 г.—предотвратить замедленіе реакціи. Благотворно дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, то-есть, останавливая реакцію и не поддерживая ссудами спекуляціи, уже падающей, актъ 1844 года имѣетъ и пагубныя послѣдствія, ибо отказываетъ въ кредитѣ фирмамъ солиднымъ и не замѣняетъ своимъ кредитомъ кредита уничтоженнаго. Ограниченіе выпуска билетовъ, при уменьшеніи металлическаго запаса въ банкѣ, продолжается, не смотря на то, есть ли привозъ золота въ страну, или вывозъ его за границу (гл. XIV). Наконецъ, въ вопросѣ о правѣ выпуска размѣнныхъ билетовъ, однимъ ли центральнымъ учрежденіемъ или многими, Милль склоняется въ пользу перваго способа, не столько впрочемъ въ видахъ устраненія разнообразія орудій обращенія, сколько въ видахъ обезпеченія самаго размѣна. По мнѣнію его, прочіе банки, кромѣ центрального, могли бы быть обязаны лишь къ размѣну своихъ билетовъ на билеты сего послѣдняго.

Вообще обѣ эти главы, за исключеніемъ обстоятельной оцѣнки Пилева акта, отличаются большою поверхностностію: авторъ не коснулся въ нихъ многихъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ явленій, представляемыхъ неразмѣнными билетами, и самый вопросъ о множе-

ственности банковъ и объ обязательности размѣна для нихъ билетовъ разрѣшилъ неудовлетворительно, потому что предлагаемый имъ обмѣнъ билетовъ частныхъ банковъ на размѣнные билеты центрального учрежденія, въ сущности, то же самое, что и обязательство размѣна на монету.

4. О международныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

(Гл. XVII — XXII и XXV).

Выгода международной или внѣшней торговли, по мнѣнію Милля, состоитъ не только въ томъ, что каждая страна получаетъ предметы, которыхъ она сама не производитъ, но и въ томъ, что ея производительныя силы получаютъ употребленіе, дающее наилучшіе результаты. Кромѣ этой главной выгоды, внѣшняя торговля доставляетъ еще слѣдующія: 1) она способствуетъ расширенію рынка и тѣмъ содѣйствуетъ улучшенію производства, 2) она пробуждаетъ потребности народовъ отставшихъ и 3) она развиваетъ умственную и нравственную жизнь общества. Но не въ уясненіи этихъ положеній заключается сущность ученія Милля о внѣшней торговлѣ. Авторъ поставляетъ своею главною задачей развить мысль Рикардо о значеніи для международной торговли не абсолютной, а сравнительной величины издержекъ производства промѣнливаемыхъ произведеній. Еще Джемсъ Милль доказывалъ, что если данное количество полотна производится въ Польшѣ 100 днями труда, а въ Англіи 150 днями, тогда какъ данное количество хлѣба производится въ Польшѣ 100 днями, а въ Англіи 200 днями, то Польша будетъ вывозить въ Англію хлѣбъ и покупать въ Англіи полотно. Цѣнность привозимаго товара будетъ опредѣляться не издержками его производства на мѣстѣ, а издержками производства товара, вывозимаго въ уплату. Если 10 ярдовъ сукна стоятъ въ Англіи столько же труда, сколько 15 ярдовъ полотна, а въ Германіи столько же, сколько 20 ярдовъ полотна, то сукно будетъ ввозиться въ Германію, которая будетъ улачивать за него Англіи полотномъ. Цѣнность для полотна въ Англіи установится между 15 и 20. Если 15 ярдовъ полотна въ Англіи будутъ обмѣниваться на 10 ярдовъ сукна, то выиграетъ одна Германія, а если на 20, то выиграетъ одна Англія; при среднемъ числѣ между 15 и 20 выгода будетъ дѣлиться между обѣими странами. Эта выгода опредѣлится размѣромъ обоюднаго спроса. Вводи въ расчеты издержки привоза, обмѣнъ не двухъ, а многихъ товаровъ и обмѣнъ не между двумя, а нѣсколькими странами, Милль приходитъ къ заключенію, что по-

ложеиіе дѣла отъ этого нисколько не измѣнится. Законъ, здѣсь уясненный, можно назвать уравненіемъ международнаго спроса; онъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: произведенія одной страны обмѣниваются на произведенія другихъ странъ по такимъ цѣностямъ, чтобъ итогомъ вывоза оплачивался итогъ привоза. За симъ, для уясненія явленій внѣшней торговли, Милль вводитъ гипотезу объ удешевленіи издержекъ производства, которое можетъ или создать новый предметъ отпуска, или усилить отпускъ прежняго. При этомъ спросъ на отпускаемый товаръ можетъ увеличиться или въ большей мѣрѣ, чѣмъ дешевизна его, или наравнѣ съ нею, или въ меньшемъ размѣрѣ. Последнее Милль считаетъ болѣе вѣроятнымъ, и въ такомъ случаѣ выиграютъ обѣ страны, ведущія торговлю. Но, при разсмотрѣніи международныхъ цѣностей, надо брать въ разчетъ не одни количества требуемыхъ въ каждой странѣ товаровъ, а также и то, въ какой мѣрѣ освобождаются средства для удовлетворенія этому спросу въ той и другой странѣ неремѣнно въ направленіи ея промышленности. Общій выводъ, къ которому приходитъ Милль, состоитъ въ слѣдующемъ: итоги произведеній двухъ странъ, выработанные для отпуска другъ къ другу трудомъ и капиталомъ, освобожденными вслѣдствіе привоза, будутъ обмѣниваться одинъ на другой. Выгода при этомъ можетъ или достаться одной изъ странъ, или дѣлиться между ними въ различной пропорціи. „Предполагая, наконецъ, что отношеніе между спросомъ и удешевленіемъ товара будетъ не одинаково въ разныхъ странахъ, мы, говоритъ Милль, находимъ слѣдующій единственный общій законъ: цѣнность, по которой одна страна обмѣнивается своими произведеніями съ чужеземными странами, зависитъ отъ двухъ условій, во первыхъ, отъ размѣра и степени расширяемости спроса этихъ странъ на ея произведенія, и во вторыхъ, отъ величины капитала, который сберегается въ ней во внутреннемъ производствѣ для ея собственнаго потребленія, вслѣдствіе ввоза товаровъ заграничныхъ. Чѣмъ значительнѣе спросъ на ея произведенія, сравнительно съ ея спросомъ на заграничныя произведенія, чѣмъ меньше она сберегаетъ капитала на производство для заграничныхъ рынковъ, сравнительно съ количествомъ капитала, сберегаемаго въ чужихъ странахъ на производство для ея рынковъ, тѣмъ благоприятнѣе будутъ для нея условія мѣны, то-есть, тѣмъ больше она будетъ получать иностранныхъ произведеній за данное количество своихъ. Въ сущности, оба эти условія сводятся къ одному: то, что сберегаетъ страна во внутреннемъ производствѣ для собственнаго по-

требленія, пропорціонально ея заграничному спросу“. Разсматриваемую главу Милль заканчиваетъ разъясненіемъ положенія Синіора, которое онъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Страна, производящая свои товары съ меньшими издержками, пріобрѣтаетъ съ меньшими издержками и привозимые въ нее товары“. Удешевленіе можно понимать и въ смыслѣ цѣнности, когда большее количество обмѣнивается на меньшее, и въ смыслѣ величины издержекъ производства, когда страна, съ прежнимъ расходомъ труда и капитала, пріобрѣтаетъ большее количество произведеній. Въ такомъ случаѣ товаръ, посредствомъ виѣшней торговли, удешевляется для страны, соразмѣрно ея внутренней производительности или успѣшности ея труда. Если Англія получаетъ за 10 ярдовъ сукна 17 ярдовъ полотна въ Германіи, то Франція, хотя бы она употребляла въ два раза болѣе труда на производство сукна, не могла бы сбывать его въ Германіи за большее количество полотна. Англія будетъ пріобрѣтать полотно по меньшей стоимости, чѣмъ Франція; но стоимость ввоза для Англіи есть функція двухъ измѣняемыхъ величинъ: количества товаровъ, даваемыхъ за ввозные товары, и стоимости этихъ товаровъ. Изъ этихъ двухъ величинъ лишь вторая опредѣляется успѣшностію ея труда, первая же опредѣляется настоятельностью и расширяемостію заграничнаго спроса на ея товары, сравнительно съ ея спросомъ на заграничныя произведенія.

Изложенные законы, по мнѣнію Милля, нисколько не измѣняются участіемъ денегъ въ международной мѣнѣ и вексельными оборотами при заграничныхъ платежахъ. Золото и серебро составляютъ во виѣшней торговлѣ такой же товаръ, какъ и всѣ другіе товары; цѣнность ихъ въ привозящей странѣ будетъ тѣмъ ниже, чѣмъ больше заграничный спросъ на ея товары, и чѣмъ подвижнѣе и удобнѣе эти товары для провоза; но такая страна будетъ получать дешевле и всѣ другія привозныя произведенія. Какъ въ международной, такъ и во внутренней торговлѣ деньги служатъ тѣмъ же, чѣмъ масло, употребляемое для смазки машины, или рельсы, облегчающіе передвиженіе; это только средство для уменьшенія тренія. Усиленіе привоза монеты, вслѣдствіе удешевленія вывозимыхъ товаровъ и возвышенія на нихъ спроса, ведетъ къ возвышенію цѣнъ и къ усиленію привоза товаровъ извнѣ; въ общемъ же результатъ, какъ справедливо замѣтилъ Рикардо, торговля будетъ идти тѣмъ же порядкомъ, какимъ она бы шла безъ посредства этихъ металловъ, при простой мѣнѣ товаровъ на товары. Милль полагаетъ, что подобные результаты будутъ имѣть мѣсто

и при появленіи бумажныхъ денегъ въ большемъ количествѣ; даже тогда, когда курсъ послѣднихъ упадетъ, внѣшняя торговля будетъ идти рѣшительно такъ, какъ будто деньги сохранили свою цѣнность. Остается за симъ еще одинъ вопросъ: какая страна выигрываетъ отъ внѣшней торговли? Выигрываетъ, по мнѣнію Милля, страна, привозящая къ себѣ товары, которыхъ она не могла бы произвести или производила бы съ большимъ расходомъ труда и капитала (гл. XVII, § 4). Но нѣсколько далѣе (гл. XVIII, § 4) Милль замѣчаетъ, что если бы былъ предложенъ вопросъ, какая страна извлекаетъ наибольшую долю выгоды отъ торговли, которую она ведетъ, то слѣдуетъ отвѣтить: та страна, на произведенія которой въ другихъ странахъ существуетъ наибольшій спросъ, и притомъ спросъ, наиболѣе способный возрасти, вслѣдствіе дешевизны ея товаровъ. Привозныя произведенія обходятся ей тѣмъ дешевле, чѣмъ меньше объемъ и интенсивность ея спроса на привозимые товары. Чѣмъ спросъ ея слабѣе, тѣмъ ниже цѣны, по которымъ она будетъ покупать. Эта мысль находитъ разъясненіе въ слѣдующемъ (гл. XVIII, § 8): „Оказывается, что на выгоднѣйшихъ условіяхъ ведутъ свою внѣшнюю торговлю страны, товары которыхъ наиболѣе требуются за границею, и которыя сами наиболѣе требуютъ иностранныхъ товаровъ“. Отсюда, въ числѣ другихъ послѣдствій, происходитъ то, что при равенствѣ прочихъ обстоятельствъ, данная сумма внѣшней торговли приноситъ наименѣе выгоды странѣ наиболѣе богатой. При большемъ спросѣ на товары вообще, въ послѣдней, конечно, сильнѣе спросъ и на иностранные товары, и это обращаетъ условія обмѣна къ ея невыгодѣ. Ея выгоды отъ внѣшней торговли, конечно, болѣе, чѣмъ выгоды бѣдныхъ странъ, потому что она ведетъ эту торговлю въ большемъ размѣрѣ и выигрываетъ отъ дешевизны болѣе значительнаго потребленія, но на каждомъ отдѣльномъ предметѣ потребленія она будетъ имѣть меньше выгоды, чѣмъ бѣдная страна.

Къ предыдущему вопросу о выгодахъ, доставляемыхъ внѣшнею торговлею, относятся изслѣдованія Милля о соперничествѣ разныхъ странъ на одномъ рынкѣ. Только при двухъ условіяхъ одна страна можетъ отбить рынокъ у другой и даже совершенно вытѣснить ее: 1) если первая изъ странъ имѣетъ рѣшительное и притомъ не абсолютное, а относительное преимущество въ производствѣ вывозимыхъ товаровъ предъ другой, и 2) если она доставляетъ покупающей странѣ большую выгоду, нежели та, которую можетъ извлечь покупающая въ международной торговлѣ съ другими странами. Потеря рынка можетъ быть

только временною: вывозъ уменьшится при перевѣсѣ привоза товаровъ надъ отпускомъ, цѣны золота и серебра упадутъ, и отпускъ возобновится. Если одна страна вытѣснена съ рынка другою, то понесенный первою убытокъ составитъ выигрышъ для человѣчества, такъ какъ при этомъ будетъ сбережено большее количество труда и капитала въ цѣломъ свѣтѣ. Наконецъ, Милль отрицаетъ возможность подрыва рынка вслѣдствіе того, что заработная плата въ странѣ, отпускающей товары, будетъ низка; если низкая заработная плата не составляетъ причины низкихъ цѣнъ внутри страны, то она не можетъ понизить цѣнъ и на иностранныхъ рынкахъ.

Таковы главные выводы, къ которымъ приходитъ Милль, не вслѣдствіе анализа явленій дѣйствительной жизни, а вслѣдствіе поставленныхъ имъ гипотезъ. Какъ и въ другихъ случаяхъ, въ вопросѣ о внѣшней торговлѣ Милль пытается доказать, что международный обмѣнъ нисколько не зависитъ отъ участія денегъ въ оборотахъ; только тогда, когда Милль вводитъ это послѣднее условіе и разсматриваетъ вопросъ о соперничествѣ на одномъ рынкѣ, монеты или благородные металлы начинаютъ играть у него свойственную имъ роль. Въ этомъ, однако же, заключается первый и едва-ли не главный источникъ заблужденій Милля. Купцы, занимающіеся внѣшнею торговлею, соображаются прежде всего съ цѣнами товаровъ, какъ отпускаемыхъ за границу, такъ и привозимыхъ въ страну. Не количество труда, употребленнаго на производство, а цѣна, установленная соперничествомъ, руководитъ соображеніями при привозѣ и отпускѣ товаровъ. Если въ Англіи 10 ярдовъ сукна и 15 ярдовъ полотна стоятъ 30 шиллинговъ, а въ Германіи 10 ярдовъ сукна и 20 ярдовъ полотна стоятъ также 30 шиллинговъ, то полотно будетъ вывозиться изъ Германіи въ Англію, но не будетъ выгоды вывозить сукно изъ Англіи въ Германію. Для уплаты Англія должна будетъ или найти такой товаръ, который она могла бы гдѣ-либо продать съ выгодой за границей (въ Германіи или въ другой странѣ), или же уплатить монетою за привезенное изъ Германіи полотно. Таково общее правило. Гипотеза о международномъ обмѣнѣ, основанномъ на размѣрѣ относительныхъ издержекъ производства, указываетъ лишь на исключительные случаи, на рѣдко встрѣчающіеся способы оплаты международного привоза. По гипотезѣ Милля, товаръ, вывозимый изъ извѣстной страны, можетъ продаваться дешевле за границею, чѣмъ у себя дома. Иногда это и случается, въ особенности при чисто мѣнковой торговлѣ: напримѣръ, такое явленіе поражало многихъ въ нашей прежней китайской тор-

говлѣ, когда отпускъ металловъ изъ Россіи былъ запрещенъ; но едва-ли это можетъ случиться въ торговлѣ между Англіей и Германіей: еслибъ англійское сукно продавалось на мѣстѣ дороже, чѣмъ въ Германіи, то оно было бы обратно привезено въ Англію и оплачено деньгами.

Затѣмъ, едва-ли можно такъ положительно утверждать, какъ утверждаетъ Милль, слѣдуя многимъ изъ предшествующихъ ему экономистовъ, что вслѣдствіе перевѣса привоза надъ отпускомъ количество монеты въ привозящей странѣ должно уменьшиться въ размѣрѣ, достаточномъ для пониженія цѣны и усиленія отпуска, которымъ въ результатѣ былъ бы оплаченъ привозъ. Явленіе, о которомъ говоритъ Милль, пониженіе цѣны при неблагопріятномъ торговомъ балансѣ, относится къ явленіямъ мало изслѣдованнымъ. Можно полагать, и кажется, не безъ нѣкотораго основанія, что прежде или, по крайней мѣрѣ, одновременно съ возвышеніемъ цѣнности денегъ, произойдутъ другія явленія. Уменьшеніе отпуска можетъ, само по себѣ, понизить цѣны отпускаемыхъ товаровъ, а увеличеніе привоза, если оно было слѣдствіемъ спекуляціи, а не дѣйствительнаго спроса потребителей, въ свою очередь, также понизитъ цѣны привозныхъ товаровъ. На рынкѣ въ количествѣ денегъ еще не произойдетъ никакой перемѣны, а между тѣмъ цѣны могутъ упасть. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что вопросы о международной торговлѣ и о перевѣсѣ привоза надъ отпускомъ и наоборотъ, а равно и самое уравниваніе привозимыхъ товаровъ и оплачиваемыхъ или отпускаемыми товарами, или металлами, значительно осложняются фактомъ распредѣленія доходовъ и создаваемымъ ими спросомъ. Страна можетъ имѣть очень мало товаровъ для отпуска и покупать сравнительно съ своими средствами слишкомъ много, если покупателями явятся классы владѣющіе и капиталисты. Ихъ закупки пришлось бы оплачивать металломъ, но металлъ не будетъ вывозиться изъ страны, если правительство, нуждаясь въ финансовыхъ средствахъ, будетъ прибѣгать къ частымъ внѣшнимъ займамъ. Итакъ, повидимому, было бы несравненно правильнѣе сказать, что во внѣшней торговлѣ произведенія покупаются произведеніями или деньгами, и товары вывозятся туда, гдѣ они дороже, а привозятся оттуда, гдѣ они дешевле. Спрашивается только: на сколько же выигрываютъ страны отъ международной торговли при такомъ положеніи вещей?

Отвѣтъ Милля на этотъ вопросъ не отличается особенною опредѣленностью. То онъ доказываетъ, что выгода состоитъ въ ввозѣ, а

не въ отпускъ товаровъ; то опять утверждаетъ, что наиболѣе выигрываетъ та страна, на произведенія которой существуетъ наибольшій спросъ, другими словами, та страна, которая вывозитъ при наиболѣе выгодныхъ для нея условіяхъ и наименѣе нуждается въ произведеніяхъ другихъ странъ. Отъ этого, конечно, оставалось бы сдѣлать еще одинъ шагъ, для того, чтобы перейти въ лагерь Листа и Керн, но Милль остается послѣдователемъ свободы торговли.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Милль допускаетъ возможность потери одною страной рынка другой и приводитъ въ утѣшеніе для страны, понесшей эту потерю, то, что отъ этого выигрываетъ человѣчество и что подобное явленіе не можетъ быть продолжительнымъ. Страна, утратившая рынокъ, принуждена будетъ вывозить металлы; цѣны въ ней упадутъ, а дешевизна товаровъ откроетъ снова сбытъ для ея произведеній. Если даже допустить, что такой ходъ вещей возможенъ, то едва-ли пониженіе цѣнъ, происшедшее отъ потери части металлическихъ запасовъ, не отзовется очень болѣзненно на всемъ народномъ хозяйствѣ. Пусть деньги составляютъ только масло и рельсы, уменьшающіе треніе, но каково промышленности, которой пришлось бы испытать это треніе въ большей степени противъ прежняго, не говоря уже о томъ переворотѣ въ хозяйствѣ, который происходитъ отъ значительнаго возвышенія или паденія цѣнности денегъ?

VI. Вліяніе прогресса общества на производство и распредѣленіе.

(Кн. IV, гл. I — VII).

Три предыдущія книги, — говоритъ Милль, — на сколько позволяютъ ихъ объемъ, заключаютъ въ себѣ обзоръ того, что, по счастливому обобщенію одного математическаго выраженія, было названо статикою политической экономіи. Мы обзрѣли совокупность одновременно существующихъ общественныхъ хозяйственныхъ явленій; мы узнали, въ известной мѣрѣ, ихъ взаимную зависимость другъ отъ друга. Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть экономическое положеніе общества, подверженное измѣненіямъ и дѣйствительно развивающееся прогрессивно. Намъ предстоитъ разсмотрѣть эти измѣненія и ихъ законы и присоединить теорію движенія къ теоріи равновѣсія, динамику политической экономіи къ статикѣ. Измѣненія, составляющія характеристическія черты прогрессивнаго развитія общества, происходятъ: 1) отъ возрастанія физическихъ знаній и прак-

тического ихъ примѣненія, 2) отъ безопасности лицъ и имуществъ и огражденія лицъ отъ произвола власти, 3) отъ возрастанія производства и сбереженій, 4) отъ увеличенія способности людей къ отпращиванію работъ не столько вслѣдствіе развитія природной смысленности, сколько отъ способности дѣйствовать по общему плану, и 5) отъ возрастанія начала и практики сотрудничества, то-есть, отъ развитія ассоціаціи.

Послѣ этого небольшого введенія Милль переходитъ къ изслѣдованію вліянія прогресса на цѣнность и цѣны, на главныя отрасли доходовъ и на вѣроятную будущность рабочихъ классовъ. Прогрессъ, по словамъ Милля, состоитъ въ уменьшеніи издержекъ производства; но есть причины, противодействующія этому явленію. Если бы населеніе не возрастало, то и тогда производство предметовъ, находящихся въ ограниченномъ количествѣ, при уменьшеніи запасовъ, начало бы дорожать. Если населеніе будетъ возрастать, то увеличатся издержки земледѣльческаго производства, въ особенности производства пшеницы; одни фабричныя издѣлія будутъ дешевѣть. Увеличатся ли подобно относительнымъ и абсолютныя издержки земледѣльческаго производства, это будетъ зависѣть отъ результата борьбы между возрастаніемъ населенія и успѣхами земледѣльческаго искусства. Что касается цѣнъ, то колебанія ихъ, происходящія отъ дѣйствительнаго спроса и предложенія, будутъ слабѣе, а колебанія, происходящія отъ спекуляціи, возрастутъ.

Переходя за симъ къ изслѣдованію вліянія на доходы главныхъ условій прогресса—возрастанія населенія, капитала и усовершенствованій производства, Милль останавливается сначала на первомъ изъ упомянутыхъ условій. Если увеличится населеніе, то заработная плата понизится, а прибыль возвысится; но если вслѣдствіе усиленія спроса на хлѣбъ возрастетъ рента (притомъ не только какъ доля совокупности произведеній, но и по оцѣнкѣ послѣднихъ на фабричныя или иностранныя товары), и при большемъ требованіи на сельскій трудъ, увеличатся издержки производства, то прибыль можетъ остаться безъ черемѣны. Часть потери работника будетъ состоять въ добавочномъ потребованіи отъ него трудъ, а другая—въ доходѣ землевладѣльца, состоящемъ въ рентѣ. Если возрастаетъ одинъ только капиталъ, а прочія условія прогресса останутся неизмѣнными, то въ такомъ случаѣ количество произведеній не увеличится; возвысится лишь заработная плата и рента, вслѣдствіе бѣльшаго спроса на продовольствіе. Если возрастутъ и населеніе, и капиталъ, то заработная плата останется

та же, а увеличится рента и по количеству, и по стоимости произведеній. Если возрастетъ искусство производителей, то произведенія, на которыя расходуется заработная плата, вообще сдѣлаются дешевле. Если улучшения будутъ относиться къ предметамъ роскоши, то выиграютъ потребители землевладѣльцы, привилегированные классы рабочихъ и капиталисты, какъ потребители, потому что доля прибыли не измѣнится. Если улучшения коснутся предметовъ потребления рабочихъ, и притомъ земледѣльческихъ произведеній, то при улучшенияхъ, и позволяющихъ, и не позволяющихъ уменьшить пространство обрабатываемой земли, рента понизится (во второмъ случаѣ болѣе, чѣмъ въ первомъ), а заработная плата возвысится, пока не начнетъ противодѣйствіе, вслѣдствіе возрастанія населенія, что повлечетъ за собою пониженіе прибыли. При улучшенияхъ въ фабричномъ производствѣ, въ заработной платѣ и прибыли произойдутъ тѣ же измѣненія, но рента возвысится. Въ результатѣ хозяйственный прогрессъ общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, ведетъ къ прогрессивному обогащенію сословія землевладѣльцевъ, между тѣмъ какъ стоимость продовольствія рабочихъ стремится къ возрастанію, а прибыль къ паденію. Земледѣльческія улучшения противодѣйствуютъ двумъ послѣднимъ результатамъ, но возрастаніе населенія обращаетъ все выгоды въ пользу землевладѣльцевъ. Другія послѣдствія заключаются въ слѣдующемъ: при пониженіи своемъ, прибыль имѣетъ извѣстный крайній предѣлъ, который зависитъ отъ стремленія къ накопленію, обусловленному наклонностію къ сбереженію и степенью безопасности капитала. Пониженію прибыли противодѣйствуютъ кризисы, улучшения въ производствѣ и переходы капиталовъ въ другія страны. Только улучшениями въ производствѣ предметовъ, потребляемыхъ работниками, капиталъ удерживается въ странѣ, обезпечивая капиталистамъ болѣе значительную прибыль. Основываясь на предыдущемъ, Милль утверждаетъ, что страны богатая и малолюдная поступаютъ благоразумно, если издерживаютъ часть своего капитала. Правительство можетъ способствовать благосостоянію расходами на общепользныя предпріятія, на переселеніе и проч., а также улучшениями земледѣлія или открытіемъ доступа къ произведеніямъ болѣе плодородныхъ земель другихъ странъ. Превращеніе оборотнаго капитала въ основной дѣйствуетъ вредно на первыхъ порахъ только въ бѣдной странѣ, если уменьшаются фондъ заработной платы, средства существованія и занятіе труда; въ богатой странѣ оно служитъ лишь къ удержанію капитала отъ выхода за границу.

Состояніе неподвижности населенія и капитала не представляется Миллю зломъ: онъ видитъ въ немъ нѣчто желаемое, съ тѣмъ однако же, чтобы общее благосостояніе было обезпечено, и чтобы не было препятствія для человѣческаго развитія. Промышленныя искусства, при такомъ состояніи, могутъ, развиваясь, способствуя не увеличенію богатства, но уменьшенію труда. Прогрессивное возрастаніе богатства и населенія не составляетъ, по мнѣнію Милля, идеала, способнаго увлечь филантропа. Америка не прельщаетъ автора; Американцы, говоритъ онъ, имѣютъ всѣ шесть пунктовъ чартизма и не знаютъ нищеты; но изъ всего этого они извлекли только ту пользу, что жизнь всѣхъ мужчинъ посвящается у нихъ ловленію долларовъ, а жизнь всѣхъ женщинъ вскармливанію дѣтей, которыя будутъ ловить доллары. — Въ заключеніе, Милль разсматриваетъ вопросъ о вѣроятной будущности рабочихъ классовъ. По его словамъ, идеаль прогресса человѣческаго общества состоитъ не въ увеличеніи, а въ лучшемъ распредѣленіи богатства, въ томъ, чтобы не было раздѣленія общества на два класса — рабочій и нерабочій. Есть двѣ теоріи устройства лучшей будущности рабочихъ классовъ: теорія зависимости, патриархальной опеки, и теорія самостоятельнаго ихъ развитія, при чемъ цѣлью улучшенія должно быть не поставленіе людей въ возможность обходиться другъ безъ друга, а доставленіе имъ возможности трудиться вмѣстѣ и другъ для друга, въ отношеніяхъ независимыхъ. Первая теорія отжила свой вѣкъ, рабочіе классы пережили ее; что касается второй, то она осуществляется товариществами изъ работниковъ и капиталистовъ и товариществами изъ однихъ работниковъ. Ознакомивъ читателя съ устройствомъ товариществъ того и другаго рода, Милль останавливается въ особенности на попыткахъ, сдѣланныхъ во Франціи въ 1848 году, и на исторіи Рочдальскаго товарищества. Онъ отдаетъ преимущество товариществамъ изъ рабочихъ и заявляетъ, что въ этомъ отношеніи онъ согласенъ съ социалистами: пора приступить къ этой реформѣ, помочь ей и поощрить ее всѣми справедливыми и дѣйствительными средствами. Но Милль не согласенъ съ разглагольствованіями социалистовъ противъ соперничества; по его словамъ, они забываютъ, что гдѣ нѣтъ соперничества, тамъ существуетъ монополія, налогъ въ пользу безопасности пли даже хищничества; что кромѣ соперничества между рабочими всѣ другія проявленія соперничества обращаются въ пользу рабочихъ; что человѣку свойственна естественная безпечность, расположеніе быть пассивнымъ, работъ привычки, безконечно оставаться на разъ

принятомъ пути. Поэтому, соперничество необходимо какъ между рабочими, такъ и между отдѣльными товариществами. Быть-можетъ, соперничество не есть наилучшее изъ возбужденій, но теперь оно необходимо, и никто не можетъ предусмотрѣть времени, когда оно перестанетъ быть необходимымъ для прогресса. Въѣсто того, чтобы считать соперничество нагубнымъ и противообщественнымъ началомъ, какъ считаетъ его большинство социалистовъ, Милль полагаетъ, что даже и при высшемъ состояніи общества всякое стѣсненіе соперничества вредно, а всякое расширеніе его, хотя бы на время и вредило какому-нибудь классу рабочихъ, непремѣнно приноситъ пользу въ результатѣ. Устраненіе соперничества есть защита лѣности, умственной тупости и свободы отъ необходимости быть столько же разумнымъ и дѣтельнымъ, какъ другіе.

Задача, которую пытался разрѣшить Милль въ динамикѣ политико-экономическихъ явленій, уясненіе связи между явленіями, послѣдовательно развивающимися, относится, безъ сомнѣнія, къ самымъ любопытнымъ, но въ то же время и самымъ труднымъ въ наукѣ. Милль обошелъ значительную часть предстоявшихъ трудностей тѣмъ, что ограничился изслѣдованіями о соотношеніи между доходами, при возрастаніи населенія, капитала и улучшеній въ производствѣ. Соотношеніе между экономическими учрежденіями, между устройствомъ поземельной собственности, формами обрабатывающей промышленности, порядкомъ и положеніемъ торговли и государственно-экономическими предпріятіями оставлено авторомъ въ сторонѣ, а между тѣмъ въ соотношеніи этихъ явленій заключается ключъ къ пониманію измѣненій въ доходахъ. Затѣмъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ, назначенныхъ имъ для себя, Милль выполнилъ свою задачу съ замѣчательнымъ искусствомъ: это образецъ примѣненія логическихъ приѣмовъ, на которые онъ возлагаетъ столько надеждъ; но въ то же время это самое блистательное доказательство бесплодности исключительнаго примѣненія дедуктивнаго метода къ политической экономіи. Вводя послѣдовательно новыя и новыя условія, Милль, повидному, исчерпываетъ все содержаніе поставленнаго имъ вопроса; но, въ сущности, окончательный выводъ его не новъ, и едва-ли подтверждается исторіей. Подобно Сміту, въ особенности же подобно Рикардо и его школѣ, Милль приходитъ къ заключенію, что при прогрессивномъ развитіи общества, то-есть, при возрастаніи населенія и накопленіи капитала, рента возрастаетъ, прибыль падаетъ, а рабочій классъ ведетъ трудную борьбу за существованіе. Все различіе между Миллемъ и его предшественниками (въ осо-

бенности Рикардо) состоитъ въ томъ, что Милль не смотритъ такъ пессимистически на положеніе рабочаго класса и возлагаетъ надежды на развитіе духа ассоціаціи или на возвышеніе уровня потребностей въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, приведенные имъ положенія и выводы не болѣе, какъ логическое построеніе, которое не оправдывается фактами. Строго говоря, въ этомъ пельзя винить автора: соотношеніе хозяйственныхъ явленій составляетъ результатъ такого множества причинъ, что подтвержденіемъ логическаго вывода могутъ служить не конкретные факты или случаи, а многочисленныя наблюденія, подвергнутыя статистической переработкѣ и точному анализу. Недостаточно знать, что населеніе увеличивается, что капиталъ возрастаетъ, что пространство воздѣлываемой земли становится обширнѣе, что въ производствѣ дѣлаются улучшенія; надо еще знать, какая составная часть населенія возрастаетъ, и при какихъ условіяхъ; надо знать, возрастаетъ ли капиталъ вмѣстѣ съ сосредоточеніемъ его въ немногихъ рукахъ или съ раздробленіемъ въ рукахъ многихъ лицъ, распространяется ли большая или малая поземельная собственность, дѣлаются ли улучшенія въ земледѣліи или въ обрабатывающей промышленности и т. д.; надо знать, какія отношенія развиваются и упрочиваются между участниками въ производствѣ, какія государственныя и общественныя учрежденія и какимъ образомъ вступаютъ въ связь съ частною дѣятельностью; надо имѣть средства для количественной и качественной оцѣнки изучаемыхъ явленій, чтобъ имѣть право ссылаться на нихъ въ подтвержденіе своихъ умозрѣній. Въ противномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о правильности и достовѣрности самихъ выводовъ. Пока статистическія изысканія не будутъ приняты за исходное начало не только для повѣрки, но и для построенія теоріи, до тѣхъ поръ выводы науки останутся дѣломъ вкуса и личнаго разумѣнія; въ подтвержденіе этого можно указать на то, что говоритъ Милль о неподвижномъ состояніи общества. Желая придать этому положенію вещей нѣчто заманчивое и привлекательное, авторъ дѣлаетъ неподвижность подвижною и сообщаетъ принятому термину условный смыслъ. Неподвижное состояніе не исключаетъ у него ни успѣховъ образованія, ни возрастанія благосостоянія, ни усовершенствованій въ области производства, какъ будто бы такіе успѣхи не сопровождаются увеличеніемъ народнаго богатства.

Наконецъ, обращаясь къ вопросу чисто практическому, къ вѣроятной будущности рабочихъ классовъ, Милль не касается историческихъ условій возникновенія этого вопроса; между тѣмъ въ этихъ условіяхъ

и въ попыткахъ ихъ устраненія новымъ устройствомъ промышленности заключается весь интересъ разсматриваемаго предмета. Передъ Миллемъ открывалось обширное поле для изслѣдованія положенія рабочихъ классовъ и разнообразныхъ попытокъ для созданія новаго лучшаго хозяйственнаго порядка, а онъ ограничивается приведеніемъ нѣсколькихъ фактовъ изъ исторіи товариществъ во Франціи и въ Англіи и самую поверхностную характеристикой ихъ формъ. Конечно, можно возразить, что для исполненія требованій, подобныхъ предыдущимъ, понадобилось бы не нѣсколько десятковъ страницъ, а цѣлая книга. Но это не совсѣмъ справедливо: Милль могъ бы, по примѣру Губера, (см. его статью объ ассоціаціи въ Staatswörterbuch von Bluntschli und Brater) на тѣхъ же тридцати страницахъ представить въ историческомъ, догматическомъ и статистическомъ отношеніи болѣе богатое содержаніемъ изложеніе предмета, его занимающаго.

VII. Вліяніе правительства.

Въ послѣдней книгѣ, заключающей въ себѣ менѣе одной пятой части всего сочиненія, Милль излагаетъ тѣ отдѣлы науки, которые у германскихъ экономистовъ относятся къ финансамъ и государственному благоустройству. Приступая къ обзору круга правительственной дѣятельности вообще, Милль замѣчаетъ, что въ прежнее время было много споровъ о томъ, какъ правительства должны быть устроены, и какими началами должна руководствоваться общественная власть; теперь почти столько же разногласія въ вопросѣ о томъ, на какія отрасли общественной дѣятельности должна простираться эта власть. На континентѣ господствуетъ ученіе, черезъ мѣру расширяющее кругъ дѣятельности правительства; въ Англіи доселѣ существуетъ противоположное направленіе. Милль начинаеть съ обзора обязанностей, нераздѣльныхъ съ идеею правительства, или по обычаю оставляемыхъ за нимъ, и отдѣляетъ ихъ отъ произвольнаго участія правительства въ частной дѣятельности. При перечисленіи необходимыхъ занятій правительства, Милль указываетъ на заблужденія тѣхъ, которые полагаютъ, что задача власти состоитъ въ огражденіи частныхъ лицъ отъ насилія и обмана. Законы о наследствѣ, собственности и договорахъ, чеканка монеты, установленіе нормальныхъ мѣръ и вѣсовъ, улучшеніе пристаней, топографическія работы все это оправдывается лишь общественно юпользою. За симъ Милль излагаетъ нѣкоторыя части науки о финансахъ и разсматриваетъ хозяйственную дѣятельность правительства, способствующую развитію богатства и благосостоянія.

1. Очерки финансовой науки.

Это заглавіе можетъ быть дано шести главамъ пятой книги, которыя содержатъ въ себѣ общія основанія системы налоговъ, налоги прямые, налоги на произведенія и другіе предметы, сравненіе прямыхъ налоговъ съ косвенными и главу о государственномъ долгѣ.

Общія основанія системы налоговъ Милль излагаетъ по Смиуту, его собственными словами; то-есть, онъ требуетъ 1) равенства, или точнѣе, соразмѣрности налоговъ, 2) извѣстности относительно времени и количества платежа, 3) удобствъ для плательщиковъ относительно взноса и 4) своевременнаго и дешеваго взиманія. Только относительно равенства платежа Милль входитъ въ подробныя объясненія. Вопреки Смиуту, онъ стоитъ не за прогрессивный, а за пропорціональный налогъ, а затѣмъ совѣтуетъ изъ всякаго дохода вычитать извѣстную сумму, которая не должна быть облагаема податями. Возставая противъ прогрессивнаго налога, какъ средства для уравненія состояній, Милль замѣняетъ его налогомъ на наслѣдство. Далѣе авторъ осуждаетъ налогъ на облигаціи государственныхъ займовъ, составляющій, по его словамъ, нарушеніе первыхъ правилъ честности, вдается въ подробныя изслѣдованія о томъ, слѣдуетъ ли временные и постоянные доходы облагать податю одинаковаго размѣра, и приходитъ къ заключенію, что налогъ долженъ быть соразмѣренъ не съ тѣмъ, сколько человѣкъ имѣетъ, а сколько онъ можетъ расходовать, и что трудность достигнута полной справедливости не служитъ основаніемъ для отказа въ справедливости возможной. Относительно ренты Милль предлагаетъ установленіе налога на будущее ея возрастаніе, на основаніи предварительно установленнаго кадастра. Соглашаясь наконецъ, что подати должны взиматься съ дохода, а не съ капитала, авторъ полагаетъ, что въ богатой странѣ налогъ, поглощающій часть капитала, въ особенности налогъ на наслѣдство, не представляетъ особаго вреда.

Налоги, по Миллю, бываютъ: прямые, взимаемые съ лицъ, на которыхъ они налагаются; не прямые, которые возмещаются плательщиками съ другихъ лицъ, и наконецъ такіе, которые не могутъ быть отнесены ни къ тому, ни къ другому разряду.

Прямые налоги берутся съ дохода или съ расхода. Источники дохода суть: рента, прибыль и заработная плата. Налогъ на ренту взимается всегда съ землевладѣльца, потому что часть произведеній, получаемая при наименѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ и регулирующая цѣны, не даетъ ренты и не платитъ налога. Общій равно-

мѣрный налогъ на прибыль падаетъ на капиталистовъ. Онъ или вызываетъ улучшения, которыя возвышаютъ прибыль, или приближаетъ срокъ недвижнаго состоянія страны, или усиливаетъ эмиграцію капитала и спекуляцію. Поэтому, налогъ на прибыль особенно вреденъ въ такой странѣ, какъ Англія. Въ странахъ, гдѣ прибыль далека отъ наименьшаго размѣра, налогъ на прибыль, не сопровождающійся улучшениями, при размноженіи населенія, отчасти падетъ на рабочихъ, а при задержкѣ въ размноженіи населенія, останавливаетъ возрастаніе ренты, слѣдовательно, лишаетъ нѣкоторыхъ выгодъ землевладѣльца. Налогъ на заработную плату падаетъ на рабочихъ; но если размѣръ ихъ потребностей не уменьшается, то приращеніе населенія останавливается, заработная плата растетъ, и налогъ уплачивается предпринимателями.

Переходя къ общему подоходному налогу, Милль, ради соблюденія справедливости, считаетъ необходимымъ: 1) облагать налогомъ только часть дохода, превышающую извѣстный *minimum*, и 2) освободить отъ налога сберегаемыя суммы или, если это невозможно, облагать меньшимъ налогомъ пожизненные доходы и доходы отъ коммерческихъ дѣлъ и промысловъ. При всемъ томъ, налогъ этотъ будетъ неравномѣренъ, потому что исчисленіе доходовъ представляетъ непреодолимую трудность. Налогъ съ домовъ слагается изъ подати съ ренты землевладѣльческой и съ ренты за строенія: первая часть падаетъ на владѣльца, если только поземельная рента вообще платитъ подать, вторая же на наемщика и требуетъ освобожденія *minimum*'а. Это самый справедливый налогъ.

Подати съ предметовъ потребленія взимаются или съ производителей, или съ потребителей, или съ купцовъ, и раздѣляются на акцизы, таможенные и транзитныя пошлины. Налоги эти увеличиваютъ издержки производства; но возвышеніе цѣнъ, при равномѣрномъ налогѣ, будетъ зависѣть лишь отъ неодинаковой долговѣчности капитала, употребленнаго въ производствѣ. Налогъ на какой-либо предметъ потребленія возвышаетъ его цѣнность и цѣну выше размѣра взимаемой суммы, что объясняется необходимостью предупредить контрабанду и затратить часть капитала на уплату подати. Измѣненіе налогомъ цѣнности предметовъ необходимости для работниковъ имѣетъ вліяніе и на распредѣленіе богатства. Налогъ на хлѣбъ или понижаетъ уровень потребленія рабочихъ (напримѣръ, когда они обратятся къ болѣе дешевой пищѣ), или же уровень потребленія рабочихъ остается безъ измѣненія, и тогда налогъ падаетъ на прибыль.

Что касается ренты, то измѣненія въ ней зависятъ отъ способа взиманія налога. Десятина натурою падаетъ на ренту, но землевладѣлецъ можетъ быть вознагражденъ цѣнностью и цѣною хлѣба, составляющаго его ренту за вычетомъ налога, и потерпитъ ущербъ, лишь какъ потребитель хлѣба. Определенная денежная подать съ количества собраннаго хлѣба дѣйствуетъ какъ десятина; но будетъ составлять не одинаковую долю итога произведеній. Подать съ пространства земли увеличиваетъ ренту лучшихъ земель; собственно это уже не налогъ на предметы потребленія. Издавна существующіе налоги на земледѣльческія произведенія могутъ, какъ замѣтилъ Снїоръ, имѣть другія послѣдствія. Налогъ на земледѣльческія произведенія ускоряетъ возвышеніе цѣны и упадокъ прибыли, а слѣдовательно, и накопленіе капитала. Потребитель ранѣе будетъ платить ту цѣну, которую ему пришлось бы платить позднѣе, если бы налога не было вовсе. Но въ окончательномъ результатѣ, чѣмъ ближе будетъ прибыль къ *minimum*у, тѣмъ болѣе налогъ будетъ переходить на землевладѣльца. Поэтому, говоритъ Милль, я раздѣляю мнѣніе Снїора, что десятина, еще до замѣны ея другими налогами, перестала понижать прибыль и возвышать цѣну хлѣба и сдѣлалась простымъ вычетомъ изъ ренты; другая сторона ея вліянія состояла въ томъ, что она уменьшала капиталъ, производство и число населенія, какъ будто плодородіе земли въ Англіи было слабѣе на $\frac{1}{10}$ часть или, лучше сказать, на $\frac{1}{20}$, потому что часть земли была свободна отъ десятины. Уничтоженіе десятины уменьшитъ издержки производства на $\frac{1}{10}$ долю, рента, выраженная деньгами или товарами, вообще останется прежняя, а рента, выраженная земледѣльческими произведеніями, возрастетъ; страна отдалится отъ неподвижнаго состоянія, и быстрота накопленія сбереженій увеличится. Замѣна десятины налогомъ на ренту обратится въ пользу потребителя, на счетъ землевладѣльца, рента котораго начнетъ впрочемъ возрастать при увеличившемся накопленіи капитала и размноженіи населенія. Вліяніе податей съ предметовъ потребленія представляется въ нѣкомъ видѣ, когда не соблюдается должное безпристрастіе, и налогъ падаетъ не на произведенія, а на какой-нибудь способъ ихъ приобрѣтенія. Пагубны налоги, которые заставляютъ избирать способы болѣе дорогіе, напримѣръ, производство свекловичнаго сахара вмѣсто покупки колоніальнаго, производство хлѣба внутри страны во избѣжаніе привоза его извнѣ (хлѣбные законы). Налоги эти убыточны для казны и разорительны для потребителей. Къ нимъ должно отнести и дифференціальныя пошлины.

Въ заключеніе, Милль разсматриваетъ вліяніе таможенныхъ пошлинъ на виѣшнюю торговлю. Что касается пошлинъ съ отпуска, то при сильномъ спросѣ на вывозимые товары онѣ могутъ пасть на потребителей-иностранцевъ, и даже привозные товары могутъ сдѣлаться дешевле, вслѣдствіе уменьшенія металлическихъ запасовъ у иностранцевъ, оплачивающихъ свой привозъ монетою. Можно допустить другой случай, когда отпускающая страна выручитъ одинъ только налогъ или часть онаго, а другая падетъ на производителей. Наконецъ, можетъ случиться, что устанавливая пошлину съ отпуска, государство заставитъ своихъ подданныхъ платить еще налогъ въ пользу иностранцевъ. Предположимъ, что спросъ въ Германіи на предметы вывоза упадетъ, а спросъ въ Англіи на привозимые предметы изъ Германіи усилится. Деньги въ Германіи сдѣлаются дешевле, а въ Англіи дороже, и если привозъ въ Англію будетъ продолжаться, то послѣдняя станетъ переплачивать болѣе взимаемаго ею налога съ отпускаемыхъ произведеній, а Германія будетъ покупать англійскія произведенія дешевле, чѣмъ прежде. Вывозныя пошлины, какъ основанныя на томъ, что одна сторона выигрываетъ то, что другая терлетъ, по мнѣнію Милля, не взмались бы, если бы соблюдаемы были правила международной нравственности. Пошлины съ привозимыхъ товаровъ падаютъ иногда на потребителей, а иногда на иностранцевъ. Если пошлина не мѣшаетъ привозу изъ Германіи всего товара, потребляемаго въ Англіи, но ограничиваетъ его, то привозъ уменьшится; Германіи придется уплачивать за свой привозъ изъ Англіи деньгами, цѣны въ Германіи упадутъ, и выиграетъ отъ этого Англія, а Германія потеряетъ. Если спросъ не уменьшится отъ наложенія пошлины на привозъ, то налогъ падетъ на внутреннихъ потребителей; но спросъ обыкновенно уменьшается, и налогъ падаетъ отчасти и на иностранцевъ, потребляющихъ наши товары. На производителя пошлины падаютъ только тогда, когда произведенія его составляютъ предметъ монопольный, или когда пошлина на произведеніи земли и рудниковъ такъ высока, что заставляетъ покинуть участки земли или рудники низшаго разряда. Пошлины съ привозимыхъ товаровъ биваютъ двоякаго рода: охранительныя, которыя мѣшаютъ сбереженію труда и капитала, и неохранительныя, которыя составляютъ выигрышъ для устанавливающей ихъ страны, но такъ, что выигрышъ этотъ можетъ быть обращенъ въ ничто другими странами, которыя установятъ у себя подобныя налоги.

Кромѣ налоговъ на доходъ и на предметы потребленія,—говоритъ Милль (гл. V), — есть много другихъ, которые не подходятъ вполне

ни подъ одинъ изъ этихъ двухъ разрядовъ. Сюда относятся: пошлины съ договоровъ и съ перехода имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ, пошлины со страхованія, почтовый сборъ, налогъ на газеты, судебныя пошлины и мѣстные налоги. Милль ограничивается въ этомъ бѣгломъ обзорѣ однимъ лишь указаніемъ на невыгоды, сопряженныя съ этими налогами, а иногда затрогиваетъ и вопросъ о переложеніи податей.

На вопросъ, какіе налоги лучше, прямые или косвенныя, Милль отвѣчаетъ, что прямыя налоги ощущаются сильнѣе и потому обязываютъ къ большей бережливости; но реальное значеніе косвенныхъ налоговъ съ каждымъ днемъ лучше понимается большинствомъ. Мысль, что косвенныя налоги уплачиваются по доброй волѣ плательщиковъ, Милль считаетъ иллюзією, но признаетъ, что время и способъ платежа соединены съ большими удобствами для плательщика. Сильнѣйшее возраженіе противъ взиманія всѣхъ государственныхъ доходовъ посредствомъ прямого налога состоитъ въ невозможности справедливой его раскладки. Допуская, поэтому, налоги косвенныя, Милль рекомендуетъ слѣдующія практическія правила: 1) взимать налоги съ предметовъ роскоши, 2) производить взиманіе въ моментъ самый близкій къ потребленію, 3) устанавливать такіе сборы, которые падали бы преимущественно на средніе и на большіе доходы, 4) взимать налоги съ немногихъ статей, преимущественно съ возбуждающихъ напитковъ, 5) отдавать преимущество таможеннымъ пошлинамъ, уплачиваемымъ при ввозѣ товаровъ, и не доводить ихъ до размѣра, который вызываетъ трудную борьбу съ контрабандою.

Отдѣлъ о финансахъ оканчивается у Милля изслѣдованіями о государственномъ долгѣ, которыя впрочемъ состоятъ изъ разсмотрѣнія однихъ лишь невыгодъ государственныхъ долговъ и способовъ ихъ уплаты. По Миллю, если рынокъ переполненъ капиталами, которые готовы уйдти за границу, то займы не представляютъ обыкновенныхъ неудобствъ, и хотя будущее обременяется на счетъ настоящаго, но и будущее можетъ также участвовать въ выгодахъ, доставленныхъ дѣйствительно полезными займами. Высокій процентъ служитъ признакомъ, что рынокъ переполненъ капиталами и что правительство должно воздерживаться отъ займовъ. Погашеніе государственнаго долга представляется Миллю желательнымъ, но погашеніе раскладкою долга на населеніе онъ признаетъ неудобносполнимымъ, а постепенную уплату допускаетъ лишь съ ограниченіями, полагая, что лучше отмѣнить крайне обременительныя налоги, чѣмъ уменьшать старыя долги.

Въ отдѣлѣ о финансахъ Милль не прибавляетъ почти ничего по-

ваго къ тому, что было извѣстно до него, а извѣстное передаетъ въ такихъ общихъ чертахъ, съ такимъ пропусками и сокращеніями, что человекъ, знакомый съ предметомъ, можетъ найти интересъ лишь въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ нѣкоторыми изъ воззрѣній автора; изучающій же науку можетъ приобрести только элементарныя и отрицательныя свѣдѣнія, которыя мало принесутъ ему пользы и въ ученыхъ занятіяхъ, и въ практической дѣятельности. Въ опредѣленіи общихъ основаній налоговъ, въ установленіи границы между налогами прямыми и косвенными, а въ особенности въ опредѣленіи мѣста для тѣхъ и другихъ въ финансовой системѣ страны, въ оцѣнкѣ относительнаго достоинства формъ податей разнаго рода и вида, въ изученіи государственныхъ потребностей, устройства финансовой администраціи, однимъ словомъ, въ рѣшеніи всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ финансовая наука сдѣлала замѣчательныя успѣхи. Она обогатилась множествомъ наблюденій, фактовъ и выводовъ. Между тѣмъ у Милля повторяются лишь общія соображенія, которыя можно найти у Смита, Рикардо и нѣкоторыхъ послѣдователей Рикардо. Самые интересныя и притомъ практическіе вопросы устранены: нѣтъ и признаковъ какой-либо попытки подтвердить сказанное историческими примѣрами. Можно сказать, что Милль даетъ не краткій очеркъ финансовой науки, а теоретическій остовъ, препарированный не безъ нѣкоторой симметріи, но съ явнымъ пренебреженіемъ къ тому, что представляетъ дѣйствительная жизнь. Вниманіе автора по преимуществу сосредоточено на вопросѣ о переложеніи податей и на разъясненіи справедливости или несправедливости бѣльшаго или меньшаго обремененія населенія нѣкоторыми изъ налоговъ. Но и въ этихъ изслѣдованіяхъ, которыя, повидимому, должны были перенести Милля въ столь среднюю ему сферу спекулятивныхъ построеній, онъ не восходитъ къ разрѣшенію общаго вопроса о переложеніи и сложеніи налоговъ и объ условіяхъ, отъ которыхъ зависятъ эти явленія, а обращается къ нимъ лишь по поводу того или другаго налога. Система государственнаго кредита изложена въ книгѣ Милля также поверхностно и кратко, какъ и другія части. Ограничиваясь этими общими замѣчаніями и сомнѣваясь, чтобы выводы Милля относительно паденія разнаго рода налоговъ были основательны и подтверждались опытомъ, должно замѣтить, что авторъ не понижаетъ однако же уровня науки, и здѣсь также глубоко затрогиваетъ каждый разсматриваемый имъ вопросъ, какъ и въ другихъ частяхъ своего сочиненія. Но не подлеститъ сомнѣнію, что разработка германскою и даже французскою литературой

теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, представляемыхъ финансовою наукой, мало знакома Миллю. Равнымъ образомъ, едва-ли извѣстны ему финансовыя учрежденія Европы въ тѣхъ подробностяхъ, которыя сообщаютъ жизнь и интересъ научнымъ изслѣдованіямъ. Милль почти вездѣ имѣетъ въ виду одну Англію, но оригинальныя черты ея финансоваго устройства служатъ ему лишь для спекулятивныхъ построений по предвзятымъ понятіямъ, чуждымъ практической примѣнимости. Въ подтвержденіе предыдущаго можно указать на мысль автора объ установленіи поземельнаго налога на будущее приращеніе ренты, для того чтобы не нанести ущерба настоящимъ интересамъ (почему бы въ такомъ случаѣ не поставить условіемъ, чтобы всѣ налоги устанавливались на будущее приращеніе всѣхъ доходовъ, а не на настоящіе доходы?), или на одобреніе налоговъ на предметы роскоши, несостоятельность которыхъ дознана на самой практикѣ.

2. Хозяйственная дѣятельность правительства, способствующая развитію богатства и благосостоянія.

Три послѣднія главы въ пятой книгѣ сочиненія Милля относятся почти исключительно къ той части политической экономіи, которая носитъ у насъ названіе государственнаго благоустройства. Но если очеркъ финансовъ представляетъ много пробѣловъ, то ученіе о благоустройствѣ отличается у Милля еще большею отрывочностью. Автору ставить въ великую заслугу, что въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ не является неумолимымъ доктринеромъ, готовымъ принести въ жертву идеѣ промышленной свободы устройство общественныхъ отношеній, выработанныхъ подъ вліяніемъ законовъ и государственныхъ учрежденій, что онъ не впадаетъ и въ противоположную крайность, не требуетъ безусловнаго подчиненія свободнаго хода жизни юридическимъ нормамъ и вліянію власти; но эти неоспоримыя достоинства не составляютъ, въ настоящее время, удѣла немногихъ избранныхъ. Затѣмъ, при многихъ мѣткихъ и вѣрныхъ мысляхъ, Милль высказываетъ иногда очень рѣшительно мнѣнія далеко не безспорныя, а иногда дѣлаетъ уступки, несогласныя съ его собственными воззрѣніями. Задавшись вопросомъ о томъ, что вредитъ преуспеванію общества, Милль справедливо замѣчаетъ, что недостаточное охраненіе личности и собственности составляетъ неоспоримое зло, но что свобода, при обезпеченіи людямъ единства дѣятельности и взаимнаго содѣйствія, выкупаешь, въ нѣкоторой степени, недостатокъ безопасности, тогда какъ произволъ правительственныхъ агентовъ обращаетъ двѣтущія страны въ

пустыню. Вредятъ народному благосостоянію не только непомѣрные налоги, но и налоги невѣсокіе, когда они неравномѣрны и неопредѣленны. Вредятъ успѣхамъ богатства и благосостоянія дурные законы объ укрѣпленіи правъ на собственность, недостаточно охраняющіе права, которыя вытекаютъ изъ собственности и договоровъ; разительнѣе примѣры такого несовершенства представляютъ нѣкоторые англійскіе законы.

Отъ этихъ замѣчанійъ объ общей системѣ законовъ Милль переходитъ къ законамъ о наслѣдствѣ, договорахъ, товариществахъ и несостоятельности. О наслѣдствѣ Милль повторяетъ то, что было высказано имъ прежде. Общимъ правиломъ должна быть свобода завѣщанія, съ двумя ограниченіями 1) обязательнымъ обезпеченіемъ прямыхъ нисходящихъ наслѣдниковъ и 2) опредѣленіемъ нормы наслѣдуемаго въ размѣрѣ, обезпечивающемъ скромную независимость. Далѣе, авторъ высказывается въ пользу непризнанія наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ и обращенія въ такомъ случаѣ наслѣдства, если нѣтъ завѣщанія, въ собственность государства. Затѣмъ Милль проводитъ параллель между англійскими и французскими законами о наслѣдствѣ; тѣ и другіе внушены не справедливостію, но политическими стремленіями, первые желаніемъ сохранить аристократію, а вторые желаніемъ уничтожить и сдѣлать ее невозможною. Милль подробно разбираетъ экономическія невыгоды майоратовъ и субституцій, но также не одобряетъ и французскаго закона, стѣсняющаго свободу завѣщанія и не ограничивающаго наслѣдства извѣстнымъ размѣромъ. Переходя отъ вопроса о наслѣдствѣ къ договорамъ, Милль останавливается на однихъ товариществахъ. Онъ находитъ законы объ этомъ предметѣ, въ особенности англійскіе, стѣснительными и недостаточно ограждающими права товарищей и права постороннихъ лицъ противъ товарищей, отстаиваетъ формы товариществъ обыкновеннаго акціонернаго и акціонернаго на вѣрѣ, существующаго во Франціи, и приводитъ длинныя выписки изъ статей Коклена и Кери. Наконецъ, по поводу законовъ о банкротствѣ, Милль считаетъ необходимымъ изслѣдовать причины банкротства и замѣчаетъ, что англійскій законъ, отмѣнившій заключеніе за долги, ничего не даетъ въ замѣнъ послѣдняго. Очевидно, что эти три случая примѣненія закона къ экономическимъ отношеніямъ далеко не исчерпываютъ всей области юридическаго устройства народнаго хозяйства, и даже то, чего коснулся авторъ, далеко не изслѣдовано имъ съ надлежащею полнотою. Несостоятельность предположеній Милля объ установленіи новыхъ законовъ о наслѣдствѣ была изло-

жена выше; но нельзя не признать, что критика дѣйствующаго законодательства въ Англии и Франціи отличается у него большимъ мастерствомъ. Столь же справедливы замѣчанія автора о постановленіяхъ, которымъ были въ прежнее время подчинены промышленныя товарищества; но постановленія эти значительно измѣнены въ Англии въ недавнее время, а между тѣмъ авторъ не коснулся этихъ измѣненій даже въ новомъ изданіи своей книги; мало того, онъ не обратилъ должнаго вниманія на темную сторону, которую даетъ полная свобода, предоставленная компаніямъ, и на попытки новѣйшаго законодательства дать товарищамъ ручательство, что ихъ довѣріе не будетъ легко или безнаказанно употреблено во зло. Наконецъ, Милль, съ свойственною ему проникательностью, очень вѣрно оцѣнилъ значеніе законовъ, установившихъ заключеніе за долги, и предложилъ очень разумную середину при рѣшеніи этого вопроса, который въ недавнее время получилъ такую необдуманную развязку въ нѣкоторыхъ законодательныхъ собраніяхъ, въ особенности во Франціи.

Остальные случаи участія власти въ устройствѣ народнаго хозяйства отнесены авторомъ къ изслѣдованію предѣловъ промышленной свободы, которымъ онъ предпослалъ разсмотрѣніе вмѣшательства правительства, основаннаго на примѣненіи ошибочныхъ теорій. Ошибочныя политико-экономическія теоріи, говоритъ Милль, лишились довѣрія людей, которые не отстали отъ общественнаго прогресса, а потому здѣсь нечего вдаваться въ подробности. Изъ подобныхъ теорій самая замѣчательная есть ученіе о покровительствѣ отечественной промышленности. Выше было показано, что при обыкновенномъ ходѣ внѣшней торговли, ввозъ заграничныхъ товаровъ тогда только выгоденъ для страны, когда онъ получается сю съ меньшимъ расходомъ труда и капитала. Запрещать ввозъ товара и производить его съ большими издержками дома — значитъ причинять потерю, равную разности между цѣною заграничнаго и производимаго внутри страны товара. Но, разсмотрѣвъ и опровергнувъ доводы меркантильной системы, потомъ доводы протекціонистовъ, опирающіеся на интересы національнаго производства и защиты, а наконецъ и на достиженіе финансовыхъ цѣлей, Милль допускаетъ временное покровительство въ странахъ молодыхъ и развивающихся въ видахъ водворенія производства, вполне соответствующаго условіямъ, въ которыхъ находится страна. „Преимущество одной страны предъ другою, говоритъ онъ, можетъ состоять лишь въ пріобрѣтенномъ искусствѣ и въ опытности. Страна, которой надо пріобрѣсть эти качества, можетъ, по другимъ

условіямъ, быть способиѣ тѣхъ, которыя ранѣе ея выступили на это поприще. Кромѣ того, по справедливому замѣчанію Рэ, ничто не вызываетъ въ такой степени улучшенія, какъ поставленіе промышленности въ новыя условія. Нельзя ожидать, чтобы частныя лица рѣшились завести новую фабрику на собственный рискъ, или скорѣе, съ вѣрною потерей для себя и несли бы это бремя, пока не достигнуть уровня развитія иностранныхъ производителей, для которыхъ промыселъ составляетъ преданіе. Покровительственная пошлина на разумный срокъ бываетъ иногда наименѣе неудобнымъ способомъ подвергать себя налогу на поддержку такого опыта. Но покровительство должно ограничиваться случаями, относительно которыхъ существуетъ вполне достаточная увѣренность, что покровительствуемая промышленность будетъ въ состояніи со временемъ обойтись безъ этого поощренія, и никакъ не должно давать отечественнымъ производителямъ надежды на то, что поощреніе продлится долѣе времени, необходимаго для достиженія цѣли“. Сужденія о протекціонизмѣ Милль оканчивають краткимъ порицаніемъ колониальной политики, направленной къ эксплуатаціи колоній въ пользу метрополій.

Второй предметъ изъ области отношеній закона и власти къ народному хозяйству, на который Милль обращаетъ вниманіе, есть установленіе законныхъ процентовъ. Законы о процентахъ, по его словамъ, несомнѣстны съ установленіемъ цѣны соперничествомъ и обращаются во вредъ должника, ограничивая предложеніе. — Втретьихъ, Милль возстаётъ противъ установленія таксы, въ особенности на хлѣбъ, полагая, что удешевленіе хлѣба достигается не пособіями, усиливающими спросъ и возвышающими цѣны (что составляетъ въ затруднительное положеніе людей, которые могли бы обойтись дотолѣ своими средствами), а ограниченіемъ потребленія. Правительство, говоритъ Милль, можетъ сдѣлать лишь одно: совѣтовать всѣмъ, чтобы каждый соблюдалъ умѣренность въ потребленіи, и запрещать тѣ виды потребленія, которые не имѣютъ первостепенной важности. Подвозъ пшеницы на счетъ государства издалека полезенъ, если нельзя ожидать этого отъ частной спекуляціи; иначе это будетъ ошибкой. Столь же ошибочно и предоставленіе монополіи; но и этого нельзя сказать о привилегіяхъ, потому что общество обязано вознаградить изобрѣтателя за услугу. — Вчетвертыхъ, Милль разсматриваетъ законы о стачкахъ и требуетъ свободы для соглашеній между рабочими. Что касается послѣдствій стачекъ, то по его словамъ, всеобщая коалиція могла бы уменьшить число рабочихъ часовъ и доставить прежнюю

плату за меньшее количество работы, но не можетъ возвысить плату выше уровня, опредѣляемаго спросомъ и предложениемъ. Возвышеніе заработной платы стачкою возможно въ отдѣльной отрасли промышленности, но возвышеніе цѣнъ на произведеніи такой промышленности должно, повидимому, или уменьшить число занятыхъ въ ней рабочихъ, или вытолкнуть на рынокъ часть людей, ищущихъ занятій, или же, уменьшивъ капиталъ, уменьшить и спросъ на трудъ. Не должно, однако же, упускать при этомъ изъ виду, что возвышеніе уровня потребленія рабочихъ въ одной промышленности имѣетъ вліяніе на заработную плату вообще, и что стачки, по замѣчанію Фаусетта, составляютъ обыкновенно рабочими при высокой прибыли. Впрочемъ, стачки должны быть добровольны, то-есть, исключать насиліе, дѣлаемое одними рабочими другимъ, и имѣть въ виду цѣль не противную общему благу. Наконецъ, вѣдѣя, Милль возстаетъ противъ ограниченія закономъ свободы печати и свободы мнѣній.

Въ этомъ разборѣ ошибочныхъ теорій есть также доля непоследовательности. Милль возстаетъ противъ протекціонизма и однако же допускаетъ такое исключеніе, которое должно вполнѣ удовлетворить самыхъ требовательныхъ протекціонистовъ, потому что защита внутренняго производства таможенными пошлинами принята имъ въ принципъ. Онъ оправдываетъ ее не по государственнымъ, а по народно-экономическимъ соображеніямъ; онъ даже не только стоитъ за охрану того, что существуетъ, что возникло, но не обрѣло еще подъ вліяніемъ покровительства, но даже считаетъ полезнымъ созданіе новаго покровительства. Онъ не замѣчаетъ, что указанное имъ исключеніе, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ общаго правила. Столь же несостоятельны нѣкоторыя мнѣнія, высказанныя ученымъ политико-экономистомъ относительно народнаго продовольствія. Въ сущности онъ правъ, отвергая установленія таксы; но совѣты относительно сокращенія потребленія, не поддержанные другими, болѣе сильными средствами, останутся всегда гласомъ вопіющаго въ пустынь, а запрещеніе потребленія хлѣба въ нѣкоторыхъ производствахъ, какъ показала опытъ, не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ. Опытъ эти были сдѣланы въ Англіи, и замѣчательно, что авторъ не обратилъ на нихъ вниманія. Наконецъ, столь же шатки его разсужденія по поводу вліянія стачекъ на возвышеніе заработной платы. Съ точки зрѣнія той теоріи, которую развиваетъ Милль, слѣдовало бы допустить, что стачки не могутъ улучшить положенія рабочихъ, потому что заработная плата регулируется движениемъ населенія при данномъ

уровнѣ его потребностей и при извѣстномъ отношеніи между спросомъ на капиталъ и предложеніемъ капитала, а слѣдовательно, отъ стачекъ нисколько не зависитъ; такъ полагали Кокленъ и другіе экономисты, защищавшіе право стачекъ съ точки зрѣнія свободы; но едва-ли это справедливо, и можно скорѣе согласиться съ выводами Милля, которые впрочемъ не совсѣмъ ипрятя съ общими теоретическими его положеніями.

Въ началѣ заключительной главы, Милль высказываетъ сомнѣніе въ возможности всеобщаго опредѣленія основаній и границъ промышленной свободы и намѣревается представить лишь нѣкоторые матеріалы для рѣшенія вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи, съ самой общей точки зрѣнія, выгодъ и невыгодъ или вреда отъ правительственнаго вмѣшательства. Вмѣшательство это, говоритъ Милль, бываетъ или повелительнымъ, или не повелительнымъ: въ послѣднемъ случаѣ правительство даетъ совѣты, указанія и даже само устраняетъ государственныя учрежденія наравнѣ съ частными. Принужденіе состоитъ здѣсь въ собираніи средствъ для достиженія цѣли; но такое вмѣшательство власти не ограничиваетъ свободы личной дѣятельности. Возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Въ жизни каждаго человѣка есть область, въ которой не затрогиваются интересы другихъ лицъ, и эта область должна быть неприкосновенною; съ этимъ Милль вполне согласенъ. 2) Возложеніе на правительство разнообразныхъ обязанностей усложняетъ административный механизмъ, при чемъ дѣятельность управленія представляетъ большіе недостатки; но эти неудобства устраняются раздѣленіемъ труда въ общественныхъ дѣлахъ и двойною отвѣтственностью администраціи предъ избирателями и судомъ, какъ на примѣръ, въ нѣкоторыхъ штатахъ Новой Англіи; тѣмъ не менѣе, при всѣхъ усовершенствованіяхъ правительственнаго устройства, огромное число дѣлъ, возлагаемыхъ на администрацію, будетъ выполняться ею хуже, нежели частными лицами. 3) Расширеніе правительственной дѣятельности на счетъ частной лишаетъ послѣднюю практической школы, составляющей столь же необходимое условіе для развитія человѣка, какъ и научное образованіе; совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ и завѣдываніе ими составляютъ великую школу, въ которой развивается и общественное мнѣніе, и пониманіе общественныхъ дѣлъ, что всегда бываетъ отличительною характеристическою чертою свободныхъ странъ. Демократическія учрежденія, подчиненныя центральной власти, не создаютъ свободы, а распространяютъ лишь до низшихъ

ступеней общества желаніе и честолюбіе политическаго господства. Въ однихъ странахъ народъ желаетъ, чтобъ его не притѣсняли, а въ другихъ, чтобы каждый имѣлъ одинаковую возможность стать притѣнителемъ. Въмѣсто желанія свободы является непомерная алчность къ должностямъ и власти, отвращающая мысли и дѣятельность страны отъ главнаго ея дѣла къ пагубному соперничеству своекорыстныхъ расчетовъ и мелкой официальной суетности.

Представивъ изъ Дюнои и Кери нѣсколько примѣровъ вреда отъ далеко простирающейся опеки правительства въ наиболѣе просвѣщенныхъ европейскихъ странахъ, Милль замѣчаетъ, что коренное правило, по которому потребитель есть лучший судья того, что онъ приобретаетъ, допускаетъ, впрочемъ, много исключеній. Дѣятельность правительства должна простираться, во первыхъ, на народное образованіе и состоятъ въ оказаніи пособій первоначальнымъ школамъ и въ учрежденіи общедоступныхъ училищъ. Это—пособіе, оказываемое людямъ для того, чтобъ они могли обходиться безъ пособія. Кроме того, правительство, обязывая родителей посылать дѣтей въ школу, должно оказать имъ содѣйствіе. Вмѣшательство правительства необходимо для огражденія интересовъ малолѣтнихъ, идиотовъ, помѣшанныхъ и для отвращенія жестокаго обращенія съ животными; но Милль возстаегъ противъ поставленія женщинъ въ зависимое положеніе (наравнѣ съ несовершеннолѣтними) и требуетъ, чтобъ имъ былъ открытъ доступъ къ промышленнымъ занятіямъ. Второй случай, когда необходимо ограниченіе *laisser faire*, относится къ вѣчнымъ договорамъ; законъ долженъ въ такомъ случаѣ ограждать лицо, принимающее на себя вѣчныя обязанности. Третій случай касается такихъ дѣлъ, которыя частное лицо можетъ вести чрезъ уполномоченнаго; Милль требуетъ гласности для промышленныхъ товариществъ и полагаетъ, что если предприятие само по себѣ, какъ напримѣръ, желѣзная дорога или каналъ, составляетъ монополію, то правительство обязано дать нѣкоторыя гарантіи обществу, сохранить за собою право контроля, установленія тарифа и т. п. Четвертый случай относится къ такого рода дѣламъ, въ которыхъ необходимо взаимное соглашеніе частныхъ лицъ, но соглашеніе, возможное лишь при существованіи закона; сюда относится ограниченіе числа рабочихъ часовъ и введеніе Уебфильдовой системы колонизаціи, при которой занятіе земли должно обуславливаться ея покупкою, потому что иначе не будетъ ни наемнаго труда, ни занятія земли, пропорціональнаго средствамъ, ни образованія городского населенія. Пятый случай касается общественной благотворительности;

Милль совѣтуетъ, чтобы пособіе давалось лишь въ крайнихъ случаяхъ, и чтобы положеніе чловѣка, получающаго помощь, не было хуже, чѣмъ положеніе чловѣка, содержащагося своимъ трудомъ. При соблюденіи этихъ условій полезно, чтобы законъ обезпечивалъ средства существованія находящимся въ крайности здоровымъ людямъ, и чтобы эти средства не зависѣли отъ частной благотворительности. Частная благотворительность даетъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало, а если правительство содержитъ бѣднаго преступника въ тюрьмѣ и не содержитъ невиннаго бѣдника, то оно назначаетъ награду за преступленіе. Наконецъ, частная благотворительность илродитъ нищенство. Государство должно однако предоставить частной благотворительности оказаніе пособій бѣднымъ, заслуживающимъ пособія. Такого разграниченія не можетъ сдѣлать администрація, да это и не ся дѣло. Къ этой же категоріи относятся и пособія колонизаціи. Наконецъ, участіе правительства необходимо въ общепользныхъ дѣлахъ, занятіе которыми не обѣщаетъ частному лицу соответствующаго вознагражденія; сюда относятся пособія для путешествій съ географическою или ученою цѣлью, устройство маяковъ, назначеніе содержанія ученымъ, занятія которыхъ требуютъ изслѣдованій и опытовъ, поглощающихъ все ихъ время. Двигателями науки, замѣчаетъ Милль, были, впрочемъ, и такіе люди, которые посвящали по нѣскольку часовъ практической дѣятельности. Прежде чѣмъ брать на себя какое-либо дѣло, правительство всегда должно обсудить: не можетъ ли быть это дѣло исполнено свободною частною дѣятельностью, и можетъ ли правительство исполнить его лучше, чѣмъ частныя лица? Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда страна осталась бы безъ дорогъ, доковъ, пристаней, орошенія, больницъ, училищъ, типографій, если бы не устроило ихъ правительство, потому что общество или слишкомъ бѣдно, или не развито, или не привыкло къ самодѣятельности, вслѣдствіе продолжительнаго деспотизма или завоеванія; въ такихъ случаяхъ правительство должно принять на себя инициативу, имѣя въ виду воспитаніе въ народѣ индивидуальной энергіи и добровольнаго соединенія силъ.

Предыдущее представляетъ не столько изложеніе основаній и предѣловъ для промышленной свободы, сколько указаніе главныхъ случаевъ участія правительства въ дѣлахъ общества. Въ сущности, послѣдняя глава сочиненія Милля не отличается по содержанію отъ двухъ предшествующихъ; но воззрѣнія его здѣсь гораздо шире. примѣры, приводимые имъ, не смотря на отсутствіе подробностей, которое часто лишаетъ дѣло живаго практическаго смысла, несправ-

ненно опредѣленнѣе и точнѣе очерчиваютъ мысль автора. Тѣмъ не менѣе, это скорѣе программа для трактата о благоустройствѣ, чѣмъ дѣйствительное ученое изслѣдованіе. Оставляя въ настоящемъ случаѣ вопросъ о научномъ методѣ совершенно въ сторонѣ, авторъ замѣняетъ гипотетическіе приемы догматикою, источникомъ для которой служитъ не отвлеченное мышленіе, но опытъ, представляемый жизнію, или скорѣе, необыкновенная проницательность ума, схватывающаго на лету смыслъ общественныхъ явленій такъ вѣрно, что въ главныхъ идеяхъ Милля нельзя не видѣть пониманія дѣйствительности и ея практическихъ задачъ.

Окончивъ разборъ „Началъ политической экономіи“ Милля, представляемъ общее заключеніе нашей оцѣнки.

Попытка построить науку по дедуктивному методу оказалась несостоятельною, потому что явленія, подлежащія изученію экономиста, не укладываются въ тѣсныя рамки апріорическихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ небольшого числа условій. Точные выводы требуютъ наблюденія и анализа явленій. Не должно думать, чтобы подобный научный приемъ, сковывая человѣческую мысль, лишалъ ее способности видѣть что-либо за предѣлами существующаго и осуждалъ на одно лишь описаніе или истолкованіе настоящаго. Знаніе того, что есть, составляетъ узду для фантазіи, но не для человѣческой мысли, а несовершенства и недостатки дѣйствительности открываютъ болѣе широкую перспективу для правильныхъ предположеній и постановки задачъ, требующихъ разрѣшенія, чѣмъ широкіе размахи дедуктивнаго метода, примененнаго къ общему построенію науки. Многообъемлющія гипотезы предполагаютъ готовую доктрину и служатъ для нея одною лишь внѣшнею оболочкою. Такъ случилось съ Госсеномъ, когда онъ пытался построить политическую экономію чисто математическимъ путемъ: онъ переложилъ на математическій языкъ ученіе Бастіа. Такъ случилось съ Де-Траси (Destutt de Tracy), когда онъ сдѣлалъ попытку вывести всю науку изъ понятія о волѣ: въ сущности онъ изложилъ ученіе Смитовой либеральной школы. То же самое повторилось и съ Миллемъ: его „Политическая экономія“ есть перифразъ ученія школы Рикардо-Мальтуса.

Но положительный умъ Милля не могъ остаться въ области однихъ логическихъ построеній. Современные общественные и экономическіе вопросы такъ близки ему, что онъ не могъ обойти ихъ. Здѣсь предстоялъ ему новый камень преткновенія — согласить ученіе

Рикардо-Мальтуса съ стремленіями второй половины XIX вѣка. Соціалисты видѣли въ фаталистическихъ доктринахъ англійской школы самое разительное доказательство несостоятельности существующаго порядка. Милль самъ не прочь произнести надъ нимъ суровый приговоръ, но онъ чувствуетъ, что вѣтъ предѣловъ существующаго наука теряетъ твердую почву, и что затѣмъ можетъ быть мѣсто для одной лишь тошнѣ. Поэтому ему ничего не оставалось болѣе, какъ излагать теорію, построенную на дѣйствительно установившихся отношеніяхъ, и сдѣлать уступки новому времени. Эти уступки очень разнообразны, начиная отъ предложенія ограниченій для наследованія (практичность которыхъ очень сомнительна), отъ провозглашенія начала ассоціаціи (какъ главной основы будущаго развитія общества), не исключаящаго ни соперничества, ни свободы, ни индивидуальности, ни собственности, и оканчивая признаніемъ за государствомъ права дѣйствовать для блага общаго, въ предѣлахъ назначенной для него области, а за утилистами — права дѣлать опыты надъ новымъ устройствомъ жизни по теоретическимъ воззрѣніямъ. Если бы точка отправленія Милля была иная, не гипотезы, а предварительное изученіе явленій, то ему не пришлось бы переходить отъ одной крайности къ другой, примирять непримиримое и совмѣщать несомвѣстимое. Но построеніе науки въ духѣ современномъ потребовало бы работы надъ громаднымъ матеріаломъ, очень часто не обдѣланнымъ и осуждающимъ ученаго на дѣятельность чернорабочаго. Милль предпочелъ задачу болѣе легкую; онъ ограничился построеніями на основаніи началъ, выработанныхъ въ систематическихъ сочиненіяхъ. Такой трудъ имѣетъ много привлекательнаго, но онъ вноситъ мало новаго въ сокровищницу нашихъ знаній. Сочиненіе Милля не можетъ научить правильному методу, потому что авторъ не оправдываетъ своихъ теорій фактами и не выводитъ теорій изъ наблюдаемыхъ явленій; наконецъ, оно не можетъ дать твердыхъ научныхъ основаній и потому, что самъ Милль скептически относится къ существующему, этому вѣчному источнику познанія научной истины.

Н. Бунге.

Кіевъ, 1868 г.
